

8010

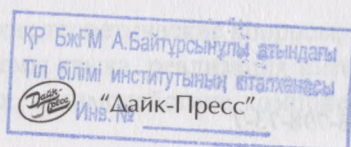
З.М. Базарбаева

Қазақская интонация

3.М. Базарбаева

Қазақская интонация

Алматы 2008

ББК 81.2-1

Б 17

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор *К. Ш. Хусаин*

Рецензент
доктор филологических наук, профессор *А. Жунисбек*

Базарбаева З. М.
Б 17 **Казахская интонация.** – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 284 с.

ISBN 9965-798-73-7

Книга посвящена новому направлению казахского языкознания – интонологии. На широком лингвистическом материале с привлечением результатов экспериментальных данных впервые в казахском языкознании разработана теория интонации. В работе рассматриваются такие проблемы, как происхождение интонации, ее место в системе языка, единицы и компоненты интонации, связь интонации с синтаксисом и семантикой, реализация интонации в различных типах высказываний, в прозаической и поэтической речи, а также прагмалингвистический аспект интонации.

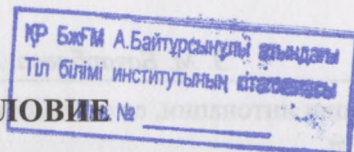
Для специалистов казахского и других тюркских языков, аспирантов, студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами современной лингвистики.

ББК 81.2-1

ISBN 9965-798-73-7

© Базарбаева З. М., 2008
© Издательство “Дайк-Пресс”,
оформление, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ № _____

В предлагаемой книге обобщены результаты исследования казахской интонации, полученные нами в разные годы в связи с конкретными задачами и объединенные общей проблематикой. Необходимость такого труда обусловлена потребностями казахской лингвистической науки, поскольку вопросы тюркской, в частности казахской, интонации долгое время не были объектом специального исследования. Некоторые аспекты интонации рассматривались в рамках синтаксиса и фонетики, что ограничивало описание ее потенциальных функциональных возможностей, поэтому большинство многогранных свойств и разноплановых характеристик интонации оставалось в тени. Развиваясь на стыке этих двух дисциплин, наука об интонации выделилась в отдельную область языкознания — *интонологию* — со своим объектом и методами исследования, что дало возможность всестороннего и широкомасштабного изучения этого сложного и вместе с тем интересного лингвистического феномена.

Представляя собой комплексное многоаспектное и многофункциональное явление речи, казахская интонация рассматривалась в работе под новым углом зрения, как совокупность суперсегментных просодических средств во взаимодействии и взаимовлиянии, обладающей семантикой и занимающей независимое положение среди других языковых средств.

Основные теоретические положения казахской интонации базируются на экспериментальных данных, на обобщении общих положений теории интонации в свете современных тенденций общего языкознания, направленных на изучение фактов языка с новых позиций в русле современной научной парадигмы в антропоцентрическом, функциональном, прагматико-коммуникативном аспектах.

Экспериментальные работы проводились с учетом опыта изучения интонации других языков, особенно русского и французского, иногда для выявления специфики казахской интонации приходилось прибегать к типологическим методам исследования на материале нескольких языков.

Книга охватывает такие теоретические вопросы, как происхождение просодической системы языка, реализация интонационных единиц в различных текстах, взаимодействие компонентов интонации,

функции интонации, ее отношение к семантике, к синтаксису и прагматике.

На основе достижений общей теории интонации в лингвистике определяются и обосновываются принципы и методы изучения интонационной системы казахского языка. Выявляется набор просодических средств, передающих интонационную специфику казахского языка и релевантные интонационные компоненты во взаимосвязи и взаимодействии, участвующие в дифференциации интонационных единиц. В результате системно-функционального подхода и глобального метода по стабильности просодических признаков выявляются инварианты интоном казахского языка с их вариантами. Интонома в казахском языке, реализующаяся в синтагме, впервые рассматривается как минимальная функциональная единица, дифференцирующая высказывания. Комплексному интонационному анализу подвергаются все коммуникативные типы высказываний, а также различные типы осложненных, сложных предложений и сложного синтаксического целого. Выявляется специфика смыслового членения речевого потока по степени важности и выделенности его сегментов с распределением ритмико-синтагматического и логического ударений. Предлагается новое решение ряда традиционных вопросов теории интонации в свете учения А. Байтурсынова. Специальному исследованию подвергается интонация поэтической речи с учетом ритмических и рифмических характеристик казахского стиха, выявляется роль ритма как основного компонента интонации в поэзии.

Книга предназначена для интересующихся вопросами фонетики, фонологии, интонологии, синтаксиса, а также ораторской и сценической речи.

ВВЕДЕНИЕ

История изучения интонации и ее место в системе языка

Фонетическую систему языка образуют не только сегментные средства, но и суперсегментные, которые накладываются на фонемную (линейную) структуру речи. Если минимальные единицы звуковой системы языка – фонемы (гласные, согласные), являющиеся элементами звуковой оболочки слов и морфем, составляют сегментный уровень речевого звучания и определяют линейность речи, то вторую линию речевого звучания составляет суперсегментный уровень, т. е. интонация. Этот второй интонационный (просодический) уровень имеет достаточно сложное строение и выполняет весьма многообразные функции. Просодические средства в каждом языке функционируют в виде тональных, динамических и темпоральных модификаций и изменений одновременно с сегментами речевого потока.

Этимологическое значение слова *интонация* (с латинского *intono* – громко произношу) в настоящее время полностью не раскрывает сути этого многогранного явления, поскольку интонация – это сложное лингвистическое целое, состоящее из нескольких компонентов: мелодики, темпа, паузы, ударения, ритма, интенсивности, тембра. На акустическом уровне эти компоненты соответствуют тональным, динамическим и временным параметрам. Звуки языка и интонация описываются одними и теми же акустическими параметрами: частотой основного тона, длительностью, интенсивностью и спектром.

Если мы обратимся к истории изучения просодической системы, то увидим, что наиболее глубокие традиции в анализе интонации имеет теория публичной речи. Интонационно-мелодические характеристики сценической речи издавна привлекали внимание специалистов в области декламации и ораторского искусства. Особое значение при этом придавалось эмоционально-экспрессивным и логическим особенностям, выражаемым просодическими средствами.

На основании анализа специальной литературы, посвященной истории изучения просодической системы, можно констатировать, что она тесно связана с развитием ораторского искусства, которое достигло большого совершенства еще в Древней Греции и в Древнем

Риме. Первыми теоретическими источниками по исследованию интонации по праву могут считаться труды античных философов, в которых были рассмотрены и частично описаны некоторые компоненты интонации, как мелодика, пауза, темп, ритм. Так, в трудах Аристотеля, Деметрия, Цицерона, Трасимаха можно найти сведения об одном из самых главных компонентов интонации – ритме. Довольно полно особенности ритмической организации речи описываются в известном труде Цицерона «Оратор», где автор дает подробную характеристику ритму и показывает, как нужно им пользоваться в ораторской речи, причем не только в поэзии, но и в прозе. Ритмическая проза должна применяться тогда, считает Цицерон, когда повествовательная часть речи требует больше торжественности. При этом ритмичность прозы обеспечивается симметричностью порядка и построения слов внутри фразы, а также размером, расположением слов с правильным чередованием пауз. «Ритмической считается всякая речь, движущаяся ровно и устойчиво, без хромания и подобия шатания. Не та ораторская речь признается ритмической, которая целиком основывается на ритмах, а та, которая более всего приближается к ритмам», – писал Цицерон в сороковых годах до нашей эры.

Труды античных философов не потеряли актуальности и по сей день. И что интересно, Цицерон, как представитель своего времени, критикует своих современников, что они не умеют правильно пользоваться ритмом, приводя в пример греков: «У греков по крайней мере вот уже почти четыреста лет как этот ораторский прием пользуется общим признанием, а мы лишь недавно его усвоили». Особое внимание обращается и на темп речи, который может быть стремительным и умеренным в зависимости от построения предложения (Цицерон об ораторском искусстве, 1958, с. 42–47).

В трудах античных философов объясняются такие понятия, как *колон*, *период*, и даются рекомендации по их использованию. Вот что пишет Цицерон по поводу периода: «Мой слух по крайней мере наслаждается законченным и полным периодом, и чувствует, когда он урезан, и не любит слишком длинных. Период должен быть стройно расположен, а не беспорядочно брошен» (там же, с. 42). Аристотель, на которого в своих трудах часто ссылается Цицерон как на «самого ученого и умного», отмечает, что период должен заключать в себе законченную мысль и может состоять из нескольких делений-колон,

удобных для дыхания. «Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть», – писал древнегреческий ученый (Аристотель об ораторском искусстве, 1958, с. 23).

Интересные высказывания о периоде можно найти в работе М. В. Ломоносова «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия»: «Каждый период должно произносить отдельно от прочих, то есть, окончив оный, несколько остановиться; части его, разделенные двоеточиями и запятыми, отделять малою переменою голоса и едва чувствительною остановкою; каждое речение, склад и литерату выговаривать чисто и ясно и в один дух излишне не захватывать, ибо сие понуждает часто в непристойном месте остановиться или, несколько складов не договорив, пропустить» (Ломоносов, 1743, с. 78).

С фонетической точки зрения период и колон, по сравнению с периодом, возникают в результате деления речевого потока на сегменты, причем колон более мелкая единица. Если период, как сегмент речи, выражает законченную мысль, то колон, объединяющий фонетические отрезки, не всегда представляет собой смысловую завершенность, пограничные сигналы на стыках маркируются паузой, а иногда изменениями тональных интервалов и переломом мелодических и динамических контуров.

Таким образом, период охватывает комплекс семантико-синтаксических единиц: осложненных, сложных предложений, сложно-синтаксических целых, оформляясь соответствующей интонацией, причем компоненты интонации, такие, как мелодика, тональные диапазоны и уровни, темп, интенсивность и другие ее составляющие, во взаимосвязи и взаимозависимости, играют важную роль в передаче смысла. Что касается колона, то он чаще всего объединяет ритмические группы и синтагмы.

Сведения о правильном использовании интонации в ораторской речи даются в вышеупомянутом труде М. В. Ломоносова. Ученый пишет об интонационных правилах, которые необходимо соблюдать в речи выступающих: какая должна быть тональность разговора, темп, тембральные оттенки, в какой манере надо произносить отдельные слова в потоке речи, чтобы они были приятны на слух, как с помощью интонации можно выразить вопросительные, восклицательные и другие значения. «Слово произносить должно голосом чистым, не-

прерывным, не грубым, средним, то есть не очень кричным или весьма низким, ровным, то есть не надлежит вскрикивать вдруг весьма громко и вдруг книзу опускаться, и, напротив того, неприлично произносить одним тоном, без всякого повышения или понижения, но, как произносимый разум требует, умеренно повышать и понижать должно и голос. В вопрошениях, в восклицаниях и в других сильных фигурах надлежит оный возносить с некоторым стремлением и отрывом. В истолковании и в нежных фигурах должно говорить ровнее и несколько пониже: радостную материю веселым, печальную плачевным, просительную умильным, высокую великолепным и гордым, сердитую произносить гневным тоном. И словом, голос свой управлять должен ритор по состоянию и свойствам предлагаемая материи» (Ломоносов, 1743, с. 77–78).

Роль некоторых компонентов интонации (паузы, темпа, тона) в передаче эмоционально-логической стороны речи рассматривается в трудах современника М. В. Ломоносова английского ученого Блэра. Особое внимание ученый уделяет специфике логического и эмпатического ударений, являющихся одним из главных составляющих просодической системы языка (Blair, 1785).

Интонация сценической речи изучалась и немецким ученым Р. Бенедиксом. Ученый рассматривал интонацию как комплексное явление, компоненты которого во взаимосвязи друг с другом придают речи окраску. С современной точки зрения элементы тона, о которых писал Бенедикс, соответствуют частоте основного тона, длительности, интенсивности и спектру. При этом первые три компонента организуют речь, чтобы она была понятна, а четвертый компонент придает речи тембральные окраски. Таким образом, в работе этого ученого просматривается системный подход в изучении интонации (Benedix, 1903).

Во второй половине XIX и в первой половине XX века многие специалисты ораторской и сценической речи изучают тексты художественной литературы с целью формулировки законов и правил интонирования. При анализе письменных художественных текстов исследователи опирались на произношение артистов сцены и публичных ораторов, речь которых считается образцом исполнительского мастерства. В этих текстах исследователи старались найти отражение звучащей речевой интонации, которые могут передаваться с помощью

знаков препинания и других синтаксических приемов. Членение речевого потока на сегменты может передаваться с помощью семантико-интонационных и синтаксических единиц – синтагм, а также ритмических групп. Паузы и изменения мелодических параметров на стыке слов в звучащей речи указывают на границы периодов и колон. Знаки препинания ставятся там, где в звучащей речи слышится пауза. Исследования, проведенные с целью создания универсальных законов интонирования письменных текстов, часто себя не оправдывали. Закономерности, выявленные по формальным признакам, не отражали реальную картину, например, отсутствие знака препинания на месте паузы и, наоборот, наличие паузы там, где их нет, произношение вопросительного предложения с завершенной интонацией и т. д. Такие несоответствия могли решаться только с лингвистических позиций: интонационные значения не всегда совпадают с грамматическими, интонационные единицы не могут быть прямым отражением грамматических, об этом еще в свое время писал А. М. Пешковский.

С развитием языкознания интонация не могла оставаться объектом изучения только лишь ораторского и сценического искусства. Стремительное развитие науки о языке ставило перед учеными новые задачи, отвечающие велению времени, и они в своих трудах начинают обращать внимание на некоторые аспекты интонации уже в лингвистическом плане.

Так, в 1765 г. появляется «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, где описываются свойства четырех важных компонентов интонации: высота – выходка, интенсивность – напряжение, длительность, темп – протяжение, тембр – образование. Говоря о коммуникативной роли интонационных компонентов и ее важности в человеческом общении, М. В. Ломоносов подчеркивает, что иногда только по тембру речи без зрительного восприятия можно распознать человека: «из великого множества знакомых людей каждого узнаем по голосу в лицо не видя» (Ломоносов, 1765).

В 1775 г. выходит в свет работа английского ученого Д. Стиля, в которой он с помощью символов старается передать на бумаге некоторые интонационные средства, как повышение – понижение тона, длительность – краткость, выделенность – невыделенность (Steele, 1776).

С середины XIX века интонация и ее компоненты постепенно становятся объектом лингвистических исследований. Некоторые

элементы интонации изучаются в трудах, посвященных грамматическому строю различных языков. Так, в 1833 г. французский лингвист Ш. Жиро-Дювивье описывает основные элементы интонации, которые соответствуют современным просодическим средствам: мелодике, темпу, интенсивности (*Girault-Duvivier*, 1833). Интонационные характеристики звучащей речи в различных функциональных стилях исследуются на материале английского языка (*Jones*, 1909).

Таким образом, работы по изучению просодической системы можно поделить на две части: исследования, посвященные изучению ораторско-сценической речи, а также лингвистические исследования. Если не считать единичных работ, посвященных описанию некоторых свойств интонации, специальные лингвистические исследования появляются во второй половине XIX века.

До сороковых годов XX века лингвистами предпринимаются поиски объекта изучения просодической системы и методов ее анализа. Интонация в это время чаще всего отождествляется с одним из ее компонентов – мелодикой. Это, по-видимому, связано с тем, что мелодика, считающаяся одним из компонентов интонации, имеет большие функциональные возможности по сравнению с другими составляющими интонации, и, кроме того, она легче поддается физическому анализу. С развитием экспериментальной фонетики все больше внимания уделяется акустическим характеристикам интонации и ее лингвистическим интерпретациям. В это время большой вклад в изучение суперсегментных средств речи и выявление их функциональных возможностей внесли следующие ученые: Н. Sweet, 1892; D. Jones, 1909; В. А. Богородицкий, 1917; В. Н. Всеволодский-Гернгросс, 1922; В. А. Н. Pernot, 1930; S. Karcevskij, 1931; M. Grammont, 1933; S. C. Boyanus, 1936; Л. В. Щерба, 1937 и т. д.

Начиная с 40-х годов XX столетия наблюдается интенсивное изучение интонации по всем направлениям. Исследуются интонационные характеристики различных коммуникативных типов предложений (повествовательные, вопросительные, побудительные, восклицательные). Рассматриваются характеристики интонации в зависимости от синтаксической структуры предложения (простое, сложное, вводное и т. д.), а также различные компоненты интонации по отдельности и во взаимосвязи. Наряду с аудитивным анализом суперсегментных средств все чаще применяются инструментальные методы исследова-

ния. Особое внимание уделяется выявлению природы ударения и ее функций. Появляются также типологические работы сопоставительного характера на материале нескольких разноструктурных языков. Этот период в исследовании интонации характеризуется теоретическим осмыслением полученных результатов. Наибольшее теоретическое значение в изучении интонации имели работы следующих советских и зарубежных лингвистов: В. А. Артемов, 1940, 1962; К. К. Барышникова, 1953, 1966; Е. А. Брызгунова, 1963; Т. М. Николаева, 1969; Л. Г. Блохина, Г. К. Потапова, 1970; Л. К. Цеплитис, 1974; И. Г. Торсуева, 1974; Н. Г. Светозарова, 1982; D. L. Bolinger, 1964; W. Zwanenburg, 1964; K. Pike, 1965; P. Delattre, 1966; G. Faure, 1968; B. Malmberg, 1971 и др.

В казахском языкознании впервые вопросы интонации начали изучаться в 20–30-х годах XX столетия в работах А. Байтурсынова и К. Жубанова. А. Байтурсынов рассматривал казахскую фонетико-фонологическую систему в сопоставлении с русской, польской, французской, чешской, особое внимание при этом уделяя суперсегментным средствам речи. Исследуя функции и природу одного из самых важных компонентов интонации, ударения в разноструктурных и неродственных языках, ученый поделил рассматриваемые языки на два типа: 1) языки с фиксированным ударением и 2) языки с разноместным, подвижным ударением, отметив при этом схожесть данного просодического явления в казахском и французском языках в отличие от русского: «Орыс тілінде екпін буыны бір сөздің басында келсе, екінші сөздің ортасында, үшінші сөздің аяғында келеді, ол әр жерде көшкілеп жүреді, қазақ тілінде екпін буыны сөздің аяғында келеді, а аяғына таяу буын болып келеді. Екпін буыны аяғында келетін сөздерімен, қазақ тілі француз тіліне ұқсас» (*Байтұрсынов*, 1989, с. 190).

А. Байтурсынов в своих трудах отмечает плавность и мелодичность казахской речи, в которой нет резких переломов контура, сравнив мелодико-интонационные кривые с узорами на национальном казахском ковре: «Өрнекті сөйлемді айтқанда, дауыс көтеріліп, төмендеп, әнше оралып, қайырылып отырады» (там же, с. 179). Большую ценность представляют замечания ученого о ритмической организации казахского стиха, которые явились теоретической базой в изучении просодической системы казахского стихосложения. Учение А. Бай-

турсынова о ритмической группе, которую он называл *бунақ*, были развиты в теории стихосложения казахского языка. «Буын ырғағынан өлең ырғағын айыру үшін бұл ырғақты жорғақ деп атаймыз» (там же, с. 189). Исследуя поэтическую речь, ученый вводит также понятия *айшық*, *шумақ*, *тармақ* и дает им объяснения.

Таким образом, изучая просодические характеристики прозаической и поэтической речи, А. Байтурсынов заложил основы просодической системы казахского языка. Его замечания по поводу основных свойств интонационного оформления казахской речи, подтвержденные в современном языкознании экспериментальными (инструментальными) методами исследования, легли в основу создания теории интонации казахского языка.

Оригинальные суждения об интонации (*дауыс сазы*), ее связи с семантикой даются в работах К. Жубанова. Особое внимание ученый обращает на ее эмоциональную функцию: «Адам көңілінің түрлі күйіне сөздің түрлі әні сәйкес келеді. Сондықтан, сөздің әнінің арқасында хабардың өзін ғана емес, сөйлеушінің көңіліне сол хабардың қалай тигенін, немесе қалай тиген етіп көрсеткісі келетінін білеміз. Адамның көңілі қобалжуының түрі көп; тіпті ұшы-қиыры жоқ десек те болады. Бұларды білдіруге арналған амалдық – дауыс сазының да түрі көп» (Жұбанов, 1999, с. 217). К. Жубанов в своих трудах отмечает важное значение интонации в речевой коммуникации. Даже не понимая чужого языка, пишет Жубанов, по интонации можно понять смысл высказывания. Различая коммуникативную и экспрессивно-модальную функции интонации, Жубанов говорит также и о синтаксической, семантической и ритмообразующей функциях интонации: «Сөз музыкасын халық сөйлеу синтаксисіне де пайдаланады, сөз мағынасын түрлендіргенде де ырғақты пайдаланамыз, сөздің сөз екендігін ғана түсініп қоймаймыз, оның әні арқылы басқа мүмкіндіктерін түсінеміз» (Жұбанов, 1999, с.71).

Начиная с 40-х годов в казахской лингвистике появляются работы по синтаксису и фонетике, где интонации отводится значительное место. В 1940 году появился известный труд С. Аманжолова «Қазақ әдеби тілі синтаксисінің қысқаша курсы», в котором он дает следующее определение интонации: «Интонация дегеніміз жеке сөздің я бір топ сөздің, не сөйлемнің көтеріңкі екпінмен, дауыстың ерекше мәнге лайық басым айтылуы, қандай сөйлем болсын, мейлі ол екі сөзден, не-

месе бір сөзден құралған сөйлем болса да өзіне тән интонация болады» (Аманжолов, 1994, с. 62). Особо выделяя синтаксическую функцию интонации, ученый анализирует вопросительную, восклицательную, вставочную мелодику предложений, а также логическое ударение.

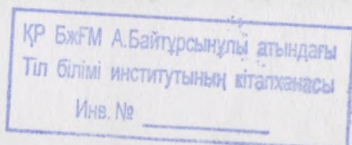
В 1948 г. вышла книга Н. Т. Сауранбаева «Қазақ тіліндегі құрмалас сөйлемдер жүйесі», основные положения которой были опубликованы в «Қазіргі қазақ тілі», издания Академии наук Казахской ССР в 1954 году. «Роль и значение интонации и ритмико-мелодических средств в языках тюркской системы настолько значительны, что они определяют типологически особую систему сложных предложений, так называемый паратаксис, т. е. формально не оформленных сложных предложений» (Сауранбаев, 1982, с. 202).

Н. Т. Сауранбаев рассматривает сложные предложения в структурно-семантическом и интонационном аспектах. Выделяя четыре группы сложных предложений (*салалас құрмалас, сабақтас құрмалас, аралас құрмалас, үйірлі мүшелі құрмалас*), Сауранбаев отмечает, что интонация играет особо важную роль в оформлении сложных предложений: «Қазақ тілінде құрмаластағы синтаксистік компоненттердің ара жігін ашудың ең елеулі бір тәсілі – интонация. Интонацияның түрленуі, бәсеңдеуі, көтерілуі арқылы құрмаластағы компоненттердің жігі бір фонацияның бірнеше ағысқа бөлінуі арқылы ажыратылып айтылады, яғни құрмаластың құрамындағы синтаксистік компоненттері интонация жағынан кесек-кесек жеке бөлініп, біріне-бірі ұласа айтылады» (Сауранбаев, 1982, с. 211).

Особое внимание уделяется ученым на интонационные особенности противительного сложносочиненного и сложноподчиненного предложения: «Біздіңше, жай сөйлемдер карсылас болып құрмаласса, бір интонациямен айтылып, бір-бірінен ажырамай барлығы ұласып тұрады, ал кайшылас сабақтастағы сөйлемдердің үлкен қасиеттерінің бірі – олар өте тұрақты интонациямен айырылады» (Сауранбаев, 1982, с. 547).

Н. Т. Сауранбаев говорит также об эмоциональной и стилистической функциях интонации в сложных предложениях, указывая на ритмико-мелодические особенности, влияющие на экспрессивно-смысловые оттенки простых предложений, входящих в состав паратаксиса.

В 1961 г. появляется совместный труд М. Балакаева и Т. Кордабаева «Қазіргі қазақ тілі (синтаксис)». В этом учебном пособии М. Балака-

ев рассматривает интонацию как один из основных показателей предложения и отмечает, что любое предложение, произнесенное вслух, имеет свою специфичную интонацию. Исследуя синтаксис простых предложений, М. Балакаев обращает внимание на их интонационное оформление и на функции интонации в предложении: «Сөйлем бір сөзден тұрса да, өзара байланысты бірнеше сөзден құрылса да, ол дауыс ырғағы жағынан тұтастанып, айналасындағы басқа сөйлемдерден пауза арқылы оқшаулануымен қатар, олармен мағыналық қатынасқа еніп, ұласып, ұштасып жатады» (Балакаев, 1961, с. 6).

Т. Қордабаев изучает интонацию в рамках сложного предложения, выделяя функцию завершенности и незавершенности в зависимости от компонентов сложного предложения, а также обращает особое внимание на соединительную роль интонации, проявляющейся в объединении отдельных компонентов сложного предложения.

В 1962 г. было опубликовано пособие для студентов «Қазіргі қазақ тілі (лексика, фонетика)» І. Кенесбаева, Г. Мусабаева, в котором І. Кенесбаев рассматривает различные виды ударений (динамическое, фразовое, тоническое). С. Кенесбаев, исследуя фонетическую систему казахского языка, рассматривает функциональные возможности одного из основных элементов интонации – *ударения*. Отмечая «неинтенсивный» характер казахского ударения в отличие от русского языка, автор показывает словоразличительную функцию ударения, т. е. его свойство отличать одно слово от другого: *жарма-жарма*, *баласыз-баласыз*. Кроме того, Кенесбаев пишет о разграничительной функции фразово-синтагматического ударения, которое «проводит рубеж между смежными синтагмами» (Кенесбаев, 1962, с. 280–281).

В 1959 г. выходит в свет книга Ш. Ш. Сарыбаева «Междометие в казахском языке», где автор значительное место отводит вопросам казахской интонации. «Никакая другая часть речи не обладает такой богатой, разнообразной интонацией, какой обладают междометия, фонетическая сторона которых намного шире фонетической стороны других типов слов», – пишет автор (Сарыбаев, 2000, с. 432). Являясь «кульминационным пунктом» интонации целой фразы, междометия чаще всего встречаются в живой речи, диалоге, где наиболее ярко проявляются их интонационные характеристики. Автор отмечает большую роль интонации в установлении значений некоторых междометий, причем «смыслоразличительная роль ее сказывается больше на

многозначных междометиях, нежели на однозначных». Подвергнув многозначные междометия экспериментально-фонетическому анализу, автор описывает их интонационные характеристики в зависимости от их значения (восторг-одобрение, укоризненно-отрицательное отношение к речи собеседника, удивление с оттенком ошеломленности). По результатам анализа автор выявляет различные мелодические контуры (восходящие, нисходящие, ровные, ломаные) междометий, а также высказывает свое мнение относительно казахского ударения. Нельзя не согласиться с мнением ученого, характеризующего ударение как смысловоразличительное, имеющее фонологическое значение.

В 1979 г. вышло учебное пособие для студентов интонации в акустическом выражении и их роль в организации предложения: «Қазіргі қазақ тілі» А. Нурмахановой, в котором довольно подробно рассматриваются значение и компоненты интонации. «Интонация – дауыс сазының бірде көтеріңкі жоғарылап, бірде төмендеп бәсеңдеуі... іркіліс, тембр, екпін, сөзді айтуға кететін уақыт, дауыс ырғағы, күші, әуені қарқыны, диапазоны т. б. компоненттер интонацияның физикалық құрамына кіреді». На основе экспериментальных данных автор описывает интонационные характеристики коммуникативных типов предложений. А. Нурмаханова выделяет две функции интонации. Первая функция – эмоционально-экспрессивная, которую автор квалифицирует как основную, когда одними только интонационными средствами можно передавать различные эмоциональные оттенки. Вторая функция интонации связана с лексико-грамматическими средствами, когда они вкупе с интонационными участвуют в дифференциации различных коммуникативных типов предложений (Нурмаханова, 1982, с. 138, 141).

Некоторые вопросы казахской просодики обсуждаются в трудах Ж. Аралбаева. В работе «Қазақ фонетикасы бойынша этюдтер» имеется специальный раздел, посвященный проблемам акцентуации, ритмики, мелодики, паузации. В зависимости от функций ударения ученый выделяет три группы языков: к первой группе относятся языки с разноместным подвижным ударением, к которым принадлежит русский язык. Фонематическая роль такого ударения заключается в дифференциации значения слов и словоформ. Ко второй группе относятся языки с фиксированным ударением (польский, монгольский, чешский, армянский, финоугорские и тюркские), в этой группе языков

ударение играет лишь слогоразличительную, словоопознавательную и наряду с сингармонизмом цементирующую роль. К третьей группе относятся языки с фиксированным ударением, падающим на конец фонетического слова и сегментирующим речевой поток на ритмические группы (французский язык). Ж. Аралбаев отмечает смысловую различительную роль ритмического и логического ударения, подкрепляя примерами. Ученый также уделяет внимание семантической и эмоциональной функции фразовой интонации: «Сөзіміздің түрлі эмоциялық кезеңдері де интонацияға байланысты болады: ашу, ызалану, кекету, мысқылдау сияқты неше түрлі сезім көріністері өзінің интонациясы арқылы айқындалып отырылады». Вопросы интонации, по мнению ученого, требуют специального исследования: «Бұл мәселе өз алдына дербес зерттеуді керек етеді» (Аралбаев, 1979, с. 107–109, 130).

В 60–80-х годах появляются экспериментально-фонетические работы, посвященные исследованию интонации простых предложений по цели высказывания (вопросительные, повествовательные), а также различных синтаксических конструкций.

Начиная с 90-х годов вопросы суперсегментной фонетики рассматриваются в теоретическом и экспериментальном аспектах с позиции системно-функционального подхода в рамках нового направления казахского языкознания – интонологии (Базарбаева, 1991, 1996).

Таким образом, небольшой обзор литературы, посвященный изучению интонации в русском, европейских и казахском языках, позволяет констатировать, что кроме специальных работ по интонации сведения о ней содержатся в разделах «Синтаксис» или «Фонетика» общезыковедческих работ. Это объясняется тем, что к такому многоаспектному явлению, с одной стороны кажущемуся абстрактным, неуловимым, с другой стороны, конкретным, тесно связанным с семантикой, исследователи подходят с разных точек зрения, обращая внимание то на содержательную сторону, то на формальную.

В лингвистической литературе интонацию рассматривают как важнейшую примету звучащей, устной речи, средство оформления и организации высказывания, определения его коммуникативного смысла и эмоционально-экспрессивных оттенков. Особую роль играет интонация в рамках целого текста, расчленения его на смысловые отрезки и осуществляя вместе с тем межфразовую связь.

Существует мнение о том, что интонация – явление субъективное, это связывают с тем, что тексты разными чтецами читаются по-разному, так как у каждого индивида как будто бы существует своя собственная интонация. В этом случае содержание текста будет интерпретироваться неодинаково и осмысливаться по-своему. По-видимому, это связано с тем, что читающие недопонимают смысла данного текста, что может полностью изменить не только его экспрессивно-эмоциональные оттенки, но и основное содержание. Неправильное интонирование и несоблюдение правил фразировки речи может привести к нарушению коммуникации. В связи с этим здесь следует говорить не о субъективности интонации, а об интонационных ошибках, которые нужно преодолевать. Признание субъективности интонации отрицало бы ее языковое содержание и многогранную функциональную значимость.

Являясь средством оформления устной речи, интонация проявляется и в письменной речи, поскольку, как справедливо замечает Черемисина, «и письменный текст реально или мысленно озвучивается читателем» (Черемисина, 1982, с. 7). Не случайно чтение характеризуется как процесс в известном смысле обратный письму, где интонация играет важную роль и читающий должен вычитать ту интонацию, которая соответствует замыслу автора.

Одной из наиболее сложных проблем является определение места интонации как одного из языковых явлений в общей системе языка. Существует три подхода в исследовании интонации: *синтаксический*, *фонетический* и *фонологический*.

Сторонники синтаксической точки зрения убеждены в тесной связи интонации с синтаксическими явлениями и рассматривают интонацию как одно из средств выражения синтаксических значений, связей, отношений внутри предложений разного типа, ограничиваясь исследованием интонации в рамках синтаксиса. Ярким примером изучения интонации в рамках синтаксиса является труд А. М. Пешковского «Интонация и грамматика», содержащий глубокую теорию интонации. Одной из самых характерных черт взаимоотношений между синтаксисом и интонацией, по А. М. Пешковскому, является принцип замены, который можно сформулировать так: чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение, и,

наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть синтаксическое. Работы, в которых интонация рассматривалась в синтаксическом аспекте, повлияли на дальнейшие исследования и способствовали развитию синтаксической фонетики.

С фонетической точки зрения интонация выступает как средство оформления высказывания, членения речевого потока на сверхфразовые единства, фразы, синтагмы, а также создания целостности, объединения мелких фонетических единиц в более крупные.

Фонологический подход предусматривает изучение интонации как системы оппозиции. Если в сегментной фонологии оппозиция фонем обусловлена отсутствием или наличием какого-либо признака, то в суперсегментной фонологии действует другой механизм противопоставления признаков: высокий-низкий, восходящий-нисходящий, ускоренный-замедленный, положительный-отрицательный. Ярким представителем фонологической точки зрения на интонацию являлся С. Карцевский.

В вопросе о месте интонации в уровневой структуре языка некоторые лингвисты считают единственным приемлемым решением отнесение феномена интонации к разным знаковым уровням, а вместе с этим и пересмотр безусловного отнесения фонетики к низшему ярусу структуры языка и признание того, что фонетические средства коррелируют со всеми уровнями системы языка, являясь условием их существования.

В последнее время интонация все чаще признается самостоятельным уровнем языковой структуры, а наука об интонации выделяется в отдельную область языкознания – *интонологию* – со своим объектом и методами исследования.

Изучение интонации прошло несколько этапов, которые тесно связаны с общим направлением развития языкознания. Современные лингвистические теории позволяют по-новому взглянуть на языковые факты и интерпретировать данные интонационных исследований, а результаты изучения такого многогранного явления, как интонация, могут способствовать обогащению лингвистической науки в целом. Здесь уместно было бы привести слова французского лингвиста Б. Мальмберга, что интонация находится в центре структуры и механизма языка, отсылать ее на периферию языка, то же самое, что недооценивать ее и неправильно судить о языке в целом.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИНТОНОЛОГИИ

О происхождении просодической системы языка

Одним из спорных и интересных вопросов в языкознании является вопрос о происхождении и становлении просодической системы языка. Существует несколько мнений относительно происхождения звуков речи и интонации, а также процесса возникновения и формирования просодических средств. Что является первичным и более древним: слово или интонация?

В процессе общения человек использует словесные и просодические средства, причем большинство ученых склоняются к тому, что просодические средства являются более древними. Высокоорганизованные животные, ведущие стадный образ жизни, общаются друг с другом посредством интонационных модуляций голоса. С помощью звуковых сигналов они предупреждают друг друга об опасности, призывают к взаимному общению, выражают свое отношение к тем или иным жизненно важным явлениям.

Об этом же свидетельствуют и данные онтогенеза: интонационные средства воспринимаются и усваиваются детьми значительно раньше, чем у них начинается формирование словесной речи.

Для определения различных стадий становления звуковой системы языка требуются многочисленные тщательные исследования на материале разноструктурных языков. Мысль о том, что интонация первична по отношению к слову высказывалась в ряде лингвистических трудов (*В. Всеволодский-Гернгросс, М. Cressot, Д. Болинджер, В. З. Панфилов, В. Б. Касевич*).

По мнению В. А. Богородицкого, зародышем языка были инстинктивные крики, вызываемые различными аффектами. Эти крики постепенно превращались в артикуляционно-слуховые символы для обозначения тех или иных предметов или явлений действительности. К восклицаниям как аффективным реакциям присоединялись и звукоподражания. Все это могло сопровождаться жестами и мимическими движениями. Жесты по мере развития звуковой речи все более и более отступали на задний план, а сама мысль, выражавшаяся звуками, в первое время была до того примитивной, что даже представления предмета и действия смешивались в ней в одно неопределенное

целое. При анализе природы языка Богородицкий обращает внимание на его изменчивость во времени и в пространстве. Причину этой изменчивости Богородицкий видит в смене генераций, или поколений (*Богородицкий, 1935*).

Д. Н. Кудрявский считает, что язык возникает в процессе анализа представлений при помощи звуковых символов, которые постепенно превращаются в слова. В этом процессе выделяются следующие этапы: 1) звуки являются непосредственным отражением впечатлений внешнего мира, 2) звуки становятся символами воспринятых впечатлений и 3) сопоставление звуковых символов и соответствующих сложных представлений ведет к обоюдному анализу и вырабатывает слово с его значением (*Кудрявский, 1913*).

Согласно исследованиям В. И. Бельтюкова, существует четыре периода становления звуковой системы: первые голосовые проявления, гуление, лепет и собственно речевые проявления. В период первых голосовых проявлений ребенок использует фонацию для привлечения к себе внимания. Способность к голосовым проявлениям врожденна и не зависит от подкрепления. Следующая стадия – гуление, когда имеются не только голосовые, но и звуковые проявления, хотя артикуляция согласных и гласных пока еще не дифференцирована. После гуления наступает лепетная речь, в которой наблюдается повторение одинаковых слогов. Последним этапом считается период становления произношения звуков (*Бельтюков, 1979*).

Исследуя становление детской речи, Р. О. Якобсон говорит о смене доречевого периода речевым, когда детский лепет уступает место фонологическим противопоставлениям. Ученый считает, что существует связь между языковым развитием ребенка и развитием этнических (народных языков). В соответствии с этим в усвоении языка ребенком присутствуют движущие силы, которыми обладает каждое языковое явление. Началу изучения языка у ребенка предшествует так называемый этап бормотания, который обнаруживает множество и разнообразие воспроизведенных звуков. Постепенно происходит переход из предъязыковой стадии к языковой, когда ребенок старается произнести отдельные звуки. Первые произвольные и лишённые значения звуковые различия еще не обладают свойством противопоставления. Предъязыковое бормотание звуков является чисто фонетическим, артикуляторным явлением, не имеющим отношения к фонологическим факторам.

По всей видимости, на этой стадии усвоения языка фонологическую, смысловоразличительную функцию выполняют просодические элементы, являясь средством связи ребенка с окружающим миром на эмоциональном уровне.

Якобсон отмечает, что в предъязыковой ступени бормотания ребенок может воспроизвести любые артикуляции различных незнакомых языков, на следующем этапе развития языкового становления воспроизводятся те фонемы, благодаря которым родной язык отличается от других языков. Отдельные пары фонем вначале воспринимаются детьми как варианты одной фонемы, например фонематическое противопоставление смычных и щелевых согласных в детском языке относится к сравнительно поздним явлениям. Овладение ребенком системой гласных начинается с переднего широкого гласного, а овладение системой согласных – с губного носового *m*. Первая оппозиция согласных в детской речи – это оппозиция лабиального *p* и дентального *t*. Эти две оппозиции согласных образуют консонантный минимум всех языков мира. Усвоению ребенком велярных и палатальных согласных, считает ученый, предшествует усвоение лабиальных и дентальных согласных. Первая оппозиция гласных представлена широким *a* и узким *i*, затем появляется оппозиция *a : i : u* или *a : i : e*, которые образуют вокалический минимум языков мира (Якобсон, 1993).

Таким образом, как нам представляется, усвоение звуков родного языка ребенком идет по пути развития и становления фонетико-фонологической системы языка, т. е. по законам диахронической фонологии, предусматривающей увеличение количества фонем по мере развития языка. Здесь уместно вспомнить, что увеличение количества фонем шло путем фонологизации аллофонов, выхода их из состояния дополнительного распределения и превращения позиционных вариантов в независимые фонемы, т. е. усложнение вокализма и консонантизма от ограниченного количества фонем с различными аллофонами к более полному составу фонем сопровождалось превращением аллофонов в самостоятельные фонемы.

Любопытно, что младенец не только отличает человеческую речь от других звуков, но и может отличить свой родной язык от иностранного. Для объяснения этого феномена предлагались два типа гипотез. Согласно одним, владение языком основано на внутреннем предрасположении, то есть на генетическом оснащении, которым

владеет любой новорожденный. Этому врожденному оборудованию, готовому к употреблению, не хватает только некоторой «наладки», уточнения некоторых параметров, после чего ребенок начинает распознавать звуки языка, а затем мало-помалу научается придавать им смысл и сам их издавать. Настройка проводится по звукам речи, которые окружают ребенка с самого рождения. По другой точке зрения, вовсе не нужно какой-то специальной внутренней предрасположенности к языку. Язык – один из видов интеллектуальной деятельности, и овладение им идет в рамках общего развития интеллекта, происходящего при помощи мощнейших механизмов обучения.

Группа исследователей из Парижского центра наук о познании и психолингвистических наук поставила себе задачу узнать, может ли новорожденный выделить и запомнить характерные черты родного языка и отличить его от иностранного, когда на обоих языках говорит не мать, а другие люди. Женщину, прекрасно говорящую на двух языках, попросили рассказать четырехдневным младенцам одну и ту же сказку сначала по-французски, а затем по-русски. Для определения реакции детей использовали соску с контактами внутри, замыкавшими при сосании. Уже давно известно, что грудные дети реагируют на приятные события или ощущения более частым посасыванием пустышки. Оказалось, что младенцы, слушающие французский текст, сосали намного интенсивнее. При смене языков частота сосания также увеличивается на некоторое время – это срабатывает фактор новизны, дети замечают, что звуки изменились. Затем показатели выравниваются, в группе, слушающей сказку на французском языке, частота сосания выше. Для второго эксперимента взяли детей, чьи родители не говорили ни по-французски, ни по-русски. Результат: эти дети сосали пустышки с той же частотой, что франкоязычные, слушающие сказку по-русски, то есть особого интереса к звукам не проявляли. Итак, младенцы, участвовавшие в проведении первого опыта предпочли французский именно потому, что это их родной язык. В результате проведенных экспериментов выяснилось, что за четыре дня новорожденный младенец успел выявить и запомнить акустические особенности родного языка, на котором говорят окружающие, и способен отличить его от иностранного языка, не последнюю роль здесь сыграла, конечно, внутренняя предрасположенность к родному языку, существующая на генетическом уровне (*Язык, родной с детства* // «Наука и жизнь»).

Интересной является точка зрения Уир, что становление звуковой системы русского, английского и китайского языков происходит по-разному. В результате эксперимента она выявила, что для лепета китайских детей возраста шести-семи месяцев характерно повторение изолированных тонированных гласных, а для русских и американских детей того же возраста характерно повторение слогов, состоящих из согласных и гласных звуков, образующих интонационно-ритмическое целое с маркированным ударным слогом. А интонационные контуры, по мнению Уир, осваиваются еще раньше независимо от сегментных фонем (Weir, 1966). Эти данные свидетельствуют о том, что кроме генетической предрасположенности в усвоении языка непоследнюю роль играет также языковое окружение.

По Л. С. Выготскому, истоки возникновения языка связаны не столько с интеллектуальной, сколько с эмоционально-волевой сферой (Выготский, 1934). Интонация как раз является тем средством, которая наиболее полно отражает эмоционально-экспрессивные оттенки. В этой связи представляет интерес утверждение В. Б. Касевича о том, что «уже гуление, сигнализирующее взрослому окружению о том, что у ребенка все в порядке, является если не началом использования интонационных средств, то, во всяком случае, подготовкой к нему» (Касевич, 1983, с. 228).

Американский ученый М. Левис, исследовавший детскую речь, отмечает, что девятимесячный ребенок уже может различать достаточно большое число интонационных моделей (Lewis, 1951).

В результате эмоциональных взаимоотношений ребенка с окружающими людьми интонационные модели выступают как средство общения. Детский лепет характеризуется не только определенными мелодическими контурами, но и оформляется ритмическими структурами, о наличии ритмических групп в детском лепете свидетельствует членение просодических единиц на более мелкие. В. Б. Касевич указывает, что ритмические структуры – это обобщенные представления уже не целостных ситуаций, а отдельных параметров и явлений: если интонация соответствует высказыванию, отражающему ситуацию, то ритмическая структура отвечает слову, которое относится к предмету и явлению (Касевич, 1983).

Психолингвисты обращают внимание на то, что невербальный язык (жесты, мимика, различные фонации) чрезвычайно богат и,

главное, универсален не только для человека любой нации и культуры, но и животных. Например, у животных при сенсорных и моторных раздражениях оживают различные представления, благодаря невербальным средствам сигнализации они понимают друг друга, т. е. дословесные средства играют коммуникативную роль. Это дает основание считать, что в коре головного мозга животного есть механизм образования понятий. Иногда их называют «предпонятиями» или «протопонятиями», но суть дела не в термине, а в том, что достигаемый антропоидами уровень абстракции обязан опираться в мозгу на «типологию», «смысловые схемы», «обобщенные образы», а не просто на аналоги конкретных ощущений и представлений, которые действительно работают в рамках первой сигнальной системы.

Ближайший ученик И. П. Павлова академик Л. А. Орбели неоднократно обращал внимание на то, что установление новых механизмов идет не за счет полной ликвидации старых, а за счет их затормаживания и перестройки. Он считал, что если обратиться к систематическому анализу явлений второй сигнальной системы, то можно найти элементарные корни, связывающие ее с первой системой. Отсюда можно предположить, что в основе структуры второй сигнальной системы должна быть не словесная речь как таковая, а сама возможность символизации, отвлечения от реальной действительности с помощью знаков, — как более высокой степени приспособления по сравнению с условным рефлексом. Словесная речь в этом случае — следующая, еще более высокая ступень. Если вторая сигнальная система и словесная речь не тождественные понятия, то «вторыми сигналами» могут быть любые символы реальности. Иначе говоря, человеческая психика рождается и просыпается до усвоения членораздельной речи. На первых порах язык лишь оформляет уже сложившиеся элементы человеческой психики, возникшие в актах предметно-практического поведения посредством просодических средств. Отсюда следует, что невербальный язык — это не вспомогательное, сопутствующее, а основное средство коммуникации для определенного периода развития гуманоида (Горелов, 1980).

Таким образом, невербальные средства сигнализации развертываются в речевой коммуникации современного человека раньше, чем собственно вербальная часть высказывания. Вот почему дети в самом раннем возрасте усваивают суперсегментные модели и успешно реа-

гируют на интонацию матери, дифференцируя отрицание, утверждение, удовлетворение, недовольство и другие значения, выражаемые интонацией, хотя моторные и сенсорные способности у них еще недостаточно развиты. Например, услышав ничего не значащее «агу-агу», ласково произнесенное матерью в высоких тонах, ребенок начинает улыбаться. На основании приведенных фактов можно предполагать, что суперсегментный уровень первичен по отношению к другим уровням, просодические средства являются более древними, чем словесные, т. е. интонация предшествовала слову, старше его, и в языке наших далеких предков превалировала интонация.

Интонолог Т. М. Николаева высказывает предположение, что суперсегментные средства, как и сегментные, могут изучаться не только в синхроническом, но и в диахроническом плане, что можно поднимать вопрос о диахронической типологии или реконструкции интонации. Для этого могут использоваться следующие косвенные данные: 1) народная музыка и пение; 2) церковная музыка и пение; 3) архаические тексты волшебных сказок, легенд и т. п.; 4) специальные знаки в рукописях; 5) реинтерпретация известных фонетических законов с просодической т. зр.; 6) некоторые понятия сравнительной синтаксической акцентологии; 7) данные инверсии; 8) экспериментальные исследования материала поэзии; 9) диахронические обоснования сегментной фонетики слова; 10) фонетическая эволюция разных участков речи в связи с их разной синтаксической позицией; 11) явления разговорной речи (Николаева, 1992).

Изучение просодической системы в диахроническом аспекте — это задача будущих лингвистических исследований, в которых, на наш взгляд, будет обращено особое внимание на универсальные свойства интонации на материале родственных и неродственных языков. Типологические модели интонационных систем должны базироваться на выявленных интонациях сопоставляемых языков с качественно-количественным описанием просодических компонентов. Думается, что в изучении интонации в историческом аспекте необходимо оперировать многочисленными данными по разным языкам с применением сравнительно-исторического, типологического и ареальных методов исследований.

Единицы интонации

Как любой самостоятельный уровень в общей системе языка, интонация обладает своими специфичными содержательными единицами. Причем доказано, что их количество ограничено и может быть описано в любом языке. В лингвистической литературе они называются по-разному: *суперсегментная фонема, интонационная конструкция, интонома, просодема, интонационная морфема* и т. д. Такое разнообразие названий единиц интонации связано с особым характером интонационного уровня языка, в котором тесно переплетаются форма и содержание. Незнаковые единицы – фонемы являются односторонними единицами, имеющими только план выражения, поскольку они, будучи элементами значимых структур и служа для различения словоформ, сами по себе никаких значений не выражают.

Интонационные единицы – мы будем называть их *интономами* – знаковые двусторонние единицы – могут описываться и по форме и по значению, так как они имеют не только план выражения, но и план содержания. Являясь необходимым компонентом структуры предложения, они выполняют в нем определенные семантические функции и даже могут выступать как самостоятельные структуры, выражающие значения. Например, завершенность или незавершенность высказывания, вопрос, восклицание могут выражаться только интонацией без присутствия лексико-грамматических средств, кроме того, значение интонации проявляется не только в двусоставных высказываниях, но и в односоставных. Еще Н. С. Трубецкой отметил в свое время принципиальное отличие интонационных единиц, представляющих собой самостоятельные знаки, выражающие значения от фонем, которые не являются знаками, т. к. ничего не обозначают (Трубецкой, 1960, с. 248–249). Поэтому интоному в лингвистической литературе чаще ставят рядом со словом или морфемой, а не с фонемой.

Но было бы ошибочным считать, что фонема и интонома не имеют точек соприкосновения. Обе единицы (одна сегментная, другая суперсегментная) описываются с помощью одних и тех же просодических свойств (тон, сила, время), другое дело, что они не совпадают по длине: интонома в отличие от фонемы, самое меньшее, реализуется в синтагме, поэтому следует отметить, что грань между сегментной и суперсегментной фонетикой подвижна. Не случайно Фирт (Firth, 1957) отме-

чает, что просодия – это растянутые в длину дифференциальные признаки фонем. При делении речевого потока на дискретные единицы – фонемы, слоги, акцентные единицы (фонетические слова, ритмические группы), речевые такты (синтагмы), фразы, сверхфразовые единицы – на них накладываются суперсегментные, просодические. В результате мелкие сегменты группируются в более крупные. Объединяя сегменты в одно целое, просодические средства в то же время сигнализируют их границы, т. е. выполняют скобочную функцию. С. Д. Кацнельсон (1971) назвал их синдемами (от греч. *syndeo* – связывающий), основной функцией которых является интеграция сегментов, их сплочение в различные фонетические единицы. Синдемы и сегментные единицы, дополняя друг друга, во взаимодействии обеспечивают непрерывность речевого потока и его иерархическую членимость.

Кроме того, и фонемы, и интонымы абстрагируются от конкретных физико-акустических величин. Для выявления их функциональной значимости существенны не абсолютные акустические данные, а относительные характеристики, значимые типовые соотношения, позволяющие дифференцировать словоформы и высказывания.

Описание фонетико-фонологической системы любого языка будет неполной без определения более крупных по сравнению с фонемой значимых суперсегментных единиц, различающихся между собой пучком дистинктивных просодических признаков. При этом противопоставления дифференциальных свойств интоном описываются как градуальные, что в сегментной фонологии встречается реже других.

В лингвистической литературе интонома понимается как совокупность интонационных различительных признаков, свойственных данной интонационной единице в ее противопоставлении другим интонационным единицам. По Т. М. Николаевой (1969, с. 91–92), «интонома – это различаемая в речевом употреблении единица, передающая тип отношений между звуковыми единицами – синтагмами и представляющая собой связанный пучок значений отдельных просодических величин». П. С. Кузнецов трактует интоному как совокупность дифференциальных признаков: «фонологическая система языка не может быть удовлетворительно определена только фонемой, необходимо ввести более крупные фонологические единицы, которые различаются между собой просодическими дифференциальными признаками» (Кузнецов, 1966, с. 208).

Таким образом, интонационная система любого языка может быть определена в дискретных единицах интонамах. Число и структура этих единиц ограничены, варьируются от языка к языку. Набор интонационных единиц хранится в сознании говорящих и является моделью при порождении и восприятии интонации конкретных высказываний. Интономы, так же как и фонемы, имеют свои варианты. Выбор того или иного варианта зависит от говорящего, который руководствуется общепринятой нормой языка. Каждая интонационная единица существует в своих вариантах и через них представлена в речи. Интонома в отличие от фонемы, выполняющей функцию дифференциации словоформ, дифференцирует высказывания.

Теперь остается выяснить, в какой языковой единице – слове, словосочетании, предложении – могут функционировать интонационные единицы. Наиболее распространенным мнением является такое, когда в плане членения речевого потока *синтагма* является минимальной интонационно-смысловой единицей.

Синтагму Л. В. Щерба определяет как «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли» (Щерба, 1948, с. 85). «Понятие синтагмы, – пишет В. В. Виноградов, – не навязано языку искусственно и насильственно, оно соответствует реальным явлениям речи. Синтагма отражает «кусочек действительности», представляя связный элемент речевого целого. Это понятие помогает глубже и тоньше вникнуть в синтаксический строй предложения и в его семантику» (Виноградов, 1950, с. 248).

При рассмотрении вопроса о синтаме Л. В. Щерба исходит из единства смысловой и звуковой сторон языка, поэтому он отказывается от понятия «дыхательная группа», которую некоторые французские лингвисты отождествляли с синтагмой. Он считал, что этот термин «совершенно скрывает смысловую природу явления». Некоторые исследователи поэтической речи отождествляют синтагму с ритмической группой.

Таким образом, существует множество толкований понятия синтагмы, что объясняется многоаспектностью этого феномена и различным подходом лингвистов. Поэтому ее характеризуют и как семантико-интонационную единицу, и как синтаксическую, и как стилистическую. Понятие синтагмы существует почти во всех языках как

универсальная, семантико-интонационная и синтаксическая единица, характеризующаяся фонетической и смысловой цельностью и охватывающая синтаксические структуры различных размеров: от одного слова, словосочетания до целого предложения. В основе синтагматического членения лежат интонационно-смысловые и синтаксические отношения, которые могут варьировать в зависимости от контекста, ситуации, а также от разного осмысления текста читателем. Синтагма является как раз той универсальной единицей, где реализуются просодические противопоставления интонационных единиц.

В языкознании существует несколько способов выделения интонационных единиц, обычно они выявляются на основе различных исходных моментов.

Н. С. Трубецкой в своем труде «Основы фонологии» выделяет предупредительную, перечислительную и завершающую интонацию (Трубецкой, 1960, с. 248–249). С. Карцевский рассматривает интонацию симметрии, асимметрии, тождества, градации (Karcevskij, 1931, с. 209–210). Более подробную классификацию интонационных типов дает А. М. Пешковский: повествовательная, побудительная, восклицательная, вопросительная, объяснительная, подчинительная, перечисления, интонация фразового повышения и предупредительная (Пешковский, 1956, с. 393–395). У Всеволодского-Гернгросса насчитывается шестнадцать типов интонации: вопросительная, восклицательная, звательная, утвердительная, убедительная, перечислительная, сопоставительная, просительная, интонация удивления, интонация перерыва и др. (Всеволодский-Гернгросс, 1922, с. 50–59). Девять типов мелодий выделяет А. Н. Гвоздев: утвердительную, вопросительную, восклицательную, повелительную, изъяснительную, перечислительную, вводность, противопоставительную, интонацию подчинения (Гвоздев, 1963, с. 156–182). У Н. В. Черемисиной насчитывается десять типовых мелодических рисунков: констатирующая, восклицательная, вопросительная, начинательная, перечислительная, противительная, пояснительная, императивная, вводная и уточняющая (Черемисина, 1982, с. 104). Т. М. Николаева в работе «Фразовая интонация славянских языков» рассматривает три вида вопросительной интонации: вопрос без вопросительного слова (собственный вопрос, переспрос, альтернативный вопрос), интонация частного вопро-

са и интонация вопроса с «а», также восклицательную, завершающую интонации, интонацию выделенности и незавершенности (Николаева, 1977, с. 76).

У И. Г. Торсуевой вопросительная интонация представляет интонацию общего и частного вопроса; повествовательная интонация разделяется на конечную и неконечную; а также рассматриваются восклицательная, побудительная, интонация парантезы и импликации. Торсуева наряду с основными коммуникативными типами высказываний говорит об интонема импликации, назначение которой заключается в том, чтобы «воздействовать на слушающего с целью, чтобы последний разделил его мнение. Содержательная сторона имплицативных высказываний не совпадает с содержательной стороной других коммуникативных типов и не может быть подведена под какую-либо разновидность приказания, восклицания, вопроса или повествования» (Торсуева, 1979, с. 29).

Интонема импликации впервые была введена французским лингвистом П. Делатром. Это особый вид интонационной модели, широко распространенный в обиходно-разговорной речи, оформляющий незаконченные предложения. И. Г. Торсуева интонацию импликации сравнивает с грамматически невыраженными вопросительными предложениями, когда коммуникативный тип грамматически не оформлен, но интонационно выражен. Интонационная система языка более подвижна, чем грамматическая, поэтому значения, выражаемые интонацией, могут более непосредственно отвечать конкретным целям общения (там же). Интересно, на наш взгляд, мнение Торсуевой о том, что коммуникативные типы суть категории исторически развивающиеся и что со временем и имплицативные высказывания могут найти свои собственные грамматические характеристики в различных языках.

Р. Делатр на материале французского языка, анализируя уровни и формы основного тона, установил десять базисных интонаций, выделив среди них семь типичных различительных интоном (Delattre, 1966, с. 13).

В немецком языке О. А. Норк насчитывает двенадцать интонационных моделей, в каждой из которых она выделяет предтакт – часть интонационной структуры до первого означенного фразовым ударением слога, затакт – часть интонационной структуры после послед-

него такого слога, и тоне́му – то, что находится между предтактом и затактом (Норк, 1964, с. 35).

Противопоставления семи ядерных тонов друг другу лежит в основе классификации, предложенной английским лингвистом Ч. Ф. Хоккеттом: три высотных уровня, три терминальных контура и экстерная высота (Hockett, 1955, с. 46).

Наибольшей популярностью у лингвистов пользуется классификация интонационных единиц на материале русского языка, предложенная Е. А. Брызгуновой, которая в результате длительной работы со студентами-иностранцами выделила семь интонационных конструкций (ИК), передающих специфику русской речи. Эти конструкции характеризуются определенной формой движения основного тона на предупредной, ударной и заударной частях слова (Брызгунова, 1978, с. 174–178).

В тюркских языках также предпринимались попытки установления типичных интонационных моделей. Так, У. Ш. Байчура на материале татарского языка выявляет десять интонационных конструкций и приходит к выводу, что типичные интонационные модели во многих урало-алтайских языках сходны (Baichura, 1972, с. 39).

При выявлении интонационных типов в казахском языке большинство лингвистов опираются на коммуникативную функцию высказываний, выделяя интонацию повествования, интонацию вопроса, интонацию побуждения, интонацию восклицания (С. Аманжолов, Н. Сауранбаев, М. Балакаев, А. Нурмаханова). Т. Кордабаев, исследуя сложные двухкомпонентные предложения, говорит о незавершенной интонации в первом компоненте и завершенной – во втором.

В связи с выявлением фонетической интерференции в русской речи казахов просодическая организация казахской фразы изучалась в сопоставлении с русской, в результате которой были описаны пять интонационных конструкций, реализующихся в казахской речи (Интерференция в русской речи казахов, 1988).

Таким образом, существующие интонационные классификации выделяются на основе различных критериев: в одних случаях лингвисты обращают внимание на значения и функции, выражаемые интонацией, в других – на формы интонационных структур. Набор интонационных единиц варьирует от языка к языку, так же как и отношения между ними.

Метод от *функции к форме* предусматривает предварительное эмпирическое представление о возможных значениях интонации. В этом случае заранее определяется список функций, которые должны быть подтверждены данными лингвистического анализа. Причем предварительная классификация интонационных единиц может меняться и корректироваться в ходе исследования, затем уже ищутся фонетические средства их выражения.

Примером выявления интонационных единиц по семантическому признаку может служить классификация, предложенная Л. К. Цеплитисом. Им выделяется четыре группы интоном: интеллектуальные, волюнтативные, эмотивные и изобразительные (Цеплитис, 1974, с. 166–199). 1) Интеллектуальные интономы выполняют в языке три главные задачи: противопоставляют утверждение вопросу, указывают на конец фразы, участвуют в членении фразы на особые единицы, выявляя при этом их важность в момент речи. 2) Волюнтативные интономы реализуются в высказываниях, с помощью которых передается не только информация, но и интонационно выраженное, открытое, непосредственное воздействие на собеседника, имеющее целью изменить его поступки, взгляды, волевые процессы, эмоциональное состояние и т. п. 3) Эмотивные интономы приобрели самостоятельность знаков, соотнесенных с эмоциями, но для порождения этих знаков наличие соответствующего эмоционального состояния в психике говорящего необязательно, считает Цеплитис, сочувствие может выражаться с помощью интономы печали, но сам говорящий при этом может оставаться равнодушным (Цеплитис, 1974, с. 190). Вместе с тем границы между эмотивными интономами иногда бывают нечеткими, т. е. разные эмоциональные высказывания при анализе могут иметь одни и те же характеристики и, наоборот, одинаковые интономы могут характеризоваться разными акустическими признаками. 4) Изобразительные интономы служат для воспроизведения интонационными средствами физических свойств явления, предмета. Семантика этих интоном связана с такими психическими процессами, как восприятие, ощущение, воображение. Предлагая такую классификацию интонационных единиц, Л. К. Цеплитис отмечает, что «не всегда удается провести четкие границы между интономными группами, поскольку нельзя точно отделить друг от друга соответствующие психические процессы» (там же).

Метод от *формы к функции* предполагает выявление интонационных особенностей различных типов высказываний в зависимости от определенного контекста и ситуации. Полученный, таким образом, набор интонационных моделей составляет систему фонологических оппозиций, далее определяются их функции. Этот метод представлен работами Е. А. Брызгуновой. На основании экспериментальных данных автор выделяет в интонационной системе русского языка семь интонационных конструкций (ИК). Каждая из интонационных конструкций характеризуется определенной конфигурацией частотных изменений на предударной, ударной и заударной части и определенным распределением интенсивности, затем указывается сфера употребления каждой из ИК.

Оба метода, имея свои преимущества и недостатки, дополняют друг друга и в грамотном их сочетании могут дать полную картину об интонационной системе конкретного языка.

По представленным классификациям интонационных единиц можно заметить, что некоторые из них строятся на противопоставлении интонационных характеристик на предударной, ударной и заударной частях интонационных конструкций. Такая классификация прослеживается в работах О. А. Норк, Е. А. Брызгуновой и др. Другие же классификации основаны на противопоставлении интонационных контуров целиком, глобально, без учета места локализации словесного ударения. Этой классификации придерживаются П. Делатр и И. Г. Торсуева. В связи с этим лингвисты стараются связать разные интонационные классификации с каким-либо языком или группой языков (Светозарова, 1974, с. 29).

Итак, зависит ли способ выявления интонационных характеристик от специфики языка и какое описание приемлемо для тюркских языков, в частности для казахского: *структурированное или глобальное?*

Если брать во внимание то, что в казахском языке словесное ударение не несет весомой функционально-смысловой нагрузки как в русском языке, а средством, цементирующим слово, является сингармонизм (Джунисбеков, 1980, с. 63), очевидно, что структурированный способ выделения интонационных единиц, базирующийся на подвижном, разноместном словесном ударении, для казахского языка не подходит. Рассмотрим основные критерии выделения ИК на материале русского языка в работах Е. А. Брызгуновой.

Интонационные конструкции Е. А. Брызгуновой выделяются на основе «оппозиций высказываний с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом или оппозиций высказываний с разным синтаксическим строением, но одинаковым звуковым составом словоформ». Иначе говоря, классификация Брызгуновой основана на следующем положении: то или иное фонетическое различие только в том случае может создавать разные интонационные конструкции, если оно используется для противопоставления по смыслу хотя бы одной пары высказываний, совпадающих по звуковому строю. В русском языке такие противопоставления в изобилии встречаются в области коммуникативных типов высказываний и модально-эмоциональных оттенков. Ср. примеры Брызгуновой: *Наташа поет. – Наташа поет?* Переведем эти примеры на казахский язык: *Наташа өлең айтады. Наташа өлең айта ма?*

В казахском языке для выражения вопроса не обойтись без грамматической частицы *ма*. Без этой частицы, чисто интонационными средствами в данном случае вопрос не выражается. Хотя русскоязычные казахи часто строят такие предложения по модели русского языка. Здесь можно говорить об интерференции русскоязычных в казахской речи.

В классификации Е. А. Брызгуновой большую роль играют также синтагматическое членение и место интонационного центра. В основе интонационных конструкций – движения тона на предупредном, ударном и заударном частях слова. Синтагматическое членение в казахском языке имеет свою специфику, а место интонационного центра в русском и казахском языках локализуется по-разному.

Не случайно авторы «Интерференции в русской речи казахов» пишут: «Усвоение русской интонацией казахами осложняется в связи с сильно централизующей функцией русского словесного ударения, с невыраженностью его в казахском, а также с различием ритмических структур (чередование ударных и безударных слогов в русском, которое отсутствует в казахском)» (Интерференция..., 1988, с. 59).

Таким образом, классификация интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой имеет большое значение в методике преподавания русского языка в казахской аудитории, но она не может считаться универсальной классификацией для тюркских языков, которые имеют совершенно иную, отличительную от русского языка фонетическую

систему. Методическая ценность данной классификации бесспорна, она с успехом может применяться в преподавании русской интонации для иностранцев, в преодолении просодической интерференции в русской речи иностранцев. Что касается казахского языка, то по своей просодической системе он больше имеет сходств с французским языком, нежели с русским. Об этом в свое время писал А. Байтұрсынов: «Екпін буыны аяғына келетін сөздер қазақ тілін француз тіліне ұқсатады» (Байтұрсынов, 1989, с. 190).

Специфика французского ударения была изучена Л. В. Щербой, который отмечал, что «ударением снабжаются не слова, а группы слов, выражающие в процессе речи единое смысловое целое. При этом ударение ставится на последнем слоге последнего слова группы» (Щерба, 1948, с. 82). Сравнивая словесное ударение в русском языке с французским, он подчеркивает, что «во французском языке мы никоим образом не можем говорить о словесном ударении, а должны говорить лишь о фразовом или ритмическом ударении» (там же, с. 83). Кроме того, Л. В. Щерба обращает внимание на отличие французского ударения от русского, немецкого, английского, которое заключается в том, что разница между ударными и безударными слогами в этих последних языках разительная, а во французском малозаметная: все слоги кажутся примерно равноударными (там же, с. 88).

К этим же выводам в результате экспериментально-фонетических исследований приходит А. Джунисбеков: «Анализ результатов самых различных исследований показывает, что следует говорить не о словесном ударении в тюркских языках, а о фразовой, ритмико-синтагматической, логическо-экспрессивной выделенности того или иного слога слова, что вовсе не одно и то же. Словесное ударение вряд ли может служить в казахском языке фонологической меткой словоопознавания и словоразличения, как в русском» (Джунисбеков, 1987, с. 21, 51).

Эти сходства в просодической системе казахского и французского языков дают нам основание использовать *глобальный метод* выделения интонационных единиц, когда интонационная структура рассматривается целиком на каком-либо определенном сегменте, без подразделения на предударную и заударную зоны. При выявлении интонационных единиц казахского языка экспериментальными методами будут браться во внимание не словесное ударение, а фразовое, ритмико-синтагматическое.

Компоненты интонации

Связная звучащая речь не мыслится без целого ряда внутренне присущих ей свойств: *изменение мелодики (основного тона голоса), длительности, темпа, паузы, интенсивности, тембра*. Не все эти постоянные признаки одинаково хорошо воспринимаются человеком, и не все они играют одинаковую роль в организации потока речи.

Компоненты интонации или просодические признаки, как их называют, выступают в устной речи в тесной взаимосвязи и единстве, и различные их комбинации служат для оформления высказывания, текста.

Главным и универсальным компонентом интонации в самых различных языках считается *мелодика*. «Универсальность высотного компонента интонации проявляется и в том, что мелодика используется как важнейшее интонационное средство в самых разных языках, и в том, что в пределах одного языка мелодика обслуживает разные функции интонации. Этому способствует не только малая степень занятости мелодики на сегментном уровне, но и богатство заключенных в этом компоненте интонации различительных возможностей» (Светозарова, 1982, с. 36).

Своеобразие каждого языка проявляется в большей степени в мелодике (изменении высоты голоса), не случайно существует выражение «мелодика языка». Мелодика может выполнять разные функции. Наряду с паузой она служит средством членения речи, а также для связывания его частей. Вместе с лексическими, грамматическими средствами участвует в передаче смысла. Мелодика является самым важным средством различения коммуникативных типов высказываний (повествование, побуждение, вопрос, восклицание). Вместе с синтагматическим ударением, тембром служит для точной передачи логической стороны устной речи и ее эмоциональных оттенков. Мелодика может изменяться в зависимости от индивидуальных особенностей устной речи отдельных ее носителей, но существуют основные формы мелодики, характерные для людей, говорящих на одном языке. Если не придерживаться этих мелодических моделей, речь может быть не понятна.

Акустически мелодические характеристики речи соотносятся с изменяющейся во времени *частотой основного тона* (ЧОТ). Во время говорения происходят постоянные изменения значения ЧОТ. Пер-

вичные показатели значения ЧОТ зависят прежде всего от индивидуальной высоты голоса говорящего. Половое отличие голосовых связок не может считаться различительным признаком (голоса мужчин, обладающих голосовыми связками большей длины, в среднем ниже женских голосов), поскольку в интонации важны лишь вторичные (относительные) показатели. При эмоциональном возбуждении говорящего может наблюдаться некоторое повышение значений ЧОТ, что тоже не сказывается на результатах исследования. Еще в меньшей степени на общий мелодический контур влияет сегментный состав высказывания. Значения ЧОТ могут несущественно меняться в зависимости от отдельных звуков и звукосочетаний, поскольку звукам речи свойственны собственные физические признаки, зависящие от их спектральных характеристик. Однако для исследователя – интонолога не важны различные показатели ЧОТ на узких и широких гласных, твердых и мягких. Особенно они не играют роли для казахского языка, где слово по закону сингармонизма произносится одинаково твердо или одинаково мягко.

Таким образом, перечисленные факторы не влияют на общий мелодический контур высказывания. В казахском языке тональный контур может меняться под влиянием синтагматического и логического ударений, т. е. наиболее важного и выделенного по смыслу слова. Различительным признаком высказывания часто выступает направление контура ЧОТ, которое может быть *восходящим, нисходящим, восходяще-нисходящим, нисходяще-восходящим и ровным*.

Помимо общего направления основного тона в качестве релевантной характеристики могут выступать такие акустические (вторичные) параметры как мелодические (тональные) *интервалы, диапазоны, регистры (уровни)*.

В лингвистической литературе под *интервалом* подразумевают величину падения или подъема тона в слоге и между слогами и определяется отношением между максимальным и минимальным значением частоты основного тона на данном участке. Интервал характеризуется направлением, который может быть восходящим, нисходящим и ровным. Например, интонация повествования в разных языках при сходстве направления движения частоты основного тона отличается от интонации побуждения или восклицания незначительными интервалами тона.

Различают *положительные и отрицательные частотные интервалы*. Частотный интервал называется положительным в том случае, если первая измеряемая величина частоты основного тона меньше второй. В противном случае, т. е., если первая из сравниваемых величин больше второй, частотный интервал считается отрицательным. Например, экспериментально-фонетическим путем было доказано, что интонация интерпозиционных вводных единиц в казахском и французском языках характеризуется отрицательными тональными интервалами на обоих стыках с основным предложением. В русском языке в большинстве случаев первый стык оформляется за счет отрицательных тональных интервалов, второй – за счет положительных.

Важную роль при определении степени важности синтагм играют частотные *диапазоны*. Диапазон определяется разностью между максимальным и минимальным значением ЧОТ на анализируемом участке. Различают средний, расширенный и суженный диапазоны. Эмоционально насыщенные высказывания обычно характеризуются расширенными частотными диапазонами. Например, во многих языках, в том числе и в казахском, восклицательные предложения, а также побуждения со значением приказа имеют более расширенные тональные диапазоны по сравнению с другими коммуникативными типами. Например: *Сабап-сабап айдап таста Дәркембайды!* (М.Әуезов); во французском языке: *Rosa, donne-moi à manger, ou je te mange!* (R. Rolland); в русском языке: *Собирайтесь, к утру чтоб ни барака, ни людей!* (Распутин).

Частотные диапазоны в зависимости от величины могут сигнализировать о главной или второстепенной мысли в предложениях с вводными единицами. Так, вводные конструкции в различных языках независимо от местоположения характеризуются суженными тональными диапазонами по сравнению с основным составом предложения. Например: *Бұған дейін, ол кісінің өз айтуынша, мен ақылды да, тәртіпті де, саналы да едім* (Ғ. Мүсірепов); во французском языке: *Chaque année ajoutait, sans doute, quelque chose à son charme* (R. M. du Gard); в русском языке: *Извольте видеть, вы, по вашим словам, на все готовы ради любви, даже, извините, на некрасивые поступки* (К. Симонов).

В интонационной характеристике анализируемого сегмента существенную роль играет *тональный (среднечастотный) уровень или*

регистр. Например, при сходстве мелодических контуров побудительные предложения реализуются в более высоких тональных уровнях, чем повествовательные. Вводные единицы в интерпозиции и в постпозиции характеризуются более низкими тональными уровнями по сравнению с основным составом предложения. Более высокие среднечастотные уровни свидетельствуют о смысловой важности анализируемых сегментов, более низкие тональные уровни сигнализируют о меньшей смысловой нагрузке.

Среди частотных характеристик в экспериментальных исследованиях нередко прибегают к максимальному значению частоты основного тона (пиковое значение ЧОТ) различных сегментов речи: фраз, синтагм, ритмических групп. В качестве дополнительных параметров иногда используется скорость изменения ЧОТ, обуславливающая крутизну интервалов, которая определяется на восходящих или нисходящих отрезках сегмента.

Одним из необходимых условий существования речевых сегментов является их протяженность во времени, т. е. *длительность* — определенное время, для произнесения разных речевых отрезков: синтагм, фраз, сверхфразовых единств, текста. Любой речевой сегмент характеризуется определенной протяженностью во времени, необходимой для его произносительной артикуляции и последующим восприятием слушающим. Установлено, что физическая длительность сегмента находится в прямой зависимости от целого ряда факторов, как собственная длительность звукового сегмента, степень его выделенности, что зависит от наличия разного рода ударений (фразового, логического, эмфатического), типа слога, занимаемой позиции и т. д. Собственная длительность звуков определяется спецификой артикуляции: большая степень подъема языка обуславливает уменьшение собственной длительности гласного, наличие лабиализации, наоборот, ведет к его увеличению. Широкие гласные нижнего подъема имеют наибольшую собственную длительность, а максимальные узкие гласные верхнего подъема — наименьшую собственную длительность (Джунисбеков, 1980, с. 59). Зависимость длительности от артикуляторных характеристик отмечена и в согласных звуках. Во многих языках щелевые согласные имеют большую собственную длительность по сравнению со смычными, что может считаться универсальным признаком.

На длительность гласных влияет также позиция в слоге или в слове: открытые слоги *ба/ма, бе/ме* произносятся с большей длительностью, чем закрытые *бас/нақ, тез/кет*. Отмечается также закономерность сокращения длительности слогов по мере их увеличения, т. е. средняя длительность слогов в коротких словах или фразах больше, чем в длинных. Сравним два слова: одно *ба/ла* – двухслоговое и второе *ба/ла/лар/ға* – четырехслоговое. Для произнесения этих двух слов требуется примерно одинаковое время.

Одним из факторов, влияющих на распределение длительности внутри синтагмы или фразы, является место локализации логического ударения. Выделенный слог, как правило, имеет большую длительность по сравнению с невыделенным.

Для восприятия речи немаловажную роль играет соотношение длительности слогов в слове, слов в синтагме, синтагм во фразе, фраз в сверхфразовых единствах, что связано с темпом речи. *Темп* обычно определяется отношением общей длительности сегмента на количество слогов.

Являясь величиной относительной, темп обладает определенным лингвистическим значением. Он может указывать на степень важности речевого сегмента для слушающего: тот, что несет с собой большую информативную нагрузку, произносится в более замедленном темпе по сравнению с малозначимой информацией. Такая универсальная тенденция замечена и экспериментально доказана во многих языках, когда синтагмы с большим смысловым весом требуют значительного времени для произнесения. Например, выявлено, что вводные единицы во французском, казахском и русском языках в препозиции произносятся в замедленном темпе, что свидетельствует об их наибольшей смысловой нагрузке в этой позиции, а в интерпозиции и постпозиции они характеризуются убыстренным темпом, что сигнализирует об их вторичной нагрузке в составе предложения. Побудительные предложения по сравнению с повествовательными характеризуются чаще всего замедленным темпом произнесения в силу того, что говорящему важно, чтобы его волеизъявление было выполнено, особенно это касается предложений со значением приказа. Некоторые восклицательные предложения также произносятся в более медленном темпе, в относительно ускоренном темпе могут реализовываться вопросительные предложения. Это говорит о том, что между временным параметром и ком-

муникативным типом предложения существует определенная связь. В эмоциональной речи темп ведет себя по-разному, в зависимости от характера эмоций. Чаще всего он ускоряется при выражении радости, замедляется при депрессивных состояниях, а также в торжественной речи. Таким образом, значение интонационного темпа в языках различных типов связано прежде всего со степенью важности содержания высказывания, в некоторой степени с коммуникативным типом предложения, а также с психоэмоциональным состоянием говорящего.

Иногда степень важности синтагм может быть одинаковой, тогда каждая синтагма характеризуется одинаковым темпом произнесения, такое чаще всего встречается в высказываниях с однородными членами, при перечислении. Например: *Бес маршал атанган Қайырбек, Қылышан, Байеділ, Берікхан, Нұршилан – бәрі де менің достарым* (Ә. Нұршайықов); во французском языке: *Cosette montait, descendait, lavait, brossait, frottait, balayait, courait, trimait, haletait, remuait des choses lourdes* (V. Hugo); в русском языке: *Гости говорили о многих приятных вещах, как-то: о природе, о собаках, о пшенице, о чепчиках, о жеребцах* (М. Гоголь).

Одним из важных интонационных компонентов является **пауза**. Пауза представляет собой временную остановку, перерыв в звучании, и в то же время она является семиотическим средством, выполняющим определенную семиологическую функцию. По своему назначению паузы могут быть физиологические, эмотивные, интеллектуальные, ситуативные и т. д. (Цеплитис, 1974, с. 74–75). Лингвистическая функция паузы заключается в разграничении текста на фразы, синтагмы, ритмические группы, слова, а также в выражении дополнительных смысловых и эмоциональных отношений в сочетании с другими компонентами интонации. Абсолютная величина пауз зависит от темпа разговорной речи и, как правило, прямо пропорциональна ему. При этом пауза между межфразовыми единствами длительнее межфразовых пауз, а межфразовые паузы длительнее межсинтагменных.

По Н. Д. Светозаровой, пауза между словами выполняет языковые функции, являясь: 1) средством членения речи на интонационно-смысловые единицы; 2) средством выражения характера связи между частями высказывания; 3) средством смыслового и эмоционального выделения слова или синтагмы (Светозарова, 1993, с. 369).

В следующих примерах, взятых из книги А. Джунисбекова «Сингармонизм в казахском языке», показано, как меняется смысл высказывания в зависимости от местонахождения паузы: 1. *Балапан / торгай ұясында отыр.* 2. *Балапан торгай / ұясында отыр.* Первое высказывание с паузой после слова *балапан* означает: *Птенчик сидит в гнезде воробья.* Здесь имеются две синтагмы. Первая синтагма состоит из одного слова, вторая – из трех. Перенос паузы на другое место сразу меняет смысл. Если сделать паузу после слова *торгай*, то высказывание распадается на другие две синтагмы: первая – *балапан торгай*, вторая – *ұясында отыр.* Теперь оно означает: *Птенчик воробья сидит в своем гнезде.*

В результате проведенного эксперимента А. Джунисбеков заключает, что «для ритмического членения казахской речи пауза обязательна, и она, хоть в малой степени, но всегда присутствует, сильно различаясь по длительности. Кривая статистического распределения показывает, что в большинстве случаев пауза между ритмическими группами превосходит в полтора-два раза паузы внутри ритмических групп» (Джунисбеков, 1972, с. 69).

Л. К. Цеплитис различает асемантические и семантические паузы (1974, с. 73–74). К асемантическим он относит конститутивные, усилительные, ситуативные, индивидуальные и физиологические. Конститутивные – это те паузы, которые в качестве более или менее обязательных элементов принадлежат основному акустическому строю речевого сигнала. Усилительные паузы находятся перед или за словом, несущим логическое ударение, и представляют собой одно из акустических средств увеличения интенсивности логического ударения. К ситуативным Цеплитис относит паузы, замедляющие произносимый текст, при чтении диктантов, или для того, чтобы слушающие успели приготовиться к исполнению какого-нибудь приказа. Индивидуальные паузы связаны с разными привычками произношения, например, есть говорящие, в речи которых паузы появляются чуть ли не за каждым словом. Физиологические паузы вызываются недостатком воздуха в легких, например, при одышке, или задержками в процессах центральной нервной системы.

Семантические паузы, имеющие лингвистическое значение, подразделяются на *интеллектуальные* и *эмотивные*. Интеллектуальные значения паузы тесно связаны с выделением в речевом потоке относи-

тельно самостоятельной группы слов – синтагмы или речевого такта. Цеплитис подчеркивает, что несмотря на то, что пауза – это перерыв в звучании, она наделена смысловой нагрузкой: «Что касается паузы как следствия смысловой функции речи, то любой элемент плана выражения можно рассматривать как определенный смыслом, содержанием высказывания, т. е. слова и интонация в плане выражения появляются потому, что у говорящего имеется какое-то содержание, которое он хочет сообщить другим» (Цеплитис, 1974, с. 80). Эмотивные паузы обладают семантикой, так как они придают высказыванию некоторый эмоциональный смысл, не давая информации о какой-то конкретной эмоции, они указывают на общее эмоциональное состояние говорящего. Эмотивная пауза может встречаться внутри синтагмы, но чаще всего «она совмещается с интеллектуальной паузой, точнее говоря, паузы между синтагмами под влиянием эмоционального состояния говорящего становятся более длительными».

С паузой в речевой интонации нельзя путать некоторые акустические компоненты, так называемые мнимые паузы, как перелом мелодического контура, перепады тона, резкое изменение значений длительности и интенсивности на стыках анализируемых сегментов.

Кроме действительных и мнимых пауз существуют *вокализованные паузы* *хезитации*, которые можно расценивать как средство текущего контроля во избежание ошибок в речи, для обдумывания последующей фразы. Установлено, что просодика оказывает непосредственное влияние на семиологическую функцию вокализованных пауз. Так, например, если тон является низко-нисходящим, то вокализованная пауза выражает согласие; если он падает с большей начальной высоты, то согласие приобретает эмотивную окраску; если же звуки произносятся в восходящем тоне, то имеется в виду вопрос (Долгова, 1974, с. 116), и т. д.

Отмечается, что дыхательная пауза, как показатель дискретности речевого произведения – текста, дискурса, перерыва в звучании является также знаком нарушенной семантической, грамматической или иного рода (семиотической) связности составляющих сложного смыслового целого. При анализе синтаксического окружения пауз выявляются следующие закономерности, которые, как нам представляется, универсальны для многих языков: дыхательные паузы могут разделять 1) субъект и предикат коммуникативной единицы,

2) однородные предикаты или части составного предиката, 3) предикат и объект, 4) предикат обстоятельство, 5) предикат и определение, 6) отмечается также частотное использование определенного рода лексико-семантических локализаторов, позиционно оформляющих данные паузы. В отношении лексико-семантического окружения пауз было выявлено, что в постпозиции к паузам могут находиться различные, часто грамматически десемантизированные, лексические элементы, называемые лексико-семантическими локализаторами (знаками) коммуникативного (коммуникативные задачи и намерения), лексического (лексические значения составляющих синтагмы), грамматического и логико-семантического (внешнесинтаксическая организация и семантика грамматических отношений и логических взаимосвязей между составляющими синтагмы) уровней. В число таких локализаторов могут входить: а) сочинительные союзы, б) подчинительные союзы, в) десемантизированные элементы и частицы, г) личные местоимения (Кривнова, 1995, с. 228–238).

Определение закономерностей лексико-семантического окружения пауз в казахском языке требует специального теоретического и экспериментально-фонетического исследования.

Перспективным и интересным представляется изучение паузирования при автоматическом синтезе речи. Локализация интонационных границ в озвучиваемом тексте составляет одну из главных задач акцентно-интонационного транскриптора, который является обязательным блоком в любой системе автоматического синтеза речи. В этом же блоке для каждой интонационной границы решается вопрос об оформлении границы физической паузой, и в случаях, где это признается необходимым, паузе приписывается ее категориальная длительность (Кривнова, 1998).

На сегодняшний день актуальна прежде всего задача порождения для каждого предложения в тексте нейтрального варианта интонационного членения и сопутствующей этому варианту физической паузации. Для этого надо уметь находить в тексте те ситуации, в которых на интонационной границе, по определению коррелирующей с синтаксисом, появляется физическая пауза, и уметь оперировать ее длительностью. В конечном итоге нужно научить систему синтеза расставлять в письменном тексте те интонационные границы, которые сопровождаются всегда или в подавляющем большинстве случаев (в чтении разных лю-

дей) физическими паузами, и уметь задавать их длительность (Кривнова, 1998). Специалисты, занимающиеся автоматическими системами синтеза речи, отмечают, что взаимодействие факторов, влияющих на паузирование, плохо изучено. Нет достаточно формализованного описания текстовых ситуаций, характеристики которых могли бы служить ключами для автоматической расстановки интонационных границ и пауз. Отсутствуют также статистические данные, позволяющие отделять нормативное прочтение от допустимого или же ошибочного. Практика создания автоматических систем синтеза речи по произвольному тексту показывает, что для определения интонационных границ при озвучивании текста можно опираться на знаки препинания, которые могли бы быть основой для автоматического синтаксического анализа, который все еще полностью не реализован даже для русского языка. В то же время разработка конкретных синтезаторов для разных языков свидетельствует о том, что для расстановки интонационных границ и их паузации восстановление полной синтаксической структуры предложения необязательно. Признано, что организация просодических составляющих проще, чем связанные с ними синтаксические зависимости. Другими словами, просодическая структура предложения оказывается не такой глубокой, как синтаксическая: существуют такие аспекты синтаксической структуры, которые нерелевантны или малорелевантны для просодии (Монаган, 1990, с. 71–78).

Как известно, во многих языках, в том числе и в казахском, интонационно существенные границы оказываются неотмеченными знаками препинания, так же как и многие знаки препинания ставятся там, где не проходит никаких интонационных границ.

Причиной появления паузы могут быть не только синтаксические или семантические факторы, но и иные воздействия. Так, Ж. А. Дозорец указывает, что объяснение объективной необходимости возникновения пауз в речи следует искать, во-первых, в особенностях запоминающей и аналитико-синтетической способности мозга и, во-вторых, в естественном ритме человеческого дыхания. Как показали эксперименты, проведенные этим автором, пауза обязательна в любой фразе, содержащей более восьми слов. Кроме того, выявлена тенденция к уменьшению количества пауз во фразе, включенной в контекст, по сравнению с изолированным произнесением той же фразы (Дозорец, 1971).

Таким образом, исследование паузы как компонента интонации можно вести с разных аспектов, учитывая ее многообразие функций. Для казахского языка эта тема требует специального глубокого и всестороннего изучения.

Интенсивность как компонент интонации рассматривается обычно в сочетании с другими интонационными средствами. Наряду с частотой основного и длительностью интенсивность участвует в выделении какого-нибудь слова в высказывании. Выделение отдельных элементов речевой цепи осуществляется усилением интенсивности. Колебания интенсивности на слух воспринимаются как изменения в громкости. Но следует отметить, что громкость зависит не только от интенсивности, но и от высоты основного тона. При одинаковой интенсивности громче воспринимается сегмент с большей высотой тона.

Важным фактором, определяющим абсолютное значение интенсивности гласного, является его качество. Установлено, что гласные низкого подъема имеют большую интенсивность, чем гласные высокого подъема (Джунисбеков, 1972, с. 57–65). Отмечается связь между громкостью и тембром звука, например, во французском языке палатализованные звуки обладают большей громкостью, чем непалатализованные (Beyer, 1897, с. 175).

Не менее важен другой фактор – позиция гласного в речевой единице. При исследовании интенсивности звуков в синтагмах разных типов обнаруживается, что начало любой синтагмы характеризуется большей интенсивностью, чем конец: к концу синтагмы интенсивность всегда ослабляется. Это позволяет говорить о нисходящем контуре интенсивности, на фоне которого располагаются динамические пики, соответствующие выделенным слогам.

Существует тесная связь между ударением и интенсивностью. Слоги, несущие на себе логическое ударение, как правило, имеют большее значение интенсивности, хотя интенсивность не является единственным компонентом ударения. Ударность слога обеспечивается и другими фонетическими средствами: высотой тона, длительностью.

По Т. М. Николаевой, «логическое ударение понимается как акцентное воплощение скрытой пресуппозитивной категории, способности создавать особую контекстную ауру и организующее высказывание в целом». Логическое ударение Николаева рассма-

тривает в связи с теорией акцентного выделения, реализующейся в вопросно-ответном единстве, в актуальном членении, в категории определенности-неопределенности, в идее контраста и важности, которое оформляется просодическими средствами, среди которых динамические параметры играют важную роль (Николаева, 1982, с. 13).

Участие динамичности в создании логических, волевых и эмоциональных интонаций отмечается в работах В. А. Артемова: «Логические интонации наименее динамичны, эмоциональные – наиболее динамичны, а волевые занимают среднее место, приближаясь более к эмоциональным, чем к логическим. Логические интонации как бы противопоставлены по динамичности эмоциональным и волевым, вместе взятым, контрастность по силе голоса одинаково служит задачам как волевого, так и эмоционального и логического характера, особенно в крайних формах этой контрастности» (Артемов, 1953, с. 28–30).

Различия в форме динамического контура могут передавать сведения о семантическом весе какой-нибудь синтаксической конструкции в составе предложения. Так понижением общего уровня интенсивности обычно характеризуются вводные конструкции, что считается универсальным признаком для большинства языков (Базарбаева, 1991). Например: *Сол кезде, неге екенін кім білсін, жайдан-жай жылағым келді* (С. Мұқанов). *Сол жылы қыста, не керек, Нариманға тұрмысқа шықтым* (Б. Аманшин). Во французском языке: *Mon père et ma belle-soeur sont, bien entendu, assez sonnés par cette histoire* (G. Simenon). *Il est inutile, tout compte fait, de jouer devant ton père la comédie que viens de me servir* (H. Bazin). В русском языке: *Я следом отправил авиапочтой письмо, в котором, откровенно говоря, выразил изумление* (В. Панова). *Когда же на завтрак жарили оладьи, то тут, по правде говоря, и не требовалось особенного нюха* (А. Рекемчук).

Интенсивность во всех языках возрастает с увеличением общей эмоциональной окраски. Положительные и активные эмоции, как правило, характеризуются повышением, а отрицательные и пассивные – понижением общего уровня интенсивности. Более высоким уровнем интенсивности характеризуются восклицательные высказывания, выражающие радость, удивление. Например: *Тамаша мұнда екен, дәл қаланың үйі!* (М. Әуезов). *Ғажап жігіт екен!* (Ғ. Мұстафин). Во французском языке: *Comme il est gentil avec ma mule!* (A. Daudet). *Le petit prince, alors, ne put contenir son admiration: Que vous êtes belle!*

(*A. de Saint-Exupéry*). В русском языке: *С каким там вкусом и великолепием даются балы!* (Гоголь). *Какое прекрасное время года!* Повышенный уровень интенсивности наблюдается и в побудительных высказываниях, причем, чем более активны волевые процессы, тем выше уровень интенсивности. Например: *Дереу кін! Міне жылқы келіп қалды! Қолыңа түскен атты мін де жүр! Сойыл тауып ал!* (Ж. Аймауытов). Во французском языке: *Parlez plus fort! Entrez sans frapper! Restez à la maison!* В русском языке: *Стой и не шевелись! Я тебя породил, и я тебя убью!* (Гоголь). «*Идите, идите, не оборачивайтесь!*» – закричала Олеся (А. Куприн).

В обозначении синтагм по степени важности немаловажная роль отводится диапазону интенсивности. Смысловая соотнесенность анализируемых сегментов в различных языках может проявляться в различных размерах диапазона интенсивности. Так, всевозможного рода вставки и присоединения имеют более узкие диапазоны интенсивности, что свидетельствует об их сопутствующей, вторичной семантической нагрузке в составе высказывания. Например: *Қай жыл еді сол? Елу бірінші жылдың жазы екен-ау, айтпақшы* (Б. Аманшин). Во французском языке: *Il doit être joli, ce pays-là* (J. Renard). В русском языке: *Кроме нее в тесной и грязной комнате с низким потолком было еще несколько человек, ожидавших свиданий* (М. Горький).

Таким образом, в экспериментально-фонетических исследованиях наиболее часто используются такие динамические параметры, как средний уровень интенсивности, локализация максимального значения интенсивности, диапазон интенсивности.

Одним из компонентов интонации, передающих человеческие эмоции, является просодический **тембр**. Благодаря тембру различают такие эмоциональные оттенки, как радость, гнев, нежность, презрение, недовольство, ирония, печаль и др.

Л. К. Цеплитис различает два типа тембра: индивидуальный и интонационный тембр. «Интонационный тембр наслаивается на индивидуальный или добавляются к нему, так как при любом эмоциональном состоянии говорящего его голос можно узнать по индивидуальному тембру. Вероятно, индивидуальный тембр зависит исключительно от анатомического строения речевого аппарата данного лица, а интонационный порождается изменением формы некоторых резонаторов, очевидно, общи для коллектива носителей языка, иначе

нельзя объяснить тот факт, что по речи можно распознавать эмоциональные состояния говорящих», — отмечает Цеплитис (1974, с. 150).

Являясь суперсегментным средством, тембр применяется при описании отдельных звуков речи. На акустическом уровне тембру соответствует спектр. Что касается лингвистических функций тембра, то они недостаточно изучены. Тем не менее тембр являлся объектом особого внимания в сценической и публичной речи. Так, например, в области выразительного чтения Н. В. Черемисина говорит о двух основных классификациях тембров: 1) тембр металлический (работает головной резонатор) — тембр лозунгов, призывов, характерных для митинговой речи и для чтения героических стиховых строк; 2) тембр бархатный (работает грудной резонатор) — тембр интимной, ласковой речи, лирических исповедальных стихотворений и т. п. По второй классификации на фоне среднего тембра различают: а) тембр темный — тембр, сигнализирующий о меланхолическом, даже ипохондрическом настроении, передающий интонационно сожаление, недовольство и т. п.; б) тембр светлый — тембр радостного, крылатого настроения, передающий интонационно радость, даже восторг говорящего (Черемисина, 1999, с. 17).

Являясь средством передачи эмотивных значений высказывания, просодический тембр может нести и смысловую нагрузку. При одинаковом словесном составе высказывания тембральная окраска может дифференцировать его положительное или отрицательное значение. Например, высказывание *Raxmet sizge! Merci à vous! Snacibo vam!* можно произнести с восхищением, любовью, восторгом, тогда оно выражает положительное значение, произнесенное с презрением, насмешкой, иронией передает отрицательное значение. В этих примерах наряду с просодическим тембром следует учитывать также различный тональный регистр, в которых реализуются высказывания. Так, положительные эмоции связаны обычно с повышением тональных уровней, а отрицательные — с понижением.

Таким образом, интонационный тембр наряду с другими просодическими средствами участвует в выражении семантической и эмоциональной функции интонации.

В выражении интонационных категорий просодические средства в разных языках выступают в различном сочетании. В выборе просодических средств и их взаимодействии проявляется интонационная специфика языка.

Взаимосвязь компонентов интонации может быть универсальной для всех языков и специфичной для какого-нибудь языка. Вопрос о наличии в языке просодических универсалий обсуждается с давних пор. Еще В. Н. Всеволодский-Гернгросс писал, что «при всей индивидуализации есть между всеми интонациями нечто, что позволяет нам понимать друг друга, даже тогда, когда мы не понимаем чужестранного языка» (*Всеволодский-Гернгросс*, 1922, с. 8).

История изучения речевой интонации в разных языках свидетельствует о том, что многие выявленные факты увеличивают сферу универсального, все большее число интонационных фактов переходит из частноязыкового в общезыковое. Просодические черты языков проницаемы, языковой контакт может вести к влиянию одной языковой системы на другую и в просодической области. Поэтому интонологи считают, что факты, воспринимаемые пока как специфические, будучи организованными в систему, могут утратить ореол специфичности, в результате чего станет возможным построение общей модели интонационных типов, не привязанных к какому-либо конкретному языку.

По мнению Л. А. Кантера, «построение сопоставительно-типологической модели просодических систем рассматриваемых языков основывается на результатах моделирования речевой интонации каждого из сопоставляемых языков. В этой связи на первый план выдвигается задача составления инвентаря и классификации фразовых интоном (просодем) языка и их вариантов, являющихся тем исходным материалом, который необходимо сопоставить, или, как принято говорить, соизмерить в лингвистическом и метрологическом смысле слова» (*Л. А. Кантер*, 1988, с. 84). И. Г. Торсуева указывает, что часть общей типологии составляет типологическая классификация интонации группы языков (родственных или неродственных) (*Торсуева*, 1968, с. 116). Типологический анализ интонации, по мнению Торсуевой, включает в себя следующие этапы:

1. Выбор инвентаря единиц в зависимости от их функций.
2. Выбор релевантных признаков для характеристики единиц.
3. Описание правил взаимодействия и функционирования единиц при образовании структур.
4. Описание правил реализации единиц и структур.

Выделив эти четыре этапа, И. Г. Торсуева считает, что при современном состоянии интонационных исследований преждевремен-

но ставить вопрос о классификации языков мира согласно типам интонационных систем, преждевременно также составлять перечень универсалий в области интонации. ...Можно говорить о применении методов типологического исследования с целью выработки типологической сетки для дальнейшей интерпретации конкретного языкового материала. Целью типологического анализа интонации является построение такой классификации, в которой каждый язык занял бы свое место согласно избранным признакам в ряду других языков, так, чтобы было ясно, в какую сторону может идти его развитие (*Торсуева*, 1979, с. 93).

Вместе с тем вопрос о наличии в языке просодических универсалий широко дискутируется в современном языкознании. Об универсальности просодического уровня говорится в работах Д. Болинджера «все языки мира пользуются голосовыми модуляциями – не существует языков, где шепчут чаще, чем говорят. Может оказаться, что в ряде языков, еще подлежащему анализу, мелодические флуктуации могут быть в принципе случайными. Однако язык такого типа окажется в целом настолько исключительным, что даже не сможет свидетельствовать против универсальности, понимаемой широко (<...>). Таким образом, трудно сомневаться в универсальности интонации» (*Болинджер*, 1972, с. 214–23).

Как показывают экспериментальные данные на материале различных языков, универсальным является набор просодических признаков (частоты основного тона, длительности, интенсивности), дифференцирующих предложения по цели высказывания. Например, увеличение интенсивности часто связано с автоматическим повышением частоты основного тона, поскольку и тот и другой признаки обусловлены общим физиологическим механизмом – повышением подсвязочного давления. Универсальность интонации обусловлена общепфизиологическими причинами, свойствами человеческого речевого аппарата.

Универсальным можно считать набор просодических признаков (мелодики, темпа, паузы) для передачи смысловых отношений между синтагмами, а также понижение тона на последнем слове синтагмы для завершающей мелодики, и повышение тона на конце фразы для незавершенной мелодики. Ускоренный темп во многих языках передает менее важную информацию, а замедленный – более важную. Во многих языках присутствуют такие интонационные значения, как

противопоставление, вводность, пояснение, перечисление, логическое выделение, которые передаются теми же просодическими средствами, только в различном их сочетании.

Универсальность эмоциональных оттенков появляется в общих интонационных характеристиках положительных и отрицательных эмоций. Положительные эмоции, как правило, характеризуются более высокими регистрами тона в отличие от отрицательных, имеющих более низкий тональный уровень. С повышенным мелодическим тоном произносятся слова, несущие эмоциональную нагрузку.

Как уже говорилось выше, в выборе просодических средств проявляется интонационная специфика языка. Например, для русского языка, в котором свободное и подвижное словесное ударение выполняет словоорганизующую, словоопознавательную функции, характерны одни просодические средства, для казахского языка – другие. Как известно, в казахском языке вместо словесного ударения вводится понятие ритмического, синтагматического, как во французском. Проблему ударения в казахском языке следует рассматривать в связи с явлением сингармонизма, который «действует не только внутри слова, но и в группе слов, объединенных ритмически» (Джунисбеков, 1980, с. 63).

Говоря о фразовом или ритмическом ударении, С. К. Кенесбаев отмечает: «Вовсе не обязательно, чтобы каждое слово в предложении располагало самостоятельным ударением. Акцентуационные особенности членов предложения конкретизируются в зависимости от их синтаксической функции. Таким образом, определенное словосочетание или целая словесная группа в казахском языке может иметь только одно-единственное ударение. Иначе говоря, из двух или нескольких слов, подчиненных одному ударению, создается единый акцентуационный комплекс. Подобное ударение называется фразовым или ритмическим» (Кенесбаев, 1962а, с. 88). Перечисляя основные ритмические комплексы в казахском языке, Кенесбаев пишет, что ритмическое ударение чаще всего наблюдается в конечном слоге последнего слова ритмической группы.

Учение о ритмических группах было продолжено в работах А. Джунисбекова: «преобладающее в тюркологии мнение о связанном словесном ударении в конце слов относится как раз к ритмическому ударению, так как отдельное произнесенное слово – тоже рит-

мическая группа и имеет усиление на последнем слоге» (Джунисбеков, 1987, с. 64).

Говоря о характере связи между ритмическим ударением и смыслом предложения в казахском языке, Джунисбеков приводит предложение, которое в зависимости от контекста имеет два смысловых значения: *Ат / қора маңында жүр. Ат қора маңында / жүр.* Если слово *ат* составляет отдельную ритмическую группу, то переводится как *Конь находится около конюшни*, если слово *ат* составляет одну ритмическую группу со следующими словами, то переводится как *Кто-то находится около конюшни*.

Следовательно, ритмическое членение казахской речи играет большую роль, и от правильной расстановки ритмического ударения зависит передаваемая информация. В результате исследования ритмического ударения было выявлено, что последний слог ритмической группы имеет наибольшую длительность.

Экспериментально-фонетические исследования, проведенные на материале казахского языка, показывают, что акцентная выделенность (ритмическое ударение, логическое, эмфатическое) в казахском языке выражается посредством темпоральных, мелодических и динамических параметров интонации.

Функции интонации

Одним из основных вопросов интонации является вопрос о ее функциях, поскольку его решение определяет место интонации как одного из языковых явлений в общей системе языка. Однако до настоящего времени нет к нему однозначного подхода, и можно найти чрезвычайно пестрые классификации функций интонации.

В одних случаях авторы ограничиваются лишь простой констатацией тех или иных функций интонации, не останавливаясь подробно на их характеристике и не вскрывая суть каждой из них. В других случаях имеет место слишком дифференцированный подход к различным сторонам интонации, в результате чего возникает слишком детализированная схема функций интонации.

Наиболее часто интонации приписываются две функции – грамматическая (или синтаксическая) и эмоциональная. Халидей и ряд

других английских лингвистов интонации отводят лишь грамматическую функцию, рассматривая интонационные дифференциации как один из элементов при описании грамматической системы английского языка (*Halliday, 1967*). Ж. Дюбуа и О. Захер – также представители грамматического направления в изучении интонации, функцию интонации отождествляют с ролью порядка слов в предложении (*Dubois, 1963, Zacher, 1963*). Некоторые исследователи рассматривают интонацию как показатель синтаксических связей и отношений внутри предложений разного типа (*Васильев, 1965*), а также как средство актуального членения предложения (*Норк, 1965*).

Т. Рюд в своих работах критикует такое одностороннее отношение к интонации, когда во внимание берется только ее синтаксическая функция. По его мнению, просодические средства интонации должны рассматриваться автономно как система «*sui generis*», а не как часть синтаксической системы (*Потанова, 1967*).

Ряд лингвистов рассматривают интонацию как средство выражения смыслового содержания предложения. Так, например, еще Н. С. Всеволодский-Гернгросс писал: «В отношении к слову графическому интонация есть та живая вода, которая превращает его, мертвое, в живое, слово графическое начинает жить не только своей материальной телесной жизнью, но и жизнью одушевленной с того момента, когда появится интонация» (*Всеволодский-Гернгросс, 1922, с. 8*).

О. А. Норк выделяет следующие основные функции интонации: выражения целостности высказывания (завершенность или незавершенность), выражение коммуникативной установки (вопрос, сообщение, побуждение), выражение частной цели высказывания (актуальное членение предложения) (*Норк, 1962*).

Об интонационном выражении двух видов модальности высказывания находим в работах М. Ромпортля: первично-модальная функция – выражение цели высказывания (вопрос, сообщение, побуждение) и вторично-модальная функция, выражающая экспрессивность высказывания (*Romportl, 1961*).

О трех разноплановых функциях интонации говорится в работах П. Риго: репрезентативная (разграничение вопроса и ответа, членение выделение, объединение), презентативная (характеристика говорящего, его психологическое и физиологическое состояние) и экспрессивная (*Rigault, 1964*).

Абстрактное представление о функциях интонации видится в работах Г. Фора, который выделяет количественную (акцентирующую) и качественную (модифицирующую психологическое содержание высказывания) функции (*Faure, 1964*).

Один из основоположников функционального подхода к интонации чешский лингвист Ф. Данеш выделяет следующие функции интонации: превращает слова в высказывания; определяет основу высказывания, то, что в данной ситуации известно, и новое, то, что сообщается (т. е. тему и рему); определяет коммуникативный тип высказывания – утвердительное или отрицательное, повествовательное, побудительное или вопросительное, частный вопрос или общий вопрос (*Danes, 1960*).

Совершенно другой подход в различении функций интонаций находим в работах Д. Болинджера: функция акцентного выделения, функция мелодического выделения, контролируемая экспрессивная функция, неконтролируемая аффективная функция (*Bolinger, 1970*). Такого же взгляда на лингвистические функции интонации придерживаются С. Фриз (*Fries, 1964*), М. Шубигер (*Scubiger, 1958*).

Н. С. Трубецкой выделяет три функции звукового выражения речи: объяснительную (то же, что коммуникативная), звательная (предназначенная для слушающего) и экспрессивная (идентифицирующая личность говорящего) (*Трубецкой, 1960, с. 46*).

Л. Р. Зиндер выделяет два аспекта интонации: коммуникативный и эмоциональный. Коммуникативность – это то, что связывает интонацию со смыслом и синтаксическим строем предложения. Является ли высказывание законченным или незаконченным, содержит ли оно вопрос, ответ и т. п. Эмоциональность является функцией в том смысле, что, будучи связанной с категорией модальности, служит элементом сообщения. В своем коммуникативном аспекте интонация имеет следующие значения: 1) интонация является средством членения речи на предложения. Это особенно важно в чтении, которое в наше время благодаря развитию радио и телевидения играет огромную роль; 2) интонация участвует в различении коммуникативных типов предложения; 3) интонация участвует в актуальном членении предложения; 4) только интонацией осуществляется деление на синтагмы, что определяется смыслом и связано с выражением того или иного члена предложения; 5) интонация отмечает, является ли данный отрезок речи конечной или неконечной синтагмой (*Зиндер, 1979, с. 267*).

И. Г. Торсуева к двум функциям (коммуникативной и эмоциональной) добавляет структурирующую, которая отделяет отрезки высказывания друг от друга и связывает части высказывания в одно целое (Торсуева, 1967, с. 355). Зиндер эту функцию рассматривает в рамках коммуникативной.

У В. Пинаевой насчитывается четыре функции интонации: расчленяет речь на синтаксические единицы – фразы, синтагмы, ритмические группы; дифференцирует различные коммуникативные типы фраз (повествовательная, вопросительная, восклицательная); выполняет предикативную функцию; благодаря ей отдельные слова, группы слов, содержащие или не содержащие грамматический предикат, получают значение грамматического единства, выражающее законченную мысль, выражает эмоциональные оттенки.

Л. К. Цеплитис определяет три функции интонации – семантическую, синтаксическую и стилистическую, при этом семантическая функция интонации состоит в выражении значения, так как не может быть языковой единицы, имеющей значение, но не выражающей его, а синтаксическая и стилистическая функции возникают при использовании интонационных средств для общения, т. е. в коммуникативном целях (Цеплитис, 1974).

Н. В. Черемисина пишет, что интонация выполняет следующие основные функции: коммуникативную, смысловозначительную (фонологическую), кульминативную (выделительную), синтезирующую (объединительную), делимитативную (разграничительную) и эмоционально-экспрессивную (Черемисина, 1982, с. 13–15). Наиболее общей функцией, так же как и для большинства лингвистов, является коммуникативная, которая оформляет предложение как минимальную единицу общения, относительно коммуникативную единицу. Смысловозначительная функция используется для различения смысла или оттенков смысла высказывания. В зависимости от произнесенной интонации высказывание может приобретать разное значение. Например: *Қар жауып тұр!* Произнесенное восторженно-одобрительно, это высказывание имеет положительное значение, а произнесенное с оттенком досады, неодобрительно имеет отрицательное значение.

Со смысловозначительной интонацией связана кульминативная функция интонации. Основным средством выделения в потоке речи

наиболее важных слов в синтагме, синтагм в предложения, предложения в сверхфразовые единства, а также в разграничении речевого потока на предложения синтагмы, слова.

Интонация может быть использована также для выражения эмоционального состояния говорящего, а также для выражения отношения говорящего к содержанию речи.

В казахском языкознании некоторые сведения о функциях интонации находим в работах А. Байтурсынова, К. Жубанова, Н. Сауранбаева, С. Аманжолова, І. Кенесбаева, М. Балакаева, А. Нурмахановой и т. д.

О семантической функции интонации и ее коммуникативной роли отмечается в работах К. Жубанова: «басқа халықтың тіліне түсінбесек те, сөз әуенінің қайғылылығын, не қуаныштылығын сезінеміз. Тіл-тілге ортақ ән де бар, әр тілдің өзіне меншікті басыбайлы әні де болады. Бір нәрсе сұрағанда дауыс бес тон көтеріледі. Қабат нокат (қос нүкте) интонациясы мен жай нокат интонациясы бір емес; сұрау (өтіну), бұйыру, қайғыру, тандану – бәрі де ән арқылы білінеді» (Жұбанов, 1999, с. 71).

Особое внимание К. Жубанов уделяет роли интонации в дифференциации предложений по цели высказывания (повествовательные, восклицательные, вопросительные): «сөздің дауыс сазын негізінде үш ірі топқа айыруға болады: 1. Хабар сазы. Сөйленген сөздің тек хабар болу жағын ғана көздеп, өзіне бұл хабардың қандай әсер еткенін сөйлеуші білдірмесе, немесе білдірмегенін, сөз осы хабар сазымен айтылады. 2. Леп сазы. Сөйленген сөздің тек хабар болу жағын ғана көздеп қоймай, оның үстіне, бұл хабар сөйлеушінің өзіне белгілі бір түрде әсер еткенін – қуантқанын, мұнайтқанын, тандандырғанын, опындырғанын т. т. да қоса білдіргісі келсе, сөйлеуші сөзін осы леп сазымен айтады. 3. Сұрау сазы. Сұрала сөйленген сөз осы сазда болады. Сұрау есімдік, сұрау қосалқыларды сөзге қосып айтсақ та, қоспасақ та, бәрібір, сұрай сөйлесе, сөз осы әнмен айтылмақ» (там же, с. 217–218).

Эти ценные высказывания ученого по поводу основных свойств интонационного выражения казахской речи, функций интонации в оформлении повествовательных, вопросительных, восклицательных предложений подтверждаются современными экспериментальными (инструментальными) методами исследования.

А. Нурмаханова выделяет две функции интонации. Первая функция – эмоционально-экспрессивная, которую автор квалифицирует как

основную, когда одними только интонационными средствами можно передавать различные эмоциональные оттенки. Вторая функция интонации связана с лексико-грамматическими средствами, когда они вкупе с интонационными участвуют в дифференциации различных коммуникативных типов высказываний (Нұрмаханова, 1979, с. 141).

Н. Туркбенбаев, исследуя интонацию вопросительных предложений, показывает функцию интонации в выражении вопроса, когда только интонационными средствами без привлечения лексико-грамматических можно выразить вопрос: *Бөкен қайда? – Үйіне кетті. – Үйіне? – Иә, үйіне.* Слово «Үйіне?» представляет собой вопрос, выраженный только посредством интонации. Туркбенбаев подчеркивает, что такие вопросительные предложения в казахском языке встречаются довольно редко в отличие от русского, чаще всего они выражают встречный вопрос. Следует добавить, что такие вопросительные предложения встречаются в разговорной речи и их употребление обусловлено определенной ситуацией и контекстом (Туркбенбаев, 1981, с. 46).

О связывающей функции интонации говорится в работе Ш. Әуелбаева и Қ. Қабиева: «Сөздердің интонация арқылы байланысуы қатар тұрған түбір сөздердің арасында дауыс кідірісі жасалып, соңғы сөз ерекше әуенмен айтылады». Здесь речь идет о предложении, состоящем из подлежащего и сказуемого, например: *Бұл – мектеп. Ол – кітап.* Эти предложения выражают законченную мысль за счет завершенной интонации и паузы, отделяющей подлежащее от сказуемого. При беспаузальном произнесении подлежащее превращается в определение, и предложение теряет свой статус, т. к. оно не будет уже выражать законченную мысль, т. е. различное интонационное произнесение слов отражается на синтаксическом значении и играет важную роль в сохранении орфоэпической нормы речи (Әуелбаев, Қабиева, 1972, с. 65).

В предыдущих примерах пауза на письме выражена знаком тире, что свидетельствует о тесной связи интонации со знаками препинания. В этой связи уместно вспомнить слова Ә. Хасенова: «Сұраулы, лепті сөйлемді оқығанда, дауыс ырғағы көтеріңкі шығып, айрықша интонация білінеді. Сөйлеу тіліндегі мұндай интонация жазуда белгілі бір тыныс белгісін қоюды қажет етеді» (Ысқақов, Хасенов, 1951, с. 54). А. Ысқақов и Ә. Хасенов, рассматривая интонацию как

устное выражение знаков препинания, отмечают несколько ее функций: модально-экспрессивную, эмоционально-оценочную, разделительную, связывающую: «Жеке сөздің я сөздердің интонациясы деп сөйлеушінің сөзді айтқанда, сөйленетін затқа қатысын білдіретін, сезімін аңдаттыратын мәнерін айтамыз. Ал сөйлемнің я сөйлемдердің интонациясы деп сөйлемнің типтік (сұрау, бұйыру, хабарлау т. б.) құрылысын айтамыз. Аузекі тілдегі, яғни сөйлеу тіліндегі осындайлық ырғақ (интонация) және кідіріс (пауза) сияқты дәнекерлер тілдің ритмикалық-мелодикалық жақтары я дәнекерлері делініп аталады. Сөйтіп, аузекі сөзде тілдің ритмикалық-мелодикалық жақтары айтылатын сөздерді дауыстың құлпыруына, өзгеруіне қарай түрлендіріп, мәнерлеп, көріктендіріп отырады да, сөйлеушінің сөзіне ажар береді. Бұдан айтылатын ой ерекше жанданып, сөйлемдегі сөздердің қарым-қатынастары, мағыналары айқындалып, анықтала түседі» (Ысқақов, Хасенов, 1951, с. 6, 7).

О том, что благодаря интонации слова, группы слов принимают статус предложения, говорится и в работах К. Аханова: «Интонация – сөйлемнің органикалық элементі. Сөйлем жеке сөзден де, сөз тіркесінен де, құрылымдық үдгісі жағынан ажыратылады. Жеке сөздер немесе сөз тіркестері кейде сөйлем түрінде жұмсалуды үшін міндетті түрде сөйлемге тән интонациямен айтылуы шарт. Сонда ғана олар сөйлем ретінде ұғынылады. Мысалы: Түн. Вокзал. Қаптаған жүргіншілер» (Аханов, 1972, с. 199).

Положения о функциях интонации, обсуждаемых в работах казахских ученых, перекликаются с точкой зрения известных лингвистов А. Шахматова и В. Виноградова, которые особое внимание обращают на синтаксическую роль интонации в предложении.

А. Шахматов в своем труде «Синтаксис русского языка» отмечает, что интонация превращает слова, словосочетания в предложения, являясь основным условием его существования, т. е. она считается одним из синтаксических средств, обязательным компонентом предложения, входящим в его синтаксическую структуру (Шахматов, 1941).

О том, что интонация является одним из трех показателей существования предложения, говорится в работах В. В. Виноградова (Виноградов, 1952, с. 97).

Исследуя синтаксис простых предложений, М. Балакаев обращает внимание на их интонационное оформление и функции инто-

нации в предложении: «Айтайын деген ойымыз түсінікті болу үшін, әр сөйлемді, жеке сөздерді, сөздер түйдегін, сөздер тізбегін, сөздер шумағын тиісті әуенмен, ырғақты үнмен мәнерлі айтып, сазына келтіріп сөйлеуіміз керек. Олай етпегенде, сөйлемдердегі сөздер, тұтас сөйлемдер... басы бір жерге қосылмай, өзара байланыспай тұрады» (Балакаев, 1950, с. 31).

Приведенные точки зрения казахских лингвистов о функциях интонации показывают, что здесь больше внимания уделяется синтаксической функции интонации, в частности, связи интонации с ситуацией, ее роли в оформлении различных коммуникативных типов предложений, в выражении различных видов модальности.

Перечень функций интонации самых различных языков дает нам основание заключить, что интонация играет важную роль в общей системе языка и представляет собой очень сложное и многоаспектное явление. Пестрота в определении функций интонации объясняется тем, что в основу классификации положены совершенно различные признаки. Из всего многообразия функций интонации, исходя из теории, представленной в нашей работе можно выделить наиболее важные из них, которые являются универсальными, но по-разному проявляются в каждом языке: 1) определяет общий коммуникативный тип высказывания; 2) выявляет частный коммуникативный тип высказывания; 3) выражает семантическое значение высказывания; 4) сегментирует текст на сверхфразовые единства, фразы, синтагмы, ритмические группы и синтезирует сегменты в одно целое; 5) определяет различные эмоции.

Назначение первой функции интонации состоит в определении общей целеустановки высказывания как повествовательного, вопросительного, побудительного. Например: *Студенттер емтихан тапсырады. Студенттер емтихан тапсыра ма? Студенттер емтихан тапсырсын!* Во французском языке: *Les étudiants passent l'examen. Est-ce que les étudiants passent l'examen? Pour que les étudiants passent l'examen!* В русском языке: *Студенты сдают экзамен. Студенты сдают экзамен? Пусть студенты сдают экзамен!* Эта функция интонации осуществляется в противопоставлении различных коммуникативных типов. Следует отметить, что для выражения этой функции в казахском языке, так же как и во французском, в отличие от русского немаловажную роль играют грамматические средства (порядок слов, вопросительные слова и частицы).

Назначение второй функции интонации состоит в том, чтобы определить исходный момент сообщения (тему) и новый момент сообщения (рему). Эта функция связана с речевой установкой говорящего, контекстом, ситуацией общения. В приведенных выше примерах в трех языках *Студенттер емтихан тапсырады. Les étudiants passent l'examen. Студенты сдают экзамен* в зависимости от коммуникативной цели можно выделить любую мысль, что зависит от актуального членения. В данных высказываниях тема выражается известной информацией, рема – новой. При этом тема содержит *пресуппозицию*, а рема – *ассерцию* (утверждение). В зависимости от коммуникативной цели высказывания пресуппозиция может переводиться в ассерцию и наоборот, причем наиболее яркие интонационные характеристики будут реализовываться в ассерции (динамические и темпоральные максимумы, расширенные тональные и динамические диапазоны, локализация фразового и логического ударений). Рема высказывания обычно выявляется вопросом, заданным к определенному слову. Меняя коммуникативный пафос высказывания, можно актуализировать любое слово во фразе.

Третья семантическая функция интонации наслаивается на коммуникативное значение. Независимо от коммуникативного типа высказывания интонация может выражать также значения перечисления, вводности, присоединения, противопоставления, дополнения и т.д. Например: *Ақ пен қара, қызыл мен көк, күрең мен қына сары біріне-бірі еппен тоғысып, бәрі жымдасып тұр* (F. Мүсірепов). *Вся жаңа формалы киімдерін киіп, ұзын залды өрлей, адымдап, отыра алмай жүр. Тыныққан, қырынған, сөз жоқ, сұлуланып кеткен* (F. Мүсірепов). *Не бұл бәледен басыңды ақтап шығасың. Немесе, барлық осы өртке малыңменен, басыңменен, ең алдымен өзің жауап бересің* (M. Әуезов). Во французском языке: *Elle s'éloigna vers la porte. Comme le visage endormi, la-bàs, lui semblait paisible, détendu, heureux, aimé! Elle l'avait toujours dit: Monsieur était un Péloueyre; il faisait le méchant, mais au fond il n'y avait pas meilleur... Elle cédait au besoin de se rassurer. Mais, au fond, quelle lassitude! Femme positive, ses armes accoutumées ne valaient pas contre un fantôme* (F. Mauriac). В русском языке: *Вы знаете, Володя пороку не выдумает, но он честный, смелый, трудолюбивый человек. Пусть он только пройдет в генеральный штаб, и – клянусь – я ему сделаю блестящую карьеру.*

Я знаю языки, я сумею себя держать в каком угодно обществе, во мне есть – я не знаю, как это выразить, есть такая гибкость души, что я всюду найдусь, ко всему сумею приспособиться (А. Куприн).

Четвертая функция интонации проявляется в объединении слов в синтагмы, синтагм во фразы, фразы в сверхфразовые единства, вместе с тем в членении речевого потока на сегменты. Эта функция интегрирования и сегментирования фонетических единиц осуществляется с помощью универсальных для всех языков интонационных компонентов, но их взаимодействие и функционирование является специфичным. В этом можно убедиться, слушая иностранную речь: по одной только интонации, не понимая сути разговора, можно определить, носителем какой типологической группы языков он является: француз он или китаец, немец или казах, русский или японец. Интонационная функция организации и членения речевого потока играет важную роль в установлении принципов построения расчлененного текста: на какие отрезки он делится, как они соединяются между собой в конкретном языке. Например: *Сөз көңілге // сипат жағынан көркемдігімен, // сөз мағына жағынан // күштілігімен жағады. Сөз көркемдігі // әуезінің әдемілігі мен // кестесінің келісті болуынан / табылады. Әуез әдемілігі // сөзді дыбыс жағынан // тәртіппен үйлестіріп // тізуден болады. Күштілігі // сөздің қалыпты мағынасының / үстіне // күш қосатын әдістерді // істеуден болады. Бұлардың бәрі де // тіл (лұғат) талғауы туралы // сөйлеген жерде баяндалған. Бұл жерде // айтып өтерлік / бір нәрсе // – сөздің бірі көрнекі көрінуі // неден екендігі. Ол мынадан болады (А. Байтұрсынов).* Во французском языке: *Loin de cette chambre, // au-delà du vestibule, // dans le petit salon voisin // de la cuisine, // la mère et le fils, // bien qu'on fût en juin, // regardaient naître / et mourir // la flamme d'une bûche. Elle avait abandonné // sur son ventre // un bas à demi tricoté / et grattait, // d'une longue aiguille, // sa tête / où un peu de crâne blanc paraissait // entre les mèches teintes. Il s'était interrompu // de découper // avec les ciseaux maternels // des maximes // dans une édition populaire d'Epictète (F. Mauriac).* В русском языке: *Под колыхание кровати, // с приятной сонной резьбой в глазах, // Арбузов забылся в прерывистом, // тревожном, // лихорадочном бреде. Но в бреду, // как и наяву, // он испытывал такую же // чередующуюся смену впечатлений. То кому казалось, // что он ворочает // со страшными усилиями // и громоздит одна на другую // гранитные глыбы // с*

отполированными боками, // гладкими и твердыми на ощупь, // но в то же время мягко, // как вата, // поддающимися под его руками (А. Куприн).

Пятая функция интонации, накладывающаяся на другие предыдущие функции, используется для передачи различных человеческих эмоций, дифференциации экспрессивных оттенков высказываний. Эмоциональная насыщенность высказывания зависит от **контекста** и **речевой ситуации**, а также от экстралингвистических факторов: от эмоционального состояния говорящего, его психологического настроя и т. д. Одно и то же высказывание можно произнести с разным интонационным оттенком. Например: *Мен сізді жақсы білемін! Je vous connais bien! Я вас хорошо знаю!* Произнесенное восторженно-одобрительно, это высказывание имеет положительное значение, а произнесенное с оттенком неприязни, иронически, неодобрительно — имеет отрицательное значение. В этих высказываниях наряду с основными просодическими средствами интонации большую роль играет тембр. Из всех коммуникативных типов наибольшей эмоциональной насыщенностью обладают восклицательные предложения.

Отдельные функции интонации нельзя изолировать друг от друга. Они тесно взаимодействуют в речи, благодаря им речь обретает смысл, становится понятной и обретает свое конкретное выражение. В соответствии с целями и задачами коммуникации срабатывает та или иная функция: либо эмоциональная, либо дифференцирующая коммуникативный тип высказывания, либо определяющая семантическую соотнесенность сообщаемых фактов.

О связи интонации с синтаксисом

Интонация в отличие от других элементов языка не может существовать в изолированном виде, она существует только в предложении, тексте и не может быть оторвана от них. В. Всеволодский-Гернгросс указывает на две возможности искусственного получения интонации в чистом виде (1922, с. 6). Когда мы слышим иностранца, говорящего на своем языке, мы воспринимаем только одну интонацию, ибо слова и предложения в его устах не содержат для нас никакого смысла. Когда речь звучит через стенку, то слово как таковое

исчезает и воспринимается одна интонация. Поскольку интонация проявляется в высказывании, тексте, то встает вопрос о связи интонации и синтаксиса.

Много высказываний по этому поводу можно найти в работах, посвященных структуре и модальности предложения. В большинстве этих работ говорится о соотношенности синтаксических значений с их интонационным выражением, так как интонация обязательно входит в синтаксическую структуру предложения как ее компонент.

Синтаксисты рассматривают интонацию как одно из средств выражения синтаксических значений в звучащей речи. Поэтому интерес к интонации в связи с изучением синтаксиса возник впервые при анализе устной речи в трудах А. А. Шахматова и А. М. Пешковского. Пешковский посвящает вопросу о соотношении интонации и грамматики специальную работу, основное положение которой гласит: «Интонационные средства отличаются подвижным, свободным характером. Они наслаиваются сложными, прихотливыми узорами на звуковые средства, не срастаясь с ними в определенные типы связи, а, наоборот, расходясь с ними на каждом шагу. Они, так сказать, блуждают по грамматической поверхности языка... Несмотря на то, что определенные интонации обычно связываются с определенными грамматическими формами, все же они могут наслаиваться на любой формальный субстрат» (Пешковский, 1928, с. 107).

Некоторые лингвисты искали прямую связь между синтаксической конструкцией и ее интонационным выражением, недопонимая сути основного положения А. М. Пешковского. В результате чего стали появляться экспериментально-фонетические работы, посвященные, например, интонации различных типов придаточных предложений. Конечно, интонация участвует в оформлении предложения, но она выражает при этом лишь общие категории, а не конкретные отношения внутри предложения или между предложениями, поскольку интонация не слепок с грамматической формы, а связь между интонационными и синтаксическими явлениями имеет вероятностный характер.

Вот что пишет о связи между грамматическим и интонационным строем предложения О. Х. Цахер: «Просодия является неотъемлемым конституирующим компонентом предложения. Нет предложения без фразового ударения и без повествовательного, вопросительного, повелительного и восклицательного мелодического оформления. Нель-

зя поэтому прийти к правильным обобщениям без учета особенностей лексико-синтаксического его состава» (Цахер, 1968, с. 8).

Подчеркивая соотносительный, но не симметричный характер связи между интонацией и синтаксисом (интонационных моделей меньше, чем синтаксических), следует все же вспомнить функции интонации в рамках синтаксиса: дифференциация предложений по цели высказывания, выделение однородных членов предложения, вводных единиц, обращения и т. д.

Взросший интерес к инструментальному анализу интонации способствовал появлению работ, посвященных интонации некоторых синтаксических конструкций (вопросительные, восклицательные предложения, обращение, перечисление и т. д.). Другое направление представляют работы, в которых предлагается классификация интонационных единиц на основе их закреплённости за определенными синтаксическими образованиями, причем одна интонационная модель может выражать несколько синтаксических значений и несколько интонационных моделей могут передавать одно и то же значение.

Ограничиться одним лишь синтаксическо-интонационным или интонационно-синтаксическим путем исследования означало бы значительно сузить рамки исследования. Для того чтобы выявить природу интонации в системе языка, следовало бы объединить синтаксическо-интонационные и интонационно-синтаксические методы исследования.

Чтобы выяснить взаимосвязь синтаксических и интонационных значений, надо найти их общие критерии. Такими общими критериями, которые подходят и для синтаксиса и интонации, по мнению лингвистов, являются критерии зависимости – независимости и законченности – незаконченности (Иванова-Лукьянова, 1987, с. 42–48). Восходящий тип интонации выражает значение зависимости и незаконченности, а нисходящий – значение независимости и законченности. Существенным фактором для интонации является характер синтаксической связи: сочинительной и подчинительной, как в простом, так и сложном предложении. При сочинительной связи выражается идея независимости объединяемых членов предложения или самих предложений; при подчинительной связи осуществляется идея их зависимости. Фактор законченности и незаконченности в синтаксических конструкциях, обуславливающий деление речевого потока

на сегменты, тоже непосредственно связан с выбором определенного типа интонации.

«Самым устойчивым оказывается противопоставление интонации завершенности и незавершенности, — пишет Н. В. Черемисина. — Можно предположить, что названное противопоставление, как правило, сохраняется в качестве инвариантного, и объясняется это, вероятно, его коммуникативной значимостью, а также преимущественной недопустимостью замещения соответствующей интонации языковыми средствами другого неинтонационного уровня» (Черемисина-Ениколопова, 1999, с. 151). Как будет дальше, известно из экспериментального исследования, интонацией незавершенности в казахском языке могут оформляться однородные члены предложения, вводность в препозиции, первый компонент сложноподчиненного предложения.

Минимальным объемом речевого отрезка, в котором проявляется синтаксическое и интонационное значение, является синтагма. В последнее время лингвисты приходят к выводу о том, что синтагма, а не фраза имеет большую функциональную нагрузку в тексте. Синтагма универсальна и встречается во всех языках, формирование синтагм в потоке речи определяется не жесткими правилами, а обусловлено разнообразными смысловыми связями внутри текста, а также зависит от хода мысли говорящего, от его видения и понимания ситуации. Например: *Бірін-бірі қуалап, // ай соңынан ай озды, // бірін-бірі жетелеп // жыл соңынан жыл озды, // не керек, // Шолпанның «бала болмасын» деген ойы // бекігеннен бекіді. Талай түндерде // мынау түйінді шешу үшін // қасіретпен сарғайған Шолпан // талай ой теңізіне кірсе де, // ой түбіне жете алмады* (М. Жұмабаев). Во французском языке: *Elle s'assoupit, // puis se réveilla. De nouveau // son lit tremblait; // non le reste de la maison, // mais son lit seul. Nul convoi // pourtant // ne traversait la gare endormie* (F. Mauriac). В русском языке: *Я поселил его рядом с собою, // в тех же самых // меблированных комнатах, // пока в кредит, // в чайнии трофеев // от будущих побед // над дряблым севером* (А. Куприн).

Нетрудно заметить, что различные синтагмы обладают большей или меньшей смысловой целостностью. Ср., например: *Қайратты адамдар // тірісінде // елді қорғап, // қысылған, // қиналған жерде ақылымен, // айласымен // я болмаса, // қайратымен құтқарған бол-*

са, // ондай адамдардың // өлгенде де // жәрдемі тиеді деп ойлаған (А. Байтұрсынов). Во французском языке: *Puis // elle ne frissonna plus, // mais // un feu intérieur // montait comme une lave; // elle brûlait. Le vent nocturne // gonfla les rideaux, // emplît la chambre // d'une odeur de seringa // et de fumée de charbon* (F. Mauriac). В русском языке: Он был более прав, // чем я, // старый петербургский скептик, // ему повезло. Может быть, // это происходило оттого, // что вообще // человек бодрый // и самоуверенный // в такой же степени // умеет подчинить себе судьбу (А. Куприн).

Фонетическая целостность синтагмы в речи создается отсутствием паузы внутри синтагмы и общим мелодическим контуром. Как показывают экспериментальные исследования на материале разных языков, любое синтаксическое значение может получить интонационное выражение только в объеме синтагмы. При недостаточности объема синтаксическое значение остается интонационно невыраженным. Например, незавершенность может выражать подчинительные отношения, если подчинительная связь в простом предложении устанавливается между словами, не образующими синтагму, то она не будет иметь интонационного выражения. В том случае, если слова и словосочетания в простых предложениях соответствуют синтагме, то они будут выражаться незавершенной интонацией, в частности, в предложениях с однородными членами, встречающихся во всех языках. Например, в казахском языке: *Көк алаңға оқушылар да, // ата-аналар да, // оқытушылар да // жайғасып отырды; Айтқан сөздерімді // ол ұқты ма, // ұқпады ма, // маған беймәлім*. Во французском языке: *On distinguait // cinq types de documents diplomatiques: // notes personnelles, // notes verbales, // aides-mémoires, // mémorandums, // déclarations, // messages, // lettres privées à caractère semi-officiel*. В русском языке: *На прилавке // лежали школьные принадлежности: // дневники, // тетради, // ручки, // цветные карандаши, // акварельные краски // и многое другое*. Приведенные примеры с однородными членами предложения характеризуются перечислительной сходной интонацией, которой присуща функциональная однозначность. Отдельную синтагму, как правило, составляют осложняющие предложения структуры: вводные конструкции, обращения, обособленный оборот. Например, в казахском языке: *Бақтығұл, // сен өзің // жақсы ниетпен // келген екенсің. Енді // сөзді қысқарт та, // тек мына болыстың етегінен ұста. Бұған сендей анық // нысық жігіт, // атқан оқ, // шапқан*

қылыш // болуга жарайтын // оты бар жолдас керек (М. Әуезов). Во французском языке: *M. Walter, // qui l'appréciait cependant, // avait souvent désiré // un autre homme // pour lui confier les Echos, // qui sont, disait-il, // la moelle du journal. C'est par eux // qu'on lance les nouvelles, // qu'on fait courir les bruits, // qu'on agit sur le publique // et sur la rente* (G. de Maupassant). В русском языке: *Мерцающая, // потрескивали угольки в камине, // тикали часы, // и это, // казалось, // было уже когда-то, // или точно с этой минуты, // как во сне, // началась // и потекла в обратном порядке // вся жизнь // и вновь возвратилась к истоку* (А. Толстой).

В сложном же предложении, где его компоненты являются отдельными синтагмами, подчинительная связь также будет выражена незавершенной интонацией. Например, в казахском языке: *Ол ерте-рек келгенде // мені орнынан табар еді*. Во французском языке: *S'il était venu plus tôt, // il m'aurait trouvé chez moi*. В русском языке: *Если бы он пришел раньше, // то застал бы меня дома*.

Простое нераспространенное предложение, образующее одну синтагму, оформляется завершенной интонацией. Например: *Біз мектепке барамыз. Nous allons à l'école. Мы пойдем в школу* состоит из одной синтагмы, передающей значение законченности и независимости. Оба эти значения передает нисходящая интонация. Но интонационная скрытая внутренняя зависимость друг от друга членов предложения, существующая благодаря подчинительным связям между ними, обнаруживается при их распространенности: *Біз бәріміз // өзіміздің мектепке // жаяу барамыз. Nous tous // allons à pied // à notre école. Все мы // пойдем пешком // в свою школу*. Отношения зависимости между членами предложения становятся интонационно выраженными и передаются с помощью восходящей интонации. Восходящий тон, который оформляет неконечные синтагмы, наряду со значением незаконченности передает и эти отношения зависимости.

Следовательно, если в объеме синтагмы происходит полное совпадение синтаксических и интонационных значений на основании двух значимых критериев, то интонация в этих конструкциях безвариантна, т. е. может быть использован только один интонационный тип – восходящий или нисходящий. В данном случае под типом понимается движение основного тона, и под вариантом – возможность использования в одной синтагме фонологически противоположного интонационного типа.

Таким образом, интонация вступает в сложные взаимоотношения с синтаксисом. Некоторые лингвисты учение об интонации предлагают называть уже не только «синтаксической фонетикой», но также «интонационным синтаксисом» и «семантической фонетикой», в основе которых лежит идея синтагмы как семантико-интонационной единицы. Когда значения интонации совпадают со значениями, выраженными той или иной грамматической формой, то оба элемента, синтаксис и интонация, взаимно поддерживая друг друга, выражают одно и то же значение (например, интонация вводности или перечисления). Это говорит о том, что интонация является одной из форм речи, равноправной с синтаксическими категориями, а не подчиненной им. Целиком и полностью можно согласиться с Пешковским в том, что «интонация является чем-то параллельным грамматике, а не составной ее частью, одним из средств языка, наряду с грамматикой, лексикой, а не чисто грамматическим признаком» (Пешковский, 1928).

Здесь уместно вспомнить еще об одном не менее важном положении Пешковского «законе компенсации», который нашел подтверждение на материале разнотипных языков: «чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и, наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее его грамматическое». Например, в казахском языке, так же как и во французском, в отличие от русского, в вопросительных предложениях без вопросительной частицы интонационные признаки выражены сильнее. Ср.: *Keldi me? Keldi? Est-ce qu'il viens? Viens-t-il?* В вопросе с вопросительной частицей интонационные характеристики выражены менее ярко, т. е. они компенсируются из-за присутствия грамматических признаков. В вопросе без вопросительной частицы, выражающем переспрос, наблюдается резкое повышение тона, т. е. тональный диапазон второго вопроса расширен по сравнению с первым. Кроме того, динамические и темпоральные характеристики второго вопроса также значительны по сравнению с первым. Принцип замены, сформулированный Пешковским, подтверждается не только для тюркских и европейских языков, но и для изолирующих. Исследуя интонационные характеристики различных коммуникативных типов предложений, авторы «Фонетического строя вьетнамского языка» приходят к выводу, что во вьетнамском языке нет интонационных признаков, относящихся к предложению

в целом и замещающих интонационные характеристики тонов, т. е. во вьетнамском языке фразовая интонация – вопросительная или повествовательная – характеризуется определенным отношением к признакам тона. Разница по общей высоте между утвердительным и вопросительным предложением больше в том случае, если последнее построено без вопросительной частицы (Гордина, Быстров, 1984, с. 53).

В лингвистической литературе часто говорят о синтаксической функции интонации, т. е. о ее роли в выражении синтаксических значений в предложении. Независимо от типологического строя языков существует несколько факторов, участвующих в построении и оформлении предложения: 1) вспомогательные морфемы, 2) служебные слова, 3) порядок слов в предложении, 4) интонация. Функции названных факторов различны в зависимости от типа языка. В каждой типологической классификации языков (флективные, агглютинативные, корневые) они проявляются по-разному. По В. В. Виноградову, в русском языке интонация является одним из важных показателей предложения. Эта точка зрения ученого имеет место почти во всех учебниках и учебных пособиях: «главными признаками предложения являются предикативность, модальность и интонация».

В агглютинативных языках, в том числе в казахском языке, в оформлении предложения наряду с интонационными средствами выполняют порядок слов и вспомогательные частицы. Так, М. Балакаев, давая определение предложению, подчеркивает важное значение интонации как одного из основных признаков предложения: «сөйлем біршама аяқталған ойды білдіреді, предикаттық қатынасты білдіреді, әрбір сөйлемнің айтылу интонациясы болады» (Балакаев, 1961, с. 7).

Согласно типологической классификации языков в тональных языках, не имеющих флексии и аффиксов, к которым относится китайский язык, большую роль играют порядок слов и различные тональности. По этим двум факторам можно судить не только о том, какими частями речи являются слова в предложении, но и о членах предложения. Сравним три предложения: *Хао жень* (Этот человек хороший). *Жень хао* (Он любит меня). *Сию хао* (Он делает добро). Корневые слова в предложениях (например, хао) в зависимости от места в предложении и четырех видов тональности выполняют различные функции (Будагов, 1953, с. 139).

В языках, обладающих системой этимологических тонов, одни и те же акустические характеристики (частота основного тона, сила звука и время произнесения) дифференцируют не только синтаксические значения, но и лексические, т. е. в языках наблюдаются интонационные словоразличительные противопоставления. «На тональной основе в предложении возникают интонационные факторы, характерные только для предложения: различное движение тона от начала предложения к его середине и к концу, различная модальная и эмоциональная окрашенность высказываемого, фразовое и логическое ударение, темпоральные и паузальные характеристики; одну и ту же последовательность тонов говорящий может произнести как утверждение, вопрос, побуждение или восклицание, причем интонационно высказывание может быть представлено как законченное или незаконченное. Тональные характеристики слогов (слов) реализуются при этом иначе, чем в отдельном их произнесении: фразовая интонация влияет на интонацию лексическую и в известной степени подчиняет ее себе» (Румянцев, 1968, с. 153). В тональных языках на основе слоговых тонов формируется общий, характерный для всего предложения, довольно сложный интонационный рисунок.

Говоря о связи интонации и синтаксиса, невозможно пройти мимо проблемы актуального членения предложения, которое является объектом коммуникативного синтаксиса. Актуальное членение – это смысловое членение предложения, существенное для данного контекста и ситуации. Оно соответствует коммуникативному заданию предложения, организуя его для передачи актуальной информации.

Идея актуального членения предложения просматривается в трудах немецких ученых XIX в. Г. Габеленца, Г. Пауля, а также русского ученого Ф. Фортунатова. Близко к этой проблеме подошли А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов. Так, Пешковский, занимавшийся вопросами синтаксиса и интонации, называл предложение «психологическим суждением», а сказуемое «психологическим предикатом». Как справедливо отмечает ученый, значения предложения передаются и синтаксическими и интонационными средствами: «У интонации мы находим ряд случаев слияния интонационных средств с собственно грамматическими для создания одного цельного значения» (Пешковский, 1956, с. 52).

Л. В. Щерба в «Фонетике французского языка», рассматривая ритмико-мелодические характеристики фразы, отмечает, что логическое ударение является «одним из средств выражения психологического сказуемого», употребляясь при словах, «которые следует выдвинуть» (Щерба, 1948, с. 129). Щерба указывает на важную роль, которую играют просодические средства в оформлении семантико-интонационной единицы – синтагмы.

Учение об актуальном членении создано чешским лингвистом В. Матезиусом. Он определил основные понятия учения об актуальном членении и выдвинул новые, не имеющие психологической окраски термины: высказывание, актуальное членение, основа, ядро. Теория актуального членения предложения получила широкое распространение в мировой лингвистике, и оно активно разрабатывается в разных направлениях на материале различных языков. Идеи Матезиуса получили свое развитие и продолжение в трудах Ф. Данеша, Я. Фирбаса, И. Мистрикта, К. Г. Крушельницкой и И. П. Распопова на материале славянских и русского языка, для которых основными средствами выражения актуального членения являются порядок слов и интонация. Что касается тюркских языков, характеризующихся фиксированным порядком слов, то для них безусловно существуют свои специфические законы актуального членения.

В современной лингвистике существует многообразие терминов, соответствующих термину *актуальное членение*, это и *коммуникативное членение*, *функциональная перспектива предложения*, *коммуникативная перспектива* и др. И. И. Ковтунова, специально занимавшаяся этой проблемой, пишет: «Термин «актуальное членение» оказался удобным в применении с языком с подвижным порядком слов. Термин «функциональная перспектива предложения» в большей степени подходит к языкам с грамматикализированным порядком слов» (Ковтунова, 1976, с. 29).

Однако, в последнее время в общем языкознании, так же как и в тюркском языкознании (тюркские языки, как известно, относятся к языкам с грамматикализированным порядком слов), установился термин *актуальное членение предложения*. Части актуального членения предложения тема и рема, формирующиеся в соответствии со своим коммуникативным заданием, в ранее вышедших трудах назывались по-разному: логический субъект, логический предикат, психологи-

ческий субъект, психологический предикат, семантический субъект, семантический предикат, а также основа и ядро. Наиболее употребительные сейчас термины – тема и рема. Они были введены в конце XIX начале XX вв. немецкими учеными Г. Амманом и К. Боостом, с тех пор проблема актуального членения предложения, получившая свое развитие в трудах современных лингвистов, заняла свою нишу в общезыковедческих трудах. В русском языкознании проблема актуального членения стала объектом специального изучения в 60–70-х годах XX столетия. В казахской лингвистике этой проблемой занимался Х. Есенов. В его работе «Қазіргі қазақ тілінің синтаксистік қатынастары» обсуждаются тема-рематические отношения в казахском языке, обусловленные ситуацией общения (Есенов, 1985, с. 41).

Актуальное членение представляет собой автономное устройство в общем синтаксическом строе, поскольку оно не соотносится с грамматическим членением. Актуальное членение бинарно. В соответствии со своим коммуникативным заданием предложение актуально членится на две части: тему и рему. В основе актуального членения предложения на тему и рему лежит его деление на логический субъект (психологический) и логический предикат (психологический).

Актуальное членение высказывания, в зависимости от его коммуникативной цели, связано с коммуникативно-дифференцирующей функцией интонации. В процессе общения люди вступают между собой в разные коммуникативные отношения, и в зависимости от коммуникативного задания, ситуации общения формируются высказывания с особой актуальной информацией. Определяя тему, исследователи актуального членения отмечают следующие ее признаки: тема – это «исходный пункт высказывания», «отправная точка для передачи актуальной информации», она актуальна менее значима, чем рема, тема – часть предложения, которая обычно дана, известна, предопределена предшествующим контекстом. При определении ремы отмечается, что она содержит «то, что сообщается о теме», она актуально более значима, чем тема, в ней выражается актуальная информация, она является коммуникативным центром высказывания, являясь носителем нового. Например: к высказыванию *Балалар жазда ауылға барады* в зависимости от цели и ситуации высказывания можно задать следующие вопросы:

1. *Балалар жазда саяжайға бара ма?*

2. *Балалар саяжайға қашан барады?*

3. Балалар жазда қайда барады?

4. Жазда саяжайға кімдер барады?

При актуальном членении рема высказывания отвечает на поставленные вопросы, являясь логическим предикатом и характеризуясь более яркими интонационными характеристиками по сравнению с темой. Соотношение темы и ремы в зависимости от речевой установки говорящего схематично можно представить следующим образом:

Тема – рема

1. Балалар жазда саяжайға барады.

2. Балалар саяжайға // жазда барады.

3. Балалар жазда // саяжайға барады.

4. Жазда саяжайға // балалар барады.

Как видно по схеме, высказывания, отвечающие на вопросы, делятся на две синтагмы – тему, несущую известную информацию, и рему, включающую новую информацию. Что касается интонационных показателей, тема, расположенная в начале высказывания, выделяется повышением тона; рема, локализованная в конце, маркируется фразовым ударением, сочетающимся с понижением тона. Слово, отвечающее на вопрос, находясь в составе ремы, акцентируется с помощью логического ударения, характеризуясь максимальными значениями интенсивности и длительности. Образуя отдельные синтагмы, тема и рема чаще всего отделяются друг от друга паузой, характеризуясь изменениями параметров интонации на стыках (мелодические интервалы, диапазоны, изменения среднечастотного уровня, темп, интенсивность).

Теория актуального членения, лежащая в истоках лингвистики текста, предваряющая выявление коммуникативно-текстовых категорий, связана с теорией речевых актов. В пропозициональном содержании высказывания пресуппозиция выражается темой, а ассерция – ремой. Просодические средства, реализуя иллокутивную характеристику высказывания, выполняют функцию маркировки ремы. В зависимости от коммуникативной цели может актуализироваться любое слово высказывания. Актуальное членение предложения, являясь объектом динамического синтаксиса, определяется функциональной перспективой сверхфразового единства, контекстом и ситуацией общения.

В казахском языке при актуальном делении предложения на смысловые единицы в синтагме, образующей рему, акцентируется отдель-

ное слово, которое всегда локализуется перед сказуемым, сказуемое же по закону порядка слов в казахском языке занимает постпозиционное место в предложении. В этом заключается основное отличие в передаче актуального членения в казахском языке от русского, которому, как известно, присущ свободный порядок слов. В русском языке при актуальном членении на тему и реме, рема, как правило, находится в конце высказывания. Переведем вышеприведенный пример с казахского на русский:

Тема – рема

1. Дети летом на дачу // поедут.

2. Дети на дачу поедут // летом.

3. Летом дети поедут // на дачу.

4. Летом на дачу поедут // дети.

Как видим из примеров, неодинаковый порядок слов в казахском и русском языках является следствием того, что состав подлежащего и сказуемого в рассматриваемых языках тоже не совпадает. Рема, локализованная в конце высказывания, каким бы традиционными членами предложения ни выражалась, является логическим предикатом.

Таким образом, выделение элементов смыслового членения и изучение способов актуализации частей высказывания представляют собой не только теоретический интерес. Типологические вопросы актуального членения имеют непосредственное отношение к практике, например, к овладению разговорными навыками в процессе изучения иностранного языка.

Пунктуация – одно из средств передачи интонационных возможностей на письме

Будучи важнейшей приметой устной, звучащей речи, интонация является одним из существенных факторов правильной передачи логического смысла. Однако и «письменный текст реально или мысленно озвучивается читателем», и знаки препинания служат одним из способов передачи интонации на письме. Для более полного и точного взаимопонимания пишущего и читающего необходимо хорошо знать функции и сущность знаков препинания и значения, выражаемые пунктуационными знаками. Пунктуационные знаки, как извест-

но, употребляются для обозначения такого членения письменной речи, которое не может быть передано ни посредством букв, ни их сочетанием и порядком расположения слов.

Авторы учебников и пособий стремятся найти устойчивые критерии основ пунктуации, выделяя структурные, семантические и интонационные показатели, лежащие в основе трех направлений: логического, синтаксического и интонационного. Знаки препинания, согласно логическому направлению, выполняют смысловую роль, указывая на семантическое членение и взаимоотношение мыслей, выражая различные добавочные смысловые оттенки. По синтаксическому направлению пунктуацией выделяются отдельные предложения и его части, делая наглядным синтаксический строй речи. По интонационному направлению знаки препинания служат для обозначения ритмики и мелодики речи. Таким образом, пунктуация понимается как письменная передача смысловых, интонационных и синтаксических возможностей устной речи.

Каждый язык обладает своей пунктуационной системой, которая опирается в большей или меньшей степени на специфику его синтаксической, интонационной структуры и на смысловую сторону речи. В русском языкознании за логический принцип использования пунктуации ратовал Ф. И. Буслаев. По его мнению, знаки препинания делят предложение на определенные смысловые части, неся при этом дополнительные семантические оттенки.

Такие русские ученые, как Я. К. Гротт, А. Б. Шапиро и А. Н. Гвоздев, выступали за синтаксическое направление, когда знаки препинания членят предложения в зависимости от их синтаксических структур. Знаки препинания являются средством выражения семантико-синтаксических сегментов, группируя и отделяя друг от друга синтаксические единицы, т. е. при использовании знаков препинания эти лингвисты опираются в основном на формально-грамматический принцип, интонационный и логический выступают в качестве дополнительных, хотя в отдельных случаях они могут быть выдвинуты и на первый план, что зависит от стилистических особенностей текста.

С. И. Абакумов и Л. В. Щерба при изучении пунктуации опираются на интонационный принцип, когда интонационные компоненты являются средством выражения знаков препинания в устной речи. В понимании и осмыслении устного текста просодические средства выпол-

няют первостепенную роль, являясь отражением соответствующих знаков препинания. «Интонация и пунктуация – это как бы две сестры, дочери одного и того же отца, смысла речи», – писал С. И. Абакумов (Абакумов, 1954, с. 17). Л. В. Щерба отмечает, что «Пунктуация – правила употребления дополнительных письменных знаков (знаков препинания), служащих для обозначения ритмико-мелодических фраз, иначе фразовой интонации» (Щерба, 1935, с. 369).

По Щербе, каждому знаку препинания соответствует особый интонационный рисунок: запятая сопровождается восходящим направлением движения основного тона, точка с запятой сопровождается нисходящим тоном, тире характеризуется не только нисходящим мелодическим контуром, но и паузой и т. д. А. М. Пешковский и М. Н. Петерсон связывают знаки препинания с мелодикой и паузой, при этом и пунктуация, и просодические средства выполняют семантическую роль, помогая осмыслить и понять предложенный текст.

Говоря о тесной связи между звуковой и письменной речью, Л. Р. Зиндер отмечает, что существующие смысловые значения невозможно передать при помощи специальных знаков препинания. «Чтобы отразить на письме все ритмико-интонационные характеристики любого речевого произведения, потребовалось бы такое количество разнообразных значков, что практически это сделало бы невозможным процесс писания и чтения. Да и усвоение такой пунктуационной системы было бы весьма затруднено» (Зиндер, 1987, с. 17).

Об отсутствии однозначного соответствия между интонацией и пунктуацией, но существовании органической связи между интонационным и пунктуационным способами членения речи пишет и Л. Г. Веденина: «Нет оснований утверждать, что устная форма речи имеет прямые соответствия в письменной. Так, например, пауза устной речи может соответствовать и пробелу, и многоточию, и особому расположению строк; тембровое и ритмическое выделение каких-либо слов – дефисно-слоговому написанию, и подчеркиванию, и курсиву. Почти невозможно найти интонационный эквивалент кавычкам, показать различие в выделении курсивом и жирным, двоеточием и тире, нельзя интонировать изолированные пунктуационные знаки, взятые в скобки» (Веденина, 1975, с. 11).

Пунктуационные правила современных европейских народов, представляющие собой в целом единую систему, Л. В. Щерба делит

на два типа, из которых один он называет французским, другой немецким. «Первый реже, чем второй, ставит тире, употребляет гораздо меньше запятых и стремится выражать ими смысловые нюансы (зачастую идеографически, то есть вне всякой связи с интонацией), второй широко признает тире и злоупотребляет запятыми, ставя их более или менее по формальным признакам» (Щерба, 1935, с. 340).

Л. Г. Веденина, исследуя французскую пунктуацию, отмечает, что «у знаков пунктуации три основных функции: это разъединение и объединение сегментов, а также вычленение их из текста. Функции знаков связаны с формой и позицией знака: так, знаки односторонние и ориентированные влево, являются разделительными (например, запятая); двусторонние и неориентированные выполняют вычленительную функцию (например, скобки); знаки одно- и двусторонние функционируют как разъединительно-объединительные (двоеточие)» (Веденина, 1975, с. 19).

Французские исследователи смотрят на пунктуацию как на средство уточнения смысла фразы путем членения на сегменты, чтобы сделать ее максимально понятной читателю. Так, французский лингвист Н. Сансин (*Sensine*, 1930) приводит фразы, смысл которых меняется от локализации знака препинания: *Grâce, pas pendre. Казнить нельзя, помиловать. Grâce pas, pendre. Казнить, нельзя помиловать.*

Французский лингвист Ж. Дамурет (*Damourette*, 1939) делит знаки препинания в зависимости от интонационной функции на две группы: паузальные знаки (*signes pauxaux*) и мелодические (*signes mélodiques*). И хотя все знаки препинания соотносятся и с паузой, и с границей мелодического рисунка, одна из этих двух функций является для знака главной. К знакам, обозначающим паузу, автор относит точку, точку с запятой и запятую. К знакам, соотносимым с мелодикой, – вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, двоеточие, тире, кавычки, круглые и квадратные скобки, однако соотнесение пунктуационного и интонационного членения текста еще не означает их полного совпадения.

Н. А. Шигаревская по этому поводу пишет: «Смысловые знаки препинания (вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, двоеточие), оформляющие коммуникативные типы предложений (вопросительное предложение, побудительное) или определенные содержательные характеристики высказывания (причинно-

следственные, дополнительные или пояснительные отношения), не соотносятся неизменно ни с одним и тем же движением тона внутри предложения, ни с особым характером восходящего или нисходящего завершения. Так, один из наиболее ярких «смысловых» знаков – вопросительный знак – может обозначать как восходящие мелодические контуры (интонаема общего вопроса), так и нисходящие (интонаема специального вопроса)» (Шигаревская, 1975, с. 8).

В древнетюркских письменах первые сведения о пунктуации можно обнаружить в Орхон-Енисейских памятниках. В VI–VII веках использовались только точка и двоеточие, которые выполняли разграничительную роль и ставились в конце строчки. В конце XIX и начале XX века в газетах «Түркістан уәлаяты» и «Дала уәлаяты» вместо сегодняшних знаков препинания использовались различные виды звездочек и тире.

В казахском языкознании имеются работы, посвященные изучению употребления пунктуационных знаков. Одной из первых работ является статья Ш. Х. Сарыбаева, где автор рассматривает употребление знаков препинания в связи с интонацией. По мнению автора, знаки препинания основываются на интонации, поэтому следует больше внимания уделять изучению интонации, начиная со школьной скамьи: «Осы күнге дейін мұғалімдердің оқушыларға дер кезінде интонацияны дұрыс жаттықтыра алмағандықтан, қазақ тіліндегі интонация қалыпы ел арасында ала-құла болып кеткен. Қазақ тіліндегі тыныстарды белгілеу үшін қазақ интонациясын, оның мағыналарын біліп алу керек» (Сарыбаев, 1936, с. 51).

С. Жиенбаев связывает использование пунктуации с синтаксическими и интонационными отношениями, подчеркивая значение мелодики при расстановке знаков препинания: «Дауыс ырғағы сөздің сөйлемде тұрғандағы мәнісіне қарай, сөйлемдегі сөздердің өзара байланысынан туатын нәрсе» (Жиенбаев, 1940, с. 3).

О связи пунктуации с интонацией говорится в работах М. Балакаева: «Тыныс белгілерін дұрыс пайдаланудың негізі дауыс ырғағымен, интонациямен байланысты болады». Вместе с тем М. Балакаев отмечает, что в основе использования казахской пунктуации лежит также и грамматический строй предложения. Сравнивая казахскую пунктуацию с русской, ученый предостерегает от слепого копирования с русского языка, ссылаясь на различие синтаксических структур. Особое внимание Бала-

каев уделяет изучению конечных пунктуационных знаков (точке, вопросительному и восклицательному знакам) (Балакаев, 1941, с. 56).

Большое значение для широкого круга читателей имело пособие А. Ыскакова и Ә. Хасенова «Тыныс белгілері». По мнению авторов, казахская пунктуация опирается на грамматический строй предложения, на его семантику и такие элементы интонации, как мелодика, ритм, пауза. Авторы пособия говорят об универсальном характере знаков препинания: «Тыныс белгілерінің әрқайсысының атқаратын қызметтерінде де мүмкіндігінше басқа тілдердегі сияқты жалпылы жақтар ескерілгені мақұл» и о необходимости поглубже изучить, а также разработать законы и правила казахской пунктуации с целью правильного использования знаков препинания, учитывая их важную роль в членении письменных текстов на смысловые сегменты.

Значительный вклад в развитие казахской пунктуации внесли труды Ф. Мусабековой. По мнению Мусабековой, казахская пунктуация развивается по трем важным направлениям: логическому, структурно-грамматическому и интонационному. Каждому направлению соответствуют свои пунктуационные знаки: двоеточие, точка с запятой, тире, запятая используются в зависимости от структурного типа предложений. Скобки, вопросительный знак, восклицательный знак, точка, многоточие, тире являются смысловыми знаками препинания. Автор приводит пример, когда пунктуационное членение казахского текста опирается на формально-синтаксическую организацию: *Әр адамның бағасына бір ғана өлшеуіш бар: ол – өнімді адал еңбек* (С. Мұқанов). В данном предложении тире выполняет разграничительную роль.

В следующем примере многоточие несет смысловую функцию, что у говорящего есть недосказанные мысли: *Айналасы – манағы көрген тас қорған... Сирек-сирек құбатал шыққын кең алаң... (журналдан)*. Интонационный принцип употребления пунктуации приведен в следующем примере: *Мен білетін ауылдардан «қара қасқа сорлылырдың» қатарына қосылатын Балғабайдың су мұрын Нұртазасы мен жылан көз Ыбырайдың Ахметі жүр* (С. Мұқанов). В зависимости от места локализации паузы меняется смысл предложения: словосочетание *жылан көз* может относиться к *Нұртаза*, если после него есть пауза и, к *Ыбырай*ю, если паузы нет.

Знаки препинания на письме с соответствующей интонацией в устной речи могут полностью изменить смысл предложения. На-

пример: 1) *Ай, қандай десеңші.* 2) *Ай қандай десеңші.* В приведенных предложениях с одинаковым лексическим составом и грамматической конструкцией смысл предложений меняется в зависимости от места локализации запятой (Мусабекова, 1973, с. 50).

Говоря о функциях и употреблении знаков препинания, нельзя оставить без внимания работу Р. Сыздыковой «Қазақ тілінің анықтағышы», где автор приводит правила употребления пунктуации в связи с орфоэпическими и орфографическими нормами казахского языка: «Сөйлеу мәдениеті дегеніміз – ауызша сөйлеудің жалпы тіл мәдениетіне қойылатын талаптармен қатар, өзіне тән нормаларды сақтауы болып табылады. Бұл нормаларға сөйлеу үстінде сөздерді дұрыс дыбыстау, сөздің сазын келтіріп айту тәртібі жатады» (Сыздыкова, 2000, с. 131). Таким образом, проблемы пунктуации и ее передачи в устной речи всегда были объектом внимания в различных языках.

Соотношения интонации и пунктуации в сложных двукомпонентных предложениях экспериментальным путем исследуются в работе Т. И. Кеншинбаева. Результаты экспериментально-фонетического анализа сложных предложений показали, что их компоненты характеризуются логическим ударением, тональным уровнем, темпом произнесения, мелодикой, физическими паузами различной длительности.

Смысловая характеристика синтаксических единиц может зависеть как от изменения одного дифференциального признака звука, так и от мелодической модификации целой синтагмы. Качественно-количественные характеристики фразы в целом и ее сегментов в отдельности выражаются комплексно: звуковые и слоговые изменения, уровень интенсивности, высотная динамика частоты основного тона, длительность сегментов и паузы между ними.

Согласно результатам аудитивного и инструментального анализа в соотнесенности интонации и пунктуации в сложных бессоюзных предложениях казахского языка выявилось следующее: знаки препинания фиксируют интонационное смысловое членение высказывания и на письме передают смысловые оттенки, которые в живой устной речи эксплицируются в виде определенного интонационного оформления предложения. Речевая интонация служит для связи частей фразы в одно целое и является смыслоразличительным средством, помогающим правильно и однозначно расставить знаки препинания.

Пунктуационное оформление бессоюзного сложного предложения в казахском языке отличается друг от друга по воспринимаемым каче-

ствам и физическим параметрам. При запятой преобладает восходящее и ровное движение основного тона в неконечной синтагме, пауза краткая, амплитуда интенсивности гласного конечного слога первой синтагмы больше, чем во второй; при точке с запятой превалирует нисходящее движение тона в неконечной синтагме, пауза средняя, большая интенсивность произнесения ударного слога первой синтагмы; для тире характерно ровное или восходящее движение тона в неконечной синтагме, пауза длительная; двоеточие характеризуется нисходящей интонацией в неконечной синтагме, пауза длительная.

Стык между синтагмами сопровождается паузой определенной длительности: минимальной при запятой, средней при точке с запятой, длительной при двоеточии и тире. Большая пауза – признак слабой, а короткая – тесной связи между разделяемыми единицами интонационно-смысловых отрезков (Кенишинбаев, 2002).

Интонационный анализ различных текстов современных языков свидетельствует о том, что просодические элементы являются средством выражения знаков препинания в устной речи. Учитывая то, что интонация находится в тесной взаимосвязи с семантикой и синтаксисом, можно судить о ее важной роли в передаче знаков препинания в устной речи. Безусловно, надо иметь в виду, что письменная форма речи не имеет прямых соответствий в устной. Основное назначение знаков препинания заключается в разграничении в тексте предложений и их частей и установлению смысловых взаимоотношений между ними. Пунктуация, используемая в письменной речи, взаимодействует с интонационным членением текста в устной речи, другими словами, членение устной формы речи посредством просодических средств находит отражение на письме в знаках препинания. Кроме того, было установлено, что знаки препинания в письменной речи могут соотноситься с выявленными нами *интонемами* казахского языка.

Во всех языках знаки препинания делятся в соответствии со своей функцией на две группы: знаки, *отделяющие* различные отрезки текста друг от друга, и знаки, *выделяющие* отдельные слова, словосочетания и части текста. К отделяющим знакам относят точку, восклицательный знак, вопросительный знак, точку с запятой, многоточие и двоеточие. Выделяющими знаками являются парные скобки, кавычки и запятые. Запятая и тире могут быть и отделяющими, и выделяющими знаками.

Знаки, которые обычно служат сигналами конца предложения, — это точка, восклицательный знак, вопросительный знак.

Точка фиксирует конец повествовательного предложения, как полного, так и неполного, как простого, так и сложного. Точка соотносится с более длительной паузой, чем все остальные знаки препинания, так как стоит обычно в конце предложения, являющегося грамматически завершенной единицей высказывания. Длительность паузы зависит от характера синтаксической и смысловой связи, следующих друг за другом предложений. Точка интонационно соответствует **интоне́ме за́вершенности** с нисходящим и восходяще-нисходящим направлением движения основного тона. Интенсивность изменяется прямо пропорционально мелодике. Наблюдается также замедление конечных слогов фразы. *Жазу-сызу / жоқ жұртта // көсе сөзді / шығармалар болмайды. /// Тарихи әңгіме. /// Ғылым жоқ болса, // дүниені тану / дұрыс болмайды /// (А. Байтұрсынов).* Во французском языке: *Il rentra. /// Madame Cazenave, // s'étant dressée / sur ses jambes gourdes, // le rejoignit / dans le vestibule. /// Elle voulut essuyer // avec un mouchoir // sa face suante /// (F. Mauriac).* В русском языке: *Он замолчал. /// Люлька продолжала скрипеть // монотонно / и жалобно. /// Сердюков сидел расстроенный, // недоумевающий, / удрученный всем, // что он видел / и слышал сегодня /// (А. Куприн).*

Восклицательный знак ставится на письме в конце побудительных и восклицательных предложений, заканчивающихся длительной паузой конца. Такие предложения характеризуются самыми различными направлениями движения основного тона, характерными для **инто́немы восклицания** и **инто́немы побуждения**: восходящими, восходяще-нисходящими, нисходяще-восходящими и различными тембральными оттенками. Логически выделенные слова акцентируются максимальными значениями тональных, динамических и временных параметров. *Қара балуан Жәнібек! /// Қаз дауысты Қазыбек! /// Алда сорлы, // мүсәпір балалар-ай! /// Жасынан өлген екен // аналары-ай! /// Құлақ сал, // Емен батыр, // тоқта азырақ! /// (А. Байтұрсынов).* Во французском языке: *Mais quelle terreur // qu'il en ait! /// Que n'aurait-elle tenté // pour interrompre / ce tête-à-tête! /// Vous n'aurez pas // mon fils! /// Vous ne me le prendrez / jamais! /// (F. Mauriac).* В русском языке: *Дедушка, // глянь-ка, // в фонтане золотые рыбки! /// Ну сделай это / для меня, // моя радость! // Ах, боже мой, // они*

еще больше расстроят // бедного Трилли! /// Прогоните же их, // прогоните скорее / этих собак! /// (А. Куприн).

Вопросительный знак сигнализирует конец предложения, сопровождаемый длительной паузой. В зависимости от типа вопроса они характеризуются восходящими, нисходящими завершениями тона, что соответствует **интонемам общего и специального вопроса**. Темпоральные и динамические параметры интонации также участвуют в оформлении вопросительных предложений. Пиковые значения просодических параметров локализуются на логически выделенных словах. *Ескерді бір мезгілде // атын Алик, // сұрайды: // «Есен сау ма // һәм қайда? /// – деп / жүрістен, // жүйріктіктен / танған жоқ па, // жабығып қалмады ма, // жадап-жүдеп?» /// (А. Байтұрсынов)*. Во французском языке: *Est-ce que tu l'aimais // autant que moi? /// Rêvait-il / que quelqu'un marchait // dans le jardin? /// Que voulait-il // qu'elle risquât? /// Quelle femme // aurait trouvé // grâce devant toi? /// (F. Mauriac)*. В русском языке: *Что же, / Павел Аркадьевич? /// Отец Мелитий // велит по третьей? /// Кому принадлежат // сахарные заводы? /// Кто орудует // с нашей нефтью? /// Жиды, // армяшки, // американцы /// (А. Куприн)*.

Многоточие относится к тем знакам препинания, которые играют смысловозначительную роль, что в устной речи передается соответствующей интонацией. Многоточие используется в незаконченных высказываниях, где происходит обрыв мысли, зависящей от контекста и ситуации. Поэтому таким предложениям присуща незаконченная мысль, выражаемая **интонемой незавершенности**. *Хан оларға // ылғи тәтті тамақ / пісіруші еді, // һәм оларға // тілеген уақытта ойнауға, // билеуге рұқсат беріп / қойып еді... /// Жасаған-ау, // өзің кеше гөр, // бір өзің... /// Әй, жеңге-ау, // менің жақсы көргенімді // білмейсің гой... /// (М. Жұмабаев)*. Во французском языке: *Les dents claquent, // claquent / et une plainte enfin monte... /// Tentation de ne pas entrer, // de laisser // ce qui doit être / s'accomplir... /// Elle voulut // voir de près // et ne vit plus // ses ongles bleus déjà... /// (F. Mauriac)*. В русском языке: *Вот, например, // господину Воздвиженскому // кажется смешным... /// Тут у вас // и море слышится, // и степь видится, // и какая-то / беспредельная удаль... /// Поймите меня // и не сердитесь... /// (А. Куприн)*.

Точка с запятой, являясь разделительным знаком, отделяет друг от друга части предложения, более или менее законченные в смысловом и структурном отношении. В зависимости от ситуации точка с

запятой по своей функции приближается иногда к точке, а иногда к запятой, что проявляется в различной величине межсинтагменных пауз. Интонационное оформление таких предложений соответствует **интонемам завершенности, незавершенности и вставки** с их характерными просодическими признаками. Этот знак препинания часто встречается в бессоюзных сложных предложениях, а также для соединения однородных членов. *Екпей / егін шықпас; // үйренбей / білім жұқпас. Ашу келсе, / ақыл кетер; // ашудан / ақыл көп болса, // ашу не етер. Екі аяғы бар; // талдан таяғы бар; // арқасында құйрығы бар; // төреден бұйрығы бар (А. Байтұрсынов).* Во французском языке: *Mathilde guettait / l'approche du frisson; // elle en épiait / les signes. Pendant le repas même // on eût dit // qu'elle éteignait // ses cheveux blonds; // ses yeux / ne regardaient rien; // sa robe avait / la couleur des boiseries (F. Mauriac).* В русском языке: *Воздух в комнате стал знойным; // во рту у него / сразу пересохло; // и стало трудно дышать. Я уже не слышал за стеной // его мелодичного мурлыканья; // он уже / не влетал ко мне бомбой // в комнату по утрам; // пропала / его обычная разговорчивость (А. Куприн).*

Двоеточие является средством оформления пояснительных отношений между частями сложного или простого предложения. В сложных бессоюзных предложениях вторая часть перед двоеточием раскрывает содержание первой части. В предложениях с однородными членами двоеточие ставится после обобщающего слова. Первая часть, находящаяся перед двоеточием, отделяясь небольшой паузой, характеризуется восходящим, иногда восходяще-нисходящим мелодическим контуром, в зависимости от ситуации и контекста выражаясь **интонемой незавершенности и интонемой завершенности** с их динамическими и темпоральными показателями. *Сөйлем жүйесі екіге бөлінеді: // бірі – / сөйлем ішіндегі // сөздер турасындағы білім. /// Біздің үйдің адамы / бесеу: // әкем, // әжем, // бір ана, // бір қарындасым бар, // аға-інім жоқ /// (А. Байтұрсынов).* Во французском языке: *Il y avait / dans le bois: // des oiseaux, // de grands arbres, // des violettes // et des ruisseaux. /// Le misérable / en avait détaché // l'image de Mathilde: // sans doute / la portait-il serrée // dans un portefeuille // contre son coeur /// (F. Mauriac).* В русском языке: *Идти домой // им поздно и далеко: // они заночуют сегодня // у знакомого лесника. /// Высокий / и худой землемер // идет размашистым шагом,*

// каким ходят // привычные к длинным дорогам / люди: // мужики, // охотники // и землемеры /// (А. Куприн).

Запятая выполняет разделительную и выделительную функции. В сложных предложениях, а также в простых с однородными членами она играет разделительную роль, в остальных случаях выделительную (при обособлении, вводных единицах, обращении и т. д.). Запятая расчленяет высказывание на смысловые части с незначительными паузами. Выделенные сегменты произносятся с восходящим и восходященисходящим мелодическим контуром при участии временных и динамических параметров, представляя собой **интоне́му незавершенности** и **интоне́му вставки**. Сөз кестесі келсе, // құлаққа жағымды болады. /// Кейде қайта адам // өз ойы, // өз қиялы, // өз көңілінің / күйімен болып, // айналасындағы / болып жатқан істерді, // тамашалы тысқарғы ғаламды // байқамай қалады /// (А. Байтұрсынов). Во французском языке: Elle se disait que, // soucieux / surtout de nourriture, // ils en étaient au même // point d'engraissement, // que la graisse // leur mangeait les yeux, // que ce mari // et cette femme avaient // les mêmes bajoues luisantes // d'une sauce éternelle /// (F. Mauriac). В русском языке: Теперь / была очередь Арто, // почем знать, // может быть, // умный пудель // хотел этим сказать, // что, / по его мнению, // безрассудно заниматься // акробатическими упражнениями, // когда / двадцать два градуса в тени /// (А. Куприн).

Тире и круглые скобки используются для смыслового и грамматического выделения частей предложения: как правило, это дополнительные замечания и пояснения, авторские разъяснения и толкования. Эти знаки препинания употребляются также для разделения бессоюзно-сочиненных предложений. Тире и скобки соотносятся с паузой и сменой интонационного контура предложения. Выделенные части предложения соответствуют **интоне́мам незавершенности** и **вставки**, характеризуюсь восходящими, ровными и низкими тонами, сопровождаясь ускорением темпа произнесения и понижением интенсивности. Ауыз шығарманы // (анайы әдебиетті) // ауыз сөз / деп қана атап; // жазба шығарманы // сыпайы әдебиетті ғана // әдебиет деп / танушылар бар. /// Сөздің өзін / танытатын белгі – тіл / яки лұғат белгісі болады. /// Нәрсені / тиіс жағынан сөйлегенде // түйіс керегі жоқ / дегеніміз // – тиіс туралы сөйлейтін сөзге // көрік керегі жоқ // деген болып шығады. /// Пәлениеден жазған // (әкесін айтады), //

пәленшеден тузан // (шешесін айтады), // пәленше қызды // (қызды айтады) (А. Байтұрсынов). Во французском языке: Elle descendit // (ses genoux malades flechissaient), // suivit le corridor, // l'escalier. /// Le père / rentrait le soir – // garonais / de l'espèce énorme, // taillé en force – // mais l'estomac balloné // d'un pantalon bleu // qu'une ceinture / ne retenait pas, – // hercule détruit, // rongé au-dedans // par la mortelle douceur / du sauternes. /// Ses doigts agités // cherchèrent dans son portefeuille // un billet de cent francs // qu'il jeta à Marie // (Ce fut la fille / qui le ramassa). /// (F. Mauriac). В русском языке: Прошел год, // и вот они стоят / длинной, // мертвой шеренгой //– серые, // обезличенные, // деревянные – // солдаты. /// Многие из них решались // – и чаще всего // по настоянию своих жен // – заимствовать деньги // из ротных сумм // или из платы, // приходившейся солдатам // за вольные работы. /// Сергей быстро скинул с ног // парусиновые панталоны // (они были сшиты / из старого мешка), // сбросил с себя // старую куртку // и остался / в стареньком / нитяном трико. /// Василь вернулся домой // усталый / и встревоженный // (Козел уже лежал / на печке) /// (А. Куприн).

Таким образом, современная пунктуация в казахском языке, фонетичная в своей основе, является средством делимитации текста и выражает семантико-синтаксическое и интонационно-смысловое членение письменной речи. В одних случаях семантико-синтаксические показатели совпадают с просодическими пунктуационными средствами, в других же случаях единственным средством выражения синтаксического значения становится ритмико-мелодическая организация предложения в устной речи.

Являясь семиотическим средством, пунктуационные знаки избираются пишущим в соответствии с его интенцией, теми оттенками мысли, которые он хочет выразить. При этом устанавливается взаимосвязь между устной и письменной речью, проявляющаяся в соответствии между содержанием и формой выражения мысли в рамках выбранного пунктуационного знака. Приведем текст, в котором пишущий, употребляя те или иные семиотические средства на письме, фиксируя их во внутренней речи, «диктует» соответствующие просодические средства при чтении вслух:

Ертеңінде бірінші болып // Асанов сөйледі. /// Осынау мол денелі, // сабырлы келген, // Абайдың көзі сияқты // томпақ көзді адамға // Елеутаев әрқашан да // қызыға да қарайтын... // Неге мен / комсомол

активі алдында // Асановтай / беделді емеспін? // Неге мен / жастарды
 үйіріп // әкете алмаймын? // Әлде Асановтың қолында // адамдардың
 жүрегін // аша білетін / өзгеше бір кілт / бар ма, // болса ондай кілт
 // менде / неге жоқ?.. // Осы «негелерге» / оның тапқан жауабы //
 біреу-ақ болды: // партияның аты / партия ғой. // Бұл жауабына /
 ол толық жүгініп, // тек жүгініп қана емес, // іштей қанаттанып
 қалды, // оның басқаша сырының // болмағанына қуанды. // Елеутаев
 Асановты // осы аудандағы // өзінің ең жақыны, // ұстазы ретінде
 санайтын. // Сондықтан / одан үйренуге ұмтылып, // соған ұқсауға
 тырысатын. // Асановтың бюро мәжілісін // басқаруынан бастап,
 // ең аяғы / жеке адамдармен сөйлесу, // ұғынысу мәнеріне дейін // зер
 салатын. // Бір ғажабы, // қанша үңілсе де // ол Асановтың сөзінен
 // төтенше / бір өзгешелік // таба алмайтын. // Оның сөздері: // кім
 де болса, // тіпті Тілеубек Елеутаевтың / өзі де // айта алатын /
 кәдуескі қарапайым сөздер // болып шыға беретін. // Бірақ, / неге
 екені белгісіз, // оның сол қарапайым сөзінің әсері // басқалардікінен
 күштірек болатын. //

Міне, / Асанов бұл жолы да // сол қалыбында. // Жалпақ алақанымен
 / трибунаның сол жақ / кемерін ұстап, // оң алақанымен / алдыңғы
 қатарда отырғандардың біріне // сәлемдесуге ұсынып тұрғандай //
 алға қарай созып, // мол денесімен / трибуна үстіне асылса, // сәл еңкіш
 күйде / сөйлеп тұр. // Асанов сөзі, // кейбір шешендердің сөзіндей,
 // төбеңнен бұршақ жауғандай // тасыр-тұсыр болып, // үрейінді
 алып, // құтынды қашыра келмейді; // адамның ішкі сезіміне // діріл
 қаққан жас қанат // сізді енді / жоғары көтеріп, // шарықтатып
 әкететіндей / болып келеді. //

Выбор знаков препинания в данном отрывке, взятом из книги
 Э. Нұршайыкова, основывается на интонационно-смысловом и син-
 таксическом признаках. Передавая нужные семантико-интонационные
 особенности на письме, пунктуационные знаки воспринимаются в
 живой устной речи в виде определенного интонационного оформле-
 ния высказывания. Тот или иной пунктуационный знак задает читаю-
 щему определенную интонацию, и наоборот, интонация читающего
 служит сигналом определенного типа смысловых отношений и мо-
 тивирует выбор знака. Смысл и интонация, обуславливающие знак,
 соотносительны. Семантика всегда определяет интонацию: интони-
 рование фразы, предопределенное смыслом, требует от пишущего

постановки конкретного знака: этот знак, в свою очередь, предопределяет смысловое прочтение, а значит, и интонирование фразы при чтении. Показателем семантико-синтаксических отношений синтагм, а также ритмических групп является интонация.

Проблемы пунктуации казахского языка и ее связи с интонацией представляют интерес как в теоретическом, так и в практическом плане. Специального исследования требуют стилистические особенности использования знаков препинания и их передачи в устной речи посредством интонационных компонентов. Индивидуально-авторское применение и комбинирование пунктуационных знаков осуществляется в целях передачи тончайших смысловых и эмоциональных оттенков высказывания, что успешно передается в устной речи с помощью различных просодических средств. Работы в этом аспекте были бы полезны для выявления функциональных возможностей пунктуационных знаков на письме в соответствии с их устной формой выражения, передаваемой различными компонентами интонации в их взаимосвязи и взаимодействии.

ИНТОНАЦИЯ ПРОСТЫХ СТРУКТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Об изучении интонации простых предложений в тюркской фонетике и структурные схемы предложений

Работы, посвященные интонации простых предложений (повествовательные, вопросительные, повелительные, восклицательные) на материале тюркских языков, появились в 60–80-х годах прошлого века. Среди этих работ следует отметить исследование А. Нурмахановой, посвященное грамматическим и интонационным особенностям коммуникативных типов простого предложения на материале узбекского, каракалпакского и казахского языков, вышедшее в 1965 году.

На материале тюркских языков больше всего исследований, посвященных изучению интонации какого-нибудь одного коммуникативного типа, особенно вопроса и повествования. Интонация повествовательных предложений описана С. М. Бабаевым на материале азербайджанского языка (1966), Д. М. Ниязовым на материале узбекского языка (1969), Ж. К. Калиевым на материале казахского языка (1969), О. Д. Розыевой на материале туркменского языка (1975), Ж. Дуйшеевым на материале киргизского языка (1980).

В сибирских языках работы, посвященные интонации повествовательных предложений, начали появляться с 80-х годов (*Герцог*, 1988, *Бурнакова*, 1988).

Больше всего исследований по интонации вопросительного предложения. Их интонационные характеристики описаны в каракалпакском языке П. Бекимбетовым (1965), в казахском языке Н. У. Туркбенбаевым (1969), в узбекском языке А. Ахмедовым (1965) и Г. Ш. Мухитдиновой (1973), в татарском языке Р. М. Балтаевой (1973), в киргизском языке Р. Ч. Чанаковой (1980), в азербайджанском языке Ф. И. Гаджиевой (1982).

Менее изучены в тюркских языках побудительные предложения: Н. Л. Мехтиев в азербайджанском языке (1973), К. Т. Токтоналиев в киргизском языке (1984).

В казахском языке имеется ряд работ, посвященных частным вопросам интонации: описанию некоторых синтаксических конструк-

ций, отдельных компонентов интонации, выявлению интонационных конструкций (ИК) методом Е. А. Брызгуновой и др. (Атенов, 1972; Бекмагамбетова, 1978; Утешева, Сарсикеева, Утесбаева, 1990).

Появились некоторые обобщающие типологические исследования, отличающиеся большей или меньшей степенью полноты описания (Абдуазизов, 1981; Алексеев, 1994). Работа И. Е. Алексеева, выполненная на материале якутского языка, посвящена экспериментально-фонетическому исследованию типологии структурно-коммуникативных и интонационных систем высказывания в якутском языке. Согласно системному подходу к типологическим уровням высказывания, автор рассматривает взаимодействие типов вопрос – ответ – побуждение, раскрывающий целостность объекта исследования, сведение многообразных структурно-коммуникативных и интонационных речевых параметров в единую теоретическую базу. Результаты данной работы могут способствовать дальнейшему комплексному исследованию структурно-коммуникативных, интонационных параметров высказывания в языках народов Сибири и Крайнего Севера.

Изучение предложений в структурном аспекте в языкознании началось с 70–80-х годов прошлого столетия (Рус. гр., 1980). Минимальные структурные схемы двухкомпонентных и однокомпонентных предложений основываются на предикативном ядре. Подлежащее обозначается символами **S** или **N**, сказуемое **P** или **V** (*verbum* – глагол), тогда двусоставные выглядят как **S–P** или **N–V**. Назывные предложения, состоящие из одного подлежащего, обозначаются **S** или **N**, безличные предложения, состоящие из одного сказуемого, обозначаются как **Vf**, неопределенно-личные предложения – **Vf3pl**, а инфинитивные предложения обозначаются символом **Inf**. Падежные формы существительных, местоимений обозначаются цифрами **N123**, **Pron123** и т. д.

В нашей работе впервые вводится в научный оборот типологическая характеристика составляющих фразы – структурные, семантические, коммуникативные аспекты, интонационные модели. Определяется логико-грамматическая сущность различных типов высказываний и выявляются их объективные формулы реализации в сочетании с комплексным анализом структурной природы основных коммуникативных видов. Типовые конструкции различных видов высказы-

ваний систематизируются на основе моделирования формальных и интонационных структур.

Логическая структура **S–P** свойственна всем формам мысли без исключения, хотя согласно логической грамматике эта формула объявлялась приемлемой только для передачи суждения, где **S** обозначает субъект, а **P** – предикат. При этом логическая структура используется не только для суждения, повествования, но и для вопроса и побуждения, т. е. логическая формула **S–P** свойственна всем формам мысли. Здесь уместно вспомнить, что актуальное членение предложения на тему и рему также основывается на логическом делении предложения на субъект и предикат.

Таким образом, существуют видовые формы мысли (вопрос, побуждение), которые передаются той же формулой, что и суждение, причем термином субъект и его символом **S** обозначается предмет мысли, термином предикат и его символом **P** обозначается то, что утверждается или отрицается относительно субъекта. Здесь придается значение характеристике субъекта **S** в самом широком понимании, что соответствует структурному компоненту мысли, предикату **P**. Различие в конкретных структурах видовых форм мысли – суждения, вопроса и побуждения – можно свести к различию отношений между **S** и **P** в структуре мысли, т. е.: для суждения характерно утверждение отношения **S** есть / не есть **P**. Например: *Ол студент / Ол студент емес*; во французском языке: *Il est étudiant / Il n'est pas étudiant*; в русском языке: *Он студент / Он не студент* или *Ол келеді / Ол келмейді*; во французском языке: *Il viendra / Il ne viendra pas*; в русском языке: *Он придет / Он не придет*. Для вопроса характерно утверждение о незнании одного из двух компонентов, т. е. отношение известного / неизвестного в структуре **S–P**: *Кім келеді / келмейді? Ол қайда?* Во французском языке: *Qui viendra / ne viendra pas? Où est-il?* В русском языке: *Кто придет / не придет? Где он?* Для побуждения характерна возможность в реализации / нереализации **P** по отношению к **S**: *Ол келсін / келмесін!* Во французском языке: *Pour qu'il vienne / ne vienne pas!* В русском языке: *Пусть он придет / не придет!*

Следует отметить, что отношение между **S** и **P** в структурах видовых форм мысли определяется говорящим (пишущим), т. е. внешним фактором по отношению к самой структуре, что не учитывается в логике, но учитывается при анализе смысловой

структуры предложения в виде ее коммуникативной установки.

Как известно, коммуникативная установка зависит от самого говорящего (пишущего), где интонация, предикативность и модальность выполняют определяющую роль в выражении отношения к высказываемой мысли. Повествовательные, вопросительные или побудительные предложения, имеющие свои структурные, семантические и интонационные модели, обладают семантическим центром, который в лингвистике часто называют также предикативным ядром. Предикативное ядро присутствует во всех видах предложений, оно связано с понятием предикативности, которое по значению шире понятия сказуемости. Предикативность присутствует и в так называемых назывных предложениях, состоящих из одного только слова, не имеющих в своем составе сказуемого, но, однако, имеющих значение утверждения. Например: *Күз. Құстар. Дала; L'automne. Les oiseaux. La steppe; Осень. Птицы. Степь* (обозначаются формулой S или N) имеют статус предложения благодаря одной только интонации.

Интонация всегда признавалась одним из главных средств оформления предложения, его коммуникативного смысла и эмоционально-экспрессивных оттенков. В текстах она используется для сегментации сверхфразовых единств на предложения, синтагмы, ритмические группы, а также для объединения смысловых сегментов в более крупные объединения.

Являясь важнейшей приметой устной, звучащей речи, она «читается» и в письменной речи, поскольку и «письменный текст всегда «звучит» для автора и озвучивается – реально или мысленно – читателем» (Черемисина-Ениколопова, 1999, с. 9). Одним из способов фиксации интонации на письме служат, как известно, знаки препинания, но они не всегда находятся в прямопропорциональной зависимости друг от друга, и интонация, как выяснилось, не может являться прямым отражением пунктуации. Отдельные компоненты интонации, такие, как паузы или изменения мелодических интервалов на стыках предложений и синтагм, могут передаваться на письме с помощью некоторых знаков препинания, но связь между интонационными и синтаксическими признаками не так проста, как кажется на первый взгляд. Например, границы синтагмы иногда находят отражение в казахской пунктуации. Запятая, как правило, соответствует гра-

нице синтагмы, отсутствие запятой часто отражает интонационную целостность отрезка речи. Однако возможности синтагматического членения не укладываются в рамки правил казахской пунктуации – нередко конец синтагмы не соответствует никакому знаку препинания, поскольку синтагматическое членение ситуативно и контекстуально изменчиво.

В казахском языке, как и во многих других языках, компоненты интонации действуют во взаимодействии и во взаимовлиянии друг с другом, и их отражение мы видим не только в устной речи, в динамике, но и в письменной – в статике. Если в предложении подлежащее выражено местоимением, а сказуемое не глаголом, а существительным, только с помощью интонации можно определить, что является подлежащим, а что сказуемым. Например, в предложении *Ол – студент* (предложение схематично представляется как **S–P** или **N–N**) подлежащим является *ол*, сказуемым – *студент*. Предложение делится на две части с помощью паузы и характеризуется восходяще-нисходящим интонационным контуром. Каждая часть представляет собой отдельную синтагму (ритмическую группу). Если это же предложение произнести с другой интонацией, не опуская голоса в конце предложения, а, наоборот, с повышением голоса, на более высоких тональных уровнях, то оно будет уже иметь дополнительный смысл: гордости, восхищения, что *Он уже не школьник*, у него статус выше, *Он уже студент*. А если это же предложение произнести на низких тонах и соответствующим мрачным тембром, то оно будет выражать, что этот студент не соответствует своим моральным уровнем этому высокому статусу.

Теперь рассмотрим интонационную характеристику предложения *Ол студент // сабаққа келмей жүр* (**S–P** или **N–Vf**). Это предложение состоит из двух ритмических групп, синтагм, подлежащее от сказуемого отделяется паузой. Причем словосочетание *Ол студент*, выражающее группу подлежащего, по своей длительности соответствует состоящему из одного слова подлежащему *Ол*. Группа сказуемого, выражающая отдельную синтагму, начинается на том же тональном уровне, где заканчивается группа подлежащего, т. е. на стыках обеих синтагм не отмечается перелома мелодического контура, хотя начало синтагмы, ритмической группы акцентируется с помощью динамических параметров интонации. Общий интонационный контур

характеризуется восходяще-нисходящим мелодическим контуром.

Предложение *Ол студент // сабаққа келе алмай жүр* делится на две синтагмы с помощью более длительной паузы, группа сказуемого состоит уже не из трех слов, как в предыдущем предложении, а из четырех, но несмотря на это ее длительность соответствует предыдущей группе сказуемого. В группе сказуемого имеется слово, акцентированное посредством динамических показателей интонации.

Агглютинативный строй казахского языка диктует свои специфические формы выражения структурных типов предложений, так, например, в предложении *Мен баламын* предикат, выраженный существительным, спрягается по лицам и числам: *Сен баласың, Біз баламыз, Сіз баласыз* и т. д. Структурная схема этих предложений будет представлена следующим образом: **Pron1 – N1s; Pron1 – N2s; Pron1 – N1pl; Pron1 – N2pl**. Как видим, в структурных схемах предложений казахского языка отражаются его характерные особенности, в данном случае способность имен не только склоняться, но и спрягаться, принимать аффиксы лица и числа.

В казахском языке, как и в других языках, наряду с двусоставными предложениями, где присутствуют и подлежащее и сказуемое, существуют односоставные предложения, состоящие только из одного подлежащего, или из группы подлежащего, так называемые номинативные (назывные) предложения. Главный член номинативных предложений выражен существительным в именительном падеже, что и обусловило их название. Иногда их называют бытийными, экзистенциальными, поскольку в семантику номинативных предложений входит утверждение бытия, существования предмета. Например: *Көктем. Көкорай шалғын. Сайраған құстар*. Такие предложения передаются формулой S или N.

Одной из разновидностей назывных предложений являются вокативные предложения. Вокативные предложения характеризуются обращенностью к адресанту. Например, мать, обращаясь к сыну, журит его за непослушание, и это она выражает одним только словом *Ба – а – ла – ам!* Это слово, произнесенное с вокативной интонацией, обретает статус предложения. В оформлении вокативного предложения *Балам!* участвуют тональные, динамические и темпоральные параметры интонации. Первый слог предложения произносится с повышенным тоном и интенсивностью, второй слог характеризуется фразовым

ударением, маркированным длительностью.

Среди односоставных предложений, кроме назывных, как известно, существуют еще и односоставные безличные предложения с составом сказуемого, в которых нет действующего субъекта, относящегося к определенному лицу. Предикат же в этих предложениях может относиться к любому лицу и даже к самому субъекту. Например:

Маған сабақтан қалуға болмайды.

Саған сабақтан қалуға болмайды.

Оған сабақтан қалуға болмайды.

Бізге сабақтан қалуға болмайды.

Данные предложения можно представить следующими формулами: **Pron3negVf**. Тогда как в русском языке в переводе *Мне, тебе, ему, нельзя пропускать занятия* структурная схема будет: **Pron3-PrednegInf**, т. е. вместо спрягаемой формулы глагола с отрицанием присутствует инфинитивная формула глагола с отрицанием.

В казахском языке нет безличных глаголов типа *темнеет, вечереет, светает*, так как все глаголы спрягаются, поэтому односоставное безличное предложение русского языка *Темнеет (Vf3s)* на казахский язык будет переводиться как *Қараңғы түсті (Наступила темнота)*, со структурной схемой **N1 – Vf**.

Односоставные безличные предложения, состоящие из одного глагола, выраженного предикатом мышления *Білеміз* (схема **Vf1pl**) в зависимости от иллокутивного значения и способов коммуникативной организации обнаруживает различия в возможностях интонирования, выражающие разные значения. Если предложение произнесено в средних тонах, с умеренной длительностью и интенсивностью, то оно соответствует простому повествовательному предложению. Если предложение реализуется в высоких тональных уровнях, со светлым тембром, оно выражает радость, удовлетворение. При медленном произнесении в низких тональных уровнях оно выражает недовольство, иронию, неприязнь: *Сенің, немесе оның кім екенін білеміз*. Компоненты интонации, в данном случае, во взаимосвязи и во взаимодействии, выполняя свои многогранные функции, влияют на семантику предложения.

Методика экспериментально-фонетического анализа интонации

В современных экспериментально-фонетических работах широко применяется метод структурного анализа интонации. Этот метод, предполагающий целостный анализ всех ее взаимосвязанных элементов, изучение и описание распределения физических характеристик (частоты основного тона, интенсивности и длительности), была разработан и внедрен в практику В. А. Артемовым: «Наша методика экспериментально-фонетического изучения речевой интонации предусматривает не только электроакустический анализ физических свойств речевой интонации, но и рассмотрение ее воспринимаемых качеств, так как процесс речи двусторонен; он состоит не только в производстве, но и в распознавании речи. В наших опытах речь производят дикторы, а воспринимают ее аудиторы» (Артемов, 1969, с. 121). Методы анализа речевой интонации получили подробное освещение в трудах Л. П. Блохиной, Н. Д. Светозаровой и др. известных интонологов.

Методика проведения эксперимента разрабатывается в соответствии с задачами исследования. В нашей работе экспериментальный анализ включал несколько этапов:

- структурно-семантический анализ отобранного материала;
- подбор дикторов и запись материала на ферромагнитную ленту;
- аудиторский анализ экспериментального материала;
- электроакустический анализ экспериментального материала;
- лингвистическая интерпретация полученных данных.

Большое значение в экспериментальных работах имеет подбор речевого материала. В зависимости от цели исследования могут браться подготовленные и неподготовленные (импровизированные тексты). Чтение заранее подготовленного материала не вызывает затруднений. Чаще всего в качестве материала исследования могут выступать отрывки из художественной литературы, из публицистики. Наряду с естественными, готовыми текстами берутся искусственные, составленные исследователем фразы, различные их модификации: сокращения, перестановки, вставки, дополнения.

При исследовании интонации различного вида высказываний берется широкий контекст с целью обеспечения естественности звучания, особенно препозиционный контекст должен быть достаточно

широким. Перенос центра тяжести на изучение и моделирование речевой деятельности, прагматического фактора привело к изучению спонтанной речи. В исследовании спонтанной речи большую роль играют экстралингвистические факторы: речевая ситуация, настрой говорящих. Изучение интонации спонтанной речи иногда вызывает технические трудности при их записи, т. к. главное условие, чтобы информанты не знали об этом. Для исследования диалогов, полилогов часто пользуются записями интервью и репортажей по телевидению и радио.

В нашей работе мы подвергли экспериментально-фонетическому исследованию тексты разных жанров и стилей казахской прозы и поэзии, в которых подробно анализировались различные коммуникативные типы высказываний, сложные, осложненные высказывания, сверхфразовые единства. Экспериментальный материал, включающий монологи и диалоги, состоял как из заранее подготовленных текстов, так и из импровизированной, спонтанной речи.

В успешном проведении экспериментально-фонетического анализа немаловажное значение имеет подбор дикторов. В. А. Артемов отмечает, что диктор должен в совершенстве владеть орфоэпически правильным произношением на изучаемом языке; иметь привычку говорить перед микрофоном или в приемлющие устройства пневматической регистрации речи; не иметь органических и функциональных дефектов произношения; быть в возрасте от двадцати до пятидесяти лет и т. д. (Артемов, 1956, с. 82). По мнению Л. К. Цеплитиса, «при выборе диктора для интонационного анализа следует считать способность в ситуации публичной речи продуцировать интонацию согласно содержанию речи и ее обстановке, не прибегая к уже готовым, общеизвестным интонационным штампам» (Цеплитис, 1974, с. 38).

Учитывая индивидуальные особенности говорящих, как правило, не ограничиваются записью одного только диктора. Для записи экспериментального материала в зависимости от цели исследования привлекают несколько дикторов (в широком смысле этого слова), произношение которых соответствует орфоэпической норме языка. Для достижения естественности звучания цель эксперимента дикторам не сообщается. Заранее подготовленный материал записывают в студийных условиях (в звуконепроницаемой кабине), при изучении спонтанной речи прибегают к магнитофонной записи в различных

ситуациях общения. В нашей работе на разных этапах исследования участвовало более двадцати дикторов, как профессиональных, так и непрофессиональных, в зависимости от поставленных задач.

При исследовании фактического материала используют субъективные и объективные методы анализа. Вот что пишет Л. В. Щерба о роли субъективного и объективного методов: «Строго говоря, единственным фонетическим методом является метод субъективный, т. е. мы всегда должны обращаться к сознанию говорящего на данном языке индивида, раз мы желаем узнать, какие фонетические различия он употребляет для целей языкового общения, и другого источника, кроме его сознания, у нас вовсе не имеется. Но с другой стороны, то, что не находится непосредственно в сфере сознания, то, что происходит в мире физиологическом и физическом, имеет тоже громадный интерес для лингвиста, так как может стать современным достоянием языкового мышления» (Щерба, 1910, с. 3).

Под субъективным методом понимают аудиторский анализ, который, как правило, предваряет инструментальный. Аудиторский анализ удобен тем, что он может охватить достаточно объемный и разнообразный экспериментальный материал. При этом спорный материал с точки зрения корректности отпадает уже на первом этапе исследования. Аудиторский анализ обычно состоит из нескольких этапов, поэтому и аудиторы представляют собой несколько групп, перед которыми ставятся разнообразные задачи в зависимости от цели исследования. На первом этапе проводится отборочный анализ, в результате которого избавляются от неудачного, «бракованного» языкового материала (плохо прочитанного или не отвечающего орфоэпическим нормам языка). На следующих этапах перед аудиторами ставятся конкретные задачи, в зависимости от того, в какую группу аудиторов они входят.

В интонологии аудиторский метод широко применяют не только для выявления просодических характеристик определенных типов высказываний, но и при синтезировании искусственной речи. В экспериментах по восприятию синтезированных интонационных контуров ставятся задачи определения возможностей опознания коммуникативного типа высказывания и определения степени естественности синтезированной интонации. Интонационная естественность и опознавание коммуникативного типа взаимосвязаны: те виды высказы-

ваний, которые обладают, по мнению auditors, большей естественностью, дают и более высокий процент опознания (Светозарова, 1982, с. 160).

Для успешного проведения аудиторского анализа следует обеспечить относительную точность субъективных характеристик. «Точность слухового анализа интонации должна быть такой, чтобы отразились все существенные интонационные свойства. Точность снижается в двух случаях: во-первых, если остаются незамеченными какие-то важные свойства интонации, и, во-вторых, если к характеристикам интонации присоединяются данные о явлениях, к ней не принадлежащих (например, о частотных изменениях, относящихся к слоговому ударению)» (Цеплитис, 1974, с. 34).

Следует отметить, что точность и надежность аудиторского анализа зависят также от корректности вопросов, сформулированных исследователем, которые должны быть конкретными, ясными, чтобы аудиторы не испытывали затруднений в ответах. Аудиторами могут являться преподаватели, дикторы, студенты, обладающие хорошим слухом. Для каждой группы auditors предлагаются соответствующие их профессиональному уровню задания. В результате слухового анализа используется интонационная транскрипция с условными разметками просодических средств, которые должны отвечать следующим требованиям: все обозначения должны быть семантически релевантными, число знаков должно быть минимальным, чтобы не загромождать внимание читающего. При аудировании в число просодических характеристик входят: пауза, направление движения тона, темп, громкость, при этом прибегают к относительно-сравнительным характеристикам как, например, быстрый-медленный, высокий-низкий, громкий-тихий и т. д.

При описании интонационной системы казахского языка в зависимости от конкретных задач перед аудиторами-фонетистами ставились следующие задачи:

1. Провести деление текста на фразы, синтагмы, ритмические группы (обозначается тремя вертикальными линиями /// – пауза для деления фраз; двумя вертикальными линиями // – пауза для деления синтагм; одной вертикальной линией / – пауза или перелом мелодического контура для деления ритмических групп).

2. Графически обозначить направление движения основного тона. Мы различаем пять видов направлений движения основного то-

на: восходящее, нисходящее, ровное, восходяще-нисходящее, нисходяще-восходящее¹.

3. Обозначить синтагматические, фразовые и логические ударения (обозначается знаком / и \ над выделенным слогом)².

4. Определить темп анализируемых сегментов (обозначается следующим образом: ----- — медленный, - - - - - — средний, — быстрый под строкой).

5. Определить громкость анализируемых сегментов (обозначается знаками > = < между сегментами).

В специальных протоколах фиксировались результаты аудирования, которые явились базой для дальнейшего инструментального анализа.

После субъективных методов исследования следуют объективные (инструментальные) методы. «Объективный метод состоит в применении физических измерений параметров речевого сигнала, обычно его частоты, интенсивности, длительности, спектра. Сам процесс измерения, способы измерения находятся вне сферы языкознания, ими занимаются специалисты по физике, электронике и представители других отраслей. Работа лингвиста начинается тогда, когда чисто физические данные интерпретируются с целью найти релевантные свойства языкового сигнала» (Цеплитис, 1974, с. 32).

Отобранный после аудиторского анализа экспериментальный материал записывают на магнитную ленту в студийных условиях, после чего его подвергают компьютерной обработке по специальной программе (раньше такую работу проводили на интонографе), что дает возможность получить сведения об основных просодических параметрах (частота основного тона, интенсивность, длительность) речи. Для получения объективных и точных результатов следует правильно произвести измерение просодических параметров.

Как отмечает Л. А. Кантер, «эффективность любых научных изысканий в конечном счете определяется совокупностью методов и средств для получения достоверной количественной информации. Поэтому не случайно в последнее время фонетисты-экспериментаторы уделяют такое пристальное внимание тому, что надо измерять, где надо измерять, как надо измерять, при помощи чего надо измерять,

¹ Данным просодическим характеристикам дается словесное описание.

² То же.

какие характеристики следует учитывать при интерпретации результатов измерений. Наличие определенного произвола в выборе методов, средств и единиц измерения звуковой материи языка часто приводит к путанице, недоразумениям и противоречиям, что чрезвычайно затрудняет обобщение и сопоставление результатов, полученных в разных исследованиях. В этой связи необходимо поставить вопрос об унификации принципов и методов измерений, используемых при изучении звукового строя языка» (Кантер, 1988, с. 38).

Принципы и способы измерения диктуются задачами экспериментальной работы и существующими объективными методами исследования. Часто большой разброс результатов измерения затрудняет обобщение и оценку полученных фактов из-за вариативности речевого сигнала. В этом случае экспериментатор обрабатывает результаты измерений, прибегая к статистическим методам и, конечно же, опирается на свою интуицию, опыт и теоретические познания.

По мнению специалистов-экспериментаторов, необходимо учитывать соотношение интонационных и неинтонационных моментов и выбирать такие методы извлечения данных, которые в наименьшей степени подвержены влиянию неинтонационных факторов. К неинтонационным явлениям относятся, «во-первых, разные конститутивные средства, объединяющие в физическое единство речевого сигнала разные сегментные единицы (звуки, слоги, слова). Во-вторых, к интонации не имеют отношения изменения, вызванные некоторыми компонентами ситуации общения, не влияющими на содержание высказывания, например, увеличение темпа при спешке. В-третьих, не обладают интонационными качествами некоторые индивидуальные свойства речи человека. Наконец, в-четвертых, к интонации не принадлежат акустические эффекты, связанные с физиологией произнесения, например, с затрудненным дыханием» (Цеплитис, 1974, с. 67).

Величина основного тона определяется по осциллограмме, представляющей собой отражение реакции резонансной системы голосового тракта на возбуждение его генератором звуковых колебаний. В изменениях ЧОТ, наблюдаемых на интонограммах, можно прочесть разнообразную информацию: об интонации фразы, о его членении на синтагмы, ритмические группы о выделенности и невыделенности слогов, данные об отдельных гласных и согласных. Качество проведения эксперимента зависит от точности измерения частоты основного тона,

которая колеблется в значительных пределах – от нескольких герц на низких частотах до нескольких десятков герц на высоких.

Интенсивность определяют несколькими способами: измерением среднего значения амплитуды на протяжении сегмента, измерением максимального (пикового) значения. При этом надо учитывать, на каком участке сегмента зарегистрировано максимальное значение интенсивности, чтобы определить диапазон изменения силы анализируемого участка. По осциллограмме можно наблюдать изменение интенсивности сегмента во времени. Интенсивность в совокупности с частотой основного тона дает представление о громкости звука. Интенсивность, как правило, является показателем акцентного выделения, поэтому правильное измерение этого параметра важно для экспериментатора.

К временным характеристикам относятся длительность анализируемого сегмента, а также темп. Для определения временных характеристик в первую очередь следует выявить точные границы между сегментами. В потоке речи при безпаузальном произнесении границы между синтагмами, ритмическими группами бывают размыты, поэтому не всегда удастся точно измерить абсолютную длину анализируемых сегментов. При наличии пауз, также при переломах тонального контура сегментация текстов не вызывает затруднений. При общей характеристике текста, как правило, рассматривают темповые соотношения между сегментами и распределение значений темпа, причем длительность пауз при измерении темпа не учитывается.

Таким образом, с помощью инструментальных методов исследования определяют просодические характеристики речи: тональные, динамические, темпоральные с последующей лингвистической интерпретацией данных. Расчеты частоты основного тона (ЧОТ) производятся в герцах, интенсивности – в децибелах и времени – в миллисекундах. Указанные выше просодические характеристики являются первичными акустическими свойствами речи, которые не несут смыслового содержания. Эту роль выполняют вторичные физические свойства – частотные, силовые и временные диапазоны, интервалы и уровни (Артемов, 1969, с. 95).

В нашей работе анализ просодических характеристик проводился по методике, разработанной в лаборатории экспериментальной фонетики Московского лингвистического университета (бывшем МГПИИЯ им. М. Тореза).

Экспериментальный материал после аудиторского анализа подвергся инструментальному анализу, при этом по параметру ЧОТ анализировались следующие характеристики:

- мелодический контур анализируемых сегментов;
- уровень начала контура анализируемого сегмента;
- уровень конца контура анализируемого сегмента;
- тональный диапазон анализируемых сегментов (определяется разностью между максимальным и минимальным значениями ЧОТ);
- тональный интервал анализируемых сегментов (определяется отношениями максимальных и минимальных значений ЧОТ);
- средний тональный уровень анализируемых сегментов. Определяется по формуле:

ЧОТ ср. = $\frac{E \cdot F \text{ безударных слогов}}{n}$, где ЧОТ – средний частотный

уровень, F – сумма значения ЧОТ всех безударных слогов, n – количество безударных слогов;

- локализация максимального уровня ЧОТ.

По параметру интенсивности анализировались:

- локализация максимальных значений уровня звукового давления фразы, синтагмы;
- диапазон интенсивности анализируемых сегментов (определяется разностью между максимальным и минимальным значениями интенсивности);
- средний уровень интенсивности (определяется отношением суммы значения интенсивности всех безударных слогов к количеству безударных слогов):

$$I = \frac{E \cdot I \text{ без.сл.}}{n}$$

- разность между значениями интенсивности соседних анализируемых сегментов;

По параметру времени определены следующие величины:

- абсолютная длительность анализируемых сегментов;
- темп анализируемых сегментов (определяется отношением общей длительности сегментов к количеству слогов):

$$T s = \frac{E t}{n}$$

- соотношение по темпу сопоставляемых сегментов;

Совокупность всех видов эксперимента дает возможность прийти к всесторонним объективным выводам.

Лингвистическая интерпретация полученных данных является заключительным этапом экспериментального исследования. «Какого высокого качества ни были бы спектрограммы, интонограммы, палатограммы, рентгенограммы и т. д., они сами по себе ничего не скажут, их надо уметь читать и интерпретировать», – пишет Л. П. Блохина (Блохина, 1980, с. 64). На данном этапе исследователь должен выявить, каким образом количественные показатели влияют на качественные отношения анализируемых объектов в передаче фонологически значимых свойств интонации.

На основе анализа акустических параметров определяется роль просодических средств в выражении интонационных значений, а также взаимодействие интонационных компонентов в их совокупности и взаимовлиянии в оформлении интонационных структур. Выявляется набор просодических средств, передающих интонационную специфику языка и релевантные акустические параметры, участвующие в дифференциации интонационных единиц. Классификация, установление и обобщение фактов способствуют разработке теории казахской интонации, выявлению принципов и методов описания интонационной системы, определению различных функций интонации, а также описанию сложного характера взаимоотношений между интонацией, семантикой и синтаксисом. На заключительном этапе экспериментального анализа нередко прибегают к статистическим методам, а также к моделированию интонационных данных.

Таким образом, экспериментально-фонетическое исследование состоит из субъективных и объективных методов анализа в соединении с лингвистическим, функциональным осмыслением просодических характеристик.

Интонационные характеристики повествовательных предложений

Рассмотрим интонационные характеристики основных коммуникативных типов предложений. В казахском языке, как и в других языках, повествовательные предложения содержат сообщение о каких-

либо фактах действительности, событиях, явлениях и т. д. (Балакаев, Қордабаев, 1961, с. 78). Это наиболее распространенный тип высказываний. **Повествовательные предложения** очень разнообразны по содержанию, функциям и структуре: они могут сообщать, описывать, повествовать, изображать, определять, характеризовать и т. д.; они могут быть распространенными и нераспространенными, односоставными и двусоставными, простыми и сложными. Структура повествовательной фразы зависит от его содержания, характера.

По характеру интонирования повествовательные фразы делятся на одночленные и двучленные (понятие одночленной и двучленной фразы дается в трактовке Л. В. Щербы).

Одночленные повествовательные фразы независимо от их длины (количества синтагм) представляют собой единое целое без логического противопоставления между синтагмами: *Демалыс куні еді* (Ф. Мұстафин); *Қара қазан үш жерден құрылған* (Ф. Мұстафин); *Бәрі орындарынан тұра бастады* (М. Әуезов); *Күн ұясына кіріп бара жатыр* (Ф. Мұстафин); *Тары әңгімесі ұзаққа созылды* (Ф. Мұстафин); *Тағы да біраз уақыт өтті* (Ф. Мұстафин). *Күн қызыл арай шатырынан жаңа гана шыға бастады* (Ф. Мұстафин).

Их интонация характеризуется сначала незначительным повышением, затем понижением частоты основного тона на интонационном центре, после чего направление движения тона опускается до минимального значения. Интонационным центром называется тот слог, на котором начинаются изменения компонентов интонации, значимые для выражения таких различий, как вопрос, утверждение, волеизъявление, незавершенность (завершенность) высказывания (Русская грамматика, 1980, с. 97). Одночленные повествовательные фразы реализуются, как правило, в среднем регистре, в незначительных тональных диапазонах, имеют небольшую крутизну мелодических интервалов. Терминальное понижение тона сопровождается падением интенсивности до минимального значения. Кривая частоты основного тона и интенсивности в целом пропорциональны друг другу.

Одночленные повествовательные фразы реализуются обычно со средней громкостью и в небольшом диапазоне интенсивности. Наряду с ускорением темпа отмечается также возрастание длительности к финалу звучания. Длительность интонационного центра немного превышает длительность остальных слогов. Прослеживается зави-

симость темпа от длины анализируемой фразы: темп возрастает при увеличении слоговой наполненности (рис. 1).

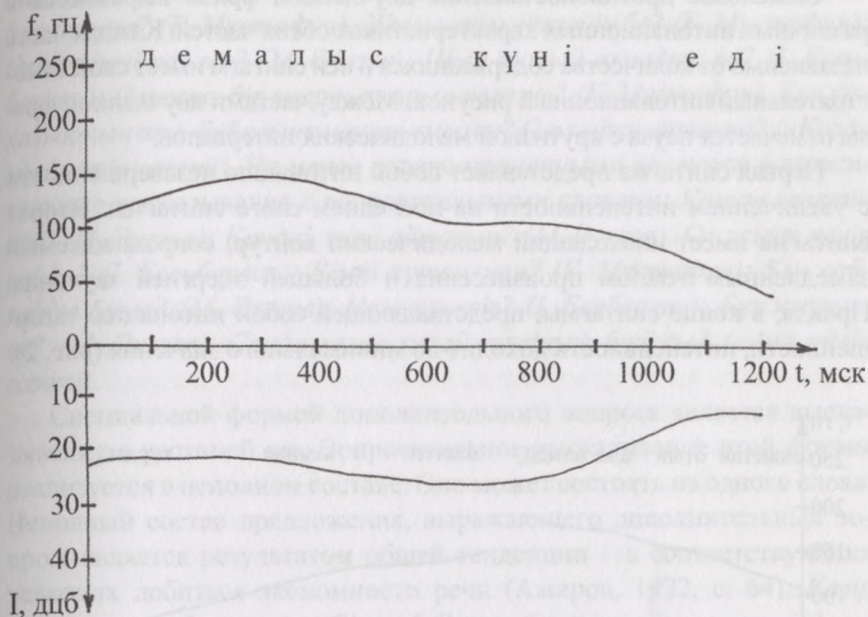

Рис. 1. Интонационный рисунок одночленной повествовательной фразы

Двучленная повествовательная фраза имеет смысловое противопоставление двух частей. Вторая часть представляет собой не только противопоставление, но и некоторое уточнение, пояснение по поводу первой части: *Қара тақтайсыз мұғалім – тебенсіз кемпір зой. Қыстай отын ала алмай, мектеп азынап тұрды; Таудың басы сәулеленіп, төңірек айқын көрінеді (Ж. Аймауытов); Өзге жердің бәрі жақсы, бірақ туған жерің бәрінен де артық (Ғ. Мұстафин); Абай мен Әйгерімдер өмірге лагнат айтқан адамдар сияқты емес, қайта күнін ұғып, қалың ойлағандай (М. Әуезов); Молаға екі шақырымдай қалғанда, мылтық дауысы сатыр-сұтыр етті (Ж. Аймауытов); Жаманишылығынан құтылу қиын, жақсылығына жету қиын (М. Әуезов). Қарағанды облысы – еліміздегі ең қуатты да құнарлы өңірдің бірі («Ана тілі» газеті). Мал басын көбейтуге ерінбей еңбек сіңірген кісінің бірі – Жақыпбек еді (Ғ. Мұстафин). Бес жерде*

бес – жиырма бес. Оның емтиханды тапсыра алмагандығы – көп ауырғанының салдары.

Смысловое противопоставление двучленной фразы выражается в различных интонационных характеристиках обеих частей. Каждая часть независимо от количества содержащихся в ней синтагм имеет свой самостоятельный интонационный рисунок. Между частями двучленной фразы отмечается пауза с крутизной melodических интервалов.

Первая синтагма представляет собой интонацию незавершенности с увеличением интенсивности на последнем слоге синтагмы. Вторая синтагма имеет нисходящий мелодический контур, сопровождаемый замедленным темпом произнесения и большей энергией звучания. Правда, в конце синтагмы, представляющей собой интонацию завершенности, интенсивность доходит до минимального значения (рис. 2).

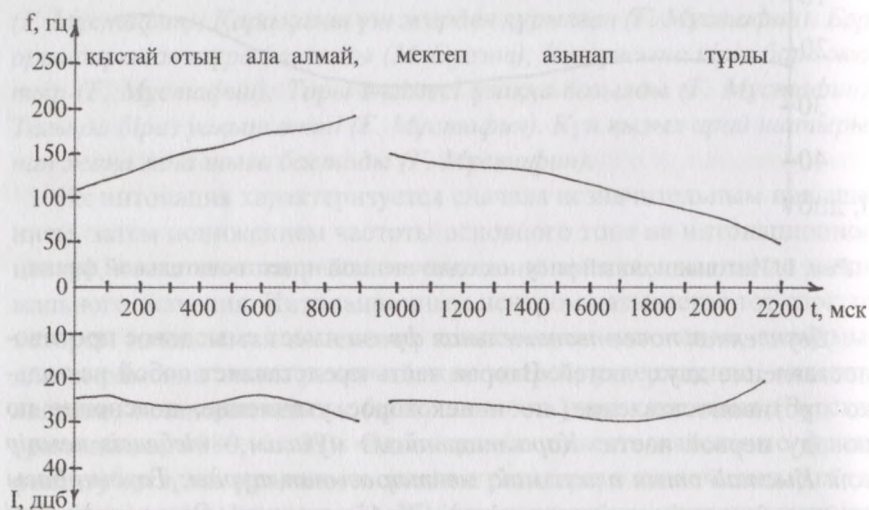

Рис. 2. Интонационный рисунок двучленной повествовательной фразы

В **вопросительных предложениях** говорящий стремится что-либо узнать от собеседника, получить от него информацию. В казахском языке вопросительные высказывания образуются при помощи вопросительных частиц, некоторых вспомогательных глаголов, междометий, послелогов, служебных слов (Балакаев, Қордабаев, 1961, с. 9).

Вопросительная интонация дифференцируется в зависимости от типа вопроса. Наиболее распространенными из них являются вопросительные высказывания с частицами *ба, бе, ма, ме*: *Жақсылық хабар бар ма?* (Ф. Мұстафин); *Жылы киім әкелейін бе?* (Ф. Мұстафин); *Өзінің дені сау ма?* (М. Әуезов); *Шын таный алмадық па?* (І. Есенберлин); *Олжеке, бір жерің ауырып келе ме?* (Ф. Мұстафин). Бұл сол халықтың ата-бабасының жері емес пе? Осы мақтаныш па? («Қазақ әдебиеті» газеті). Не менее распространенными являются вопросительные высказывания с вопросительными словами: *Қашан келетін еді?* (М. Әуезов); *Қандай өлең айтасың?* (М. Әуезов). *Ол жігіт қазір қайда?* (І. Есенберлин); *Кімді күтем мен?* (Ф. Мұстафин); *Кім сайлайды бұны?* (М. Әуезов); *Неге күлесіз?* (І. Есенберлин); *Бұл қуаныш не?* (М. Әуезов). *Сонда мұны қалай түсінуге болады?* («Ана тілі» газеті).

Специальной формой дополнительного вопроса является высказывание с частицей *ше*. Вопросительное высказывание этой формы реализуется в неполном составе. Оно может состоять из одного слова. Неполный состав предложения, выражающего дополнительный вопрос, является результатом общей тенденции – в соответствующих условиях добиться экономности речи (Амиров, 1972, с. 64): *Қазір жиналысына барамыз. – Сіз ше? Ертең бәріңіз жолға жүресіздер – Біз ше? Емтихан тапсырғасын, қыздар киноға кетті. – Айгүл ше? Оқушылар кітапханада дайындалып отыр. – Марат ше?*

Вопросительные предложения могут также образовываться посредством вспомогательных слов *гой, ау, ә*, которые примыкают к глаголу: *Ораз, сен маған нанбай тұрсың-ау, ә?* (З. Шашкин). *Біржанның арқасына тиген мына қамшы екенін естідің гой?* – *Естідім* (Ф. Мүсірепов). *Қайта бүгінгі Қазақстан үкіметіне алғыс айтуымыз керек. Неге дейсіз гой?* («Қазақ әдебиеті» газеті).

Коммуникативная задача вопросительных предложений связана с получением информации, поэтому вопросительные предложения часто используются в разговорной речи, в диалоге. В зависимости от функционального назначения вопросительные предложения делятся на несколько типов: *открытый (прямой) вопрос, вопрос-сомнение, встречный вопрос, риторический вопрос*. Интонационная характеристика вопросительных предложений зависит от их значения и способов образования.

1. *Открытый вопрос* чаще всего встречается в диалогах с целью получения информации о ком-нибудь или каком-нибудь предмете или явлении и допускают в качестве ответов подтверждение или отрицание. К ним относятся предложения с вопросительными частицами и местоимениями. Р. С. Амиров, исследовавший особенности синтаксиса казахской разговорной речи, в зависимости от вопросительного содержания названные предложения подразделяет на пять групп (Амиров, 1972, с. 66):

1) Предложения, выражающие поиск субъекта, в которые входят вопросительные местоимения *кім, не*: *Оның сілесін кім қатырыпты? Тағы не боп қалды? (Ә. Әбішев).*

2) Предложения, выражающие поиск признака, действия, места расположения субъекта. Они привлекают в свой состав в качестве сказуемых вопросительные слова *кім, не, қандай, не істеді* и т. п.: *Шырайлың кім, келін-ау, Шамшия ма? (Б. Майлин). Сонда айтпағаның не? Намыс қайда? (Ә. Әбішев). Келгеніңізге екі ай болды, не істедіңіз? (Ә. Әбішев). Бәтеңкенің тұмсығы қандай? (Б. Майлин).*

3) Предложения, выражающие поиск объекта действия. Они организуются включением вопросительных слов *кімді, нені, кімге, неге* в роли дополнительного члена: *Сәулеш, сен кімге ызаландың, маған ба (Ә. Әбішев).*

4) Предложения, выражающие поиск обстоятельства, качества, причины действия; они образуются с помощью вопросительных слов *қайда, қалай, неге, не үшін, қашан* и т. д.: *Қайда әлгі Мырқал? Олар не үшін қалды? Ол айдаудан қашан қайтыпты? (Ә. Әбішев).*

5) Предложения, выражающие поиск атрибутивного качества предметов. В них в функции определения выступают вопросительные слова *қандай, қашан*: *Мына тақтай қанша кубометр болады?*

В разговорной речи допускается использование местоимений *қандай*, вопросительных слов *не, не қылған*: *Ал не әңгіме бар, айтсаңшы (Б. Майлин). Бізді қойшы, үйде отырмыз. Ана далада жүрген малышы, пішеншілер не күйде екен? (Қ. Жұмаділов). Бір кісі тосып тұр. – Не қылған адам ол? (запись устной речи).*

2. Разнообразные модально-экспрессивные оттенки придают вопросительным предложениям вспомогательные слова. Для придания вопросу оттенка сомнения используются вспомогательные слова *екен, шығар, ау, ә*: *Сол жаққа мен де барсам ба екен? Мына мың болғыр*

бой бермей кетер ме екен? (Ғ. Сланов). Ол келе алмай қалған ғой ә? Мүмкін, біздің тексіздігіміз де осыдан басталған шығар? («Ана тілі» газеті). Жалғыз басты болсаңыз жан бағарсыз, ал бала-шағаңызға ол табысыңыз да жете қояр ма екен? («Қазақ әдебиеті» газеті). Ол бүгін келер ме екен?

3. *Встречные вопросы* часто встречаются в разговорной речи. Они представляют собой ответы на вопросы в форме вопроса: Біздің ауылға барасың ғой, қызым? – Бармағанда қайтем? (Ә. Сәрсенбаев). Неге ақылды ақылсыздан жеңілді? – Шынымен солай деді ме? (М. Жұмабаев).

4. *Риторические вопросы* используются для выражения эмоционально окрашенного утверждения или отрицания. Вопросительные предложения, выражающие риторический вопрос, совмещают в себе вопрос и качество суждения, они вызывают собеседника к подтверждению сообщения, побуждают к опроверженной ответной реакции. Риторические вопросы встречаются и в художественной литературе, и в публицистике:

Кеш, тәңірім, болса сөзім пендешілік,
Мінекей, айқын зұлым, қайда әділдік?
Соншама кең рақметтен құр тастайын,
Баласы алты алаштың – біз не қылдық?

Бір жауыз сөндірмек пе әлде нұрың?
Үстіңе кигізбек пе қара құрым?
Жоқ әлде қазіргімен жұмысың жоқ,
Қайғыға түсіре ме өткен күнің?

(М. Жұмабаев)

О предложениях, выражающих риторический вопрос, Р. С. Амиров пишет: «в подобных вопросительных предложениях все позиции заняты полными словами, и поэтому при определенных условиях данные предложения могут служить формой выражения суждения. Особенностью предложений, выражающих риторический вопрос, является значение сказуемых, обратное их форме. Так, например, сказуемые утвердительной формы в этих предложениях приобретают отрицательное значение, а сказуемые отрицательной формы – утвердительное значение. Например: *Сөйлетіп отырсың ба, бірдеме айтайын десем, жер-жебіріме*

жетіп боласың? (Б. Майлин). Бухгалтердің қатыны мұндайдан қалып көрген бе? (запись устной речи). Қызға сөз айту түгіл, мен сенен басқа әйелмен сөйлесіп көрдім бе екен? (Б. Майлин). Әбілет неме-ау, мен саған күні бойы қақсағаным жоқ па? (А. Нұрманов). Мен айтарымды бұдан бес күн бұрын айтқан жоқ па едім? (Ә. Әбішев). Не дейтіні бар, міндері көзге көрініп тұрған жоқ па? (Б. Майлин).

Обратное использование форм сказуемых объясняется стремлением добиться полемичности речи. Вместе со специфичной интонацией оно представляет собой специальное оформление вопросительных предложений, выражающих риторический вопрос, выделяет их из других видов вопросительных предложений» (Амиров, 1972, с. 71).

Рассмотрим интонационные характеристики различных типов вопросительных предложений. Вопросительные фразы с вопросительными частицами *ба, бе, ма, ме* характеризуются восходящим направлением движения основного тона до вопросительной частицы, на которой тон опускается. В предцентровой части наблюдается постепенное монотонное повышение тона до интонационного центра, где локализуются частотные максимумы. Вопросительные фразы с вопросительными частицами реализуются в среднем регистре частоты основного тона. Мелодические интервалы начала и конца такого типа вопроса незначительны. Они произносятся со средней громкостью, причем наблюдается тенденция уменьшения интенсивности к финалу звучания. Интонационный центр, локализованный на предпоследнем слоге, имеет значительную интенсивность. Что касается темпа, выявлена тенденция ускоренного произнесения центральных слогов по сравнению с инициальными и терминальными. Интонационный центр чаще всего маркируется максимальной длительностью (рис. 3).

Интонационная структура вопросительных предложений с вопросительным словом зависит от его позиции. При инициальной позиции вопросительного слова анализируемые фразы характеризуются двумя интонационными центрами: вопросительное слово несет логическое ударение, а терминальный ударный слог находится под синтагматическим ударением. Общий мелодический рисунок вопросительных фраз с вопросительным словом в начале — восходяще-нисходящий с расширенными частотными диапазонами. Первый интонационный центр, локализованный на вопросительном слове, маркируется пиковым значением частоты основного тона, что свидетельствует о его логической

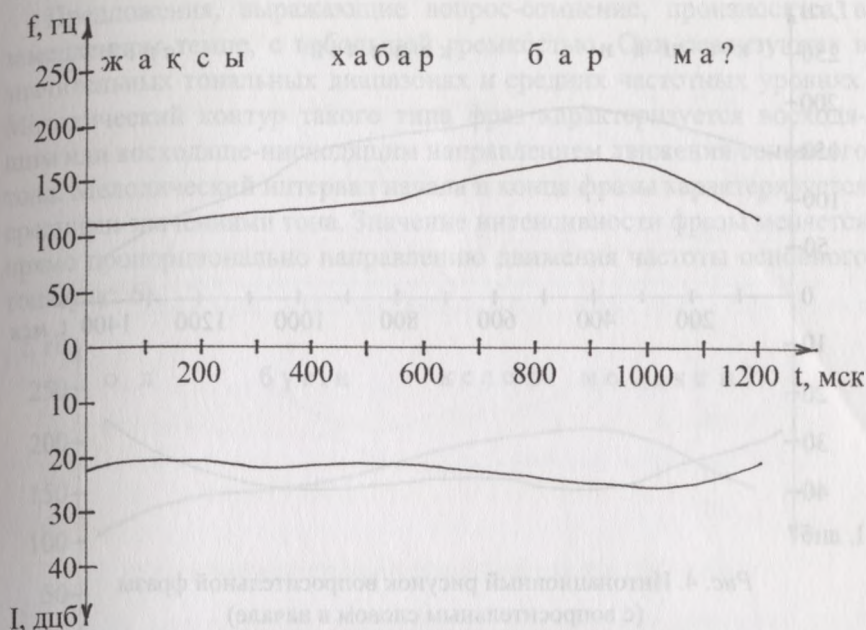

Рис. 3. Интонационный рисунок вопросительной фразы (с частицей *ма*)

выделенности в акте коммуникации. Второй интонационный центр характеризуется максимальной длительностью ударного слога. Темп произнесения анализируемых фраз – средний. В связи с тем, что вопросительное слово фразы является ее логическим центром, с его перемещением в конец меняется вся интонационная структура (рис. 4).

Интонация вопросительных предложений с вопросительным словом в постпозиции характеризуется восходящей мелодической кривой до терминального слога, где локализуется интонационный центр, внутри которого тон резко снижается. За счет крутого изменения тона внутриинтонационного центра частотный диапазон фраз значителен. Анализируемые фразы реализуются в верхне-среднем регистре с крутизной широких мелодических интервалов начала и конца. Для данного типа предложений характерно повышение уровня интенсивности до интонационного центра, где локализуются его максимальные значения. Обнаружена тенденция замедленного произнесения интонационного центра, длительность которого значительно превышает среднюю длительность слога (рис. 5).

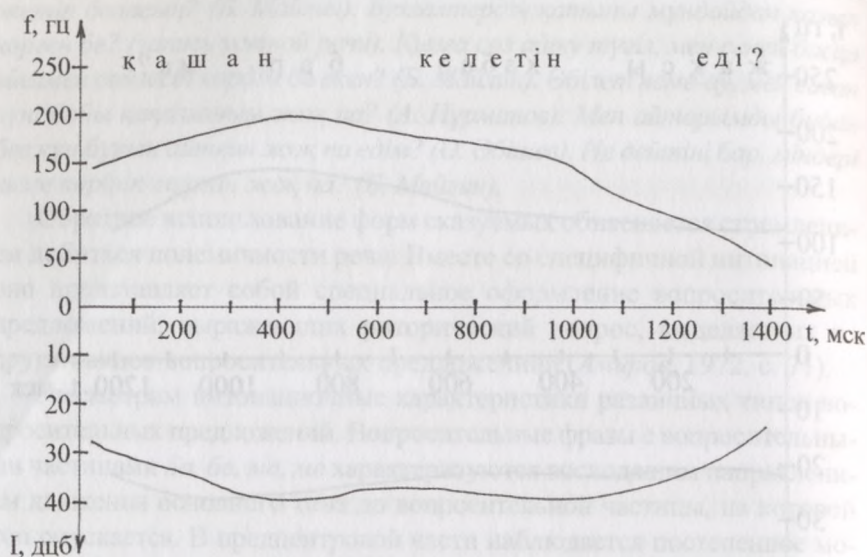

Рис. 4. Интонационный рисунок вопросительной фразы
(с вопросительным словом в начале)

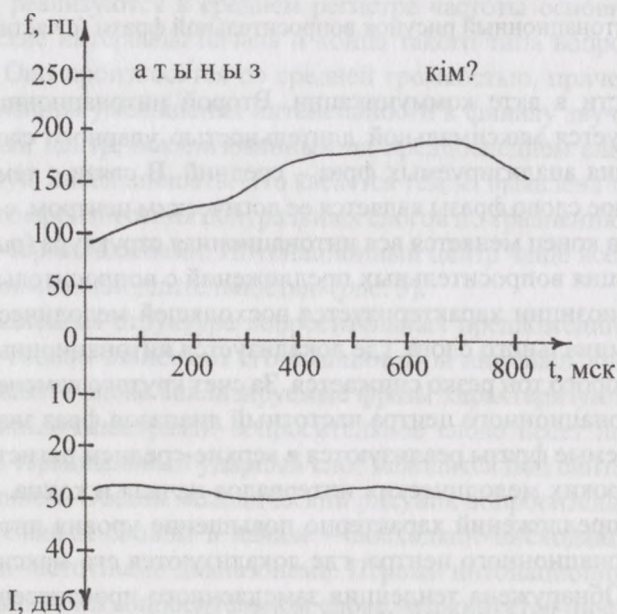

Рис. 5. Интонационный рисунок вопросительной фразы
(с вопросительным словом в конце)

Предложения, выражающие вопрос-сомнение, произносятся в замедленном темпе, с небольшой громкостью. Они реализуются в значительных тональных диапазонах и средних частотных уровнях. Мелодический контур такого типа фраз характеризуется восходящим или восходяще-нисходящим направлением движения основного тона. Мелодический интервал начала и конца фразы характеризуется средними значениями тона. Значение интенсивности фразы меняется прямо пропорционально направлению движения частоты основного тона (рис. 6).

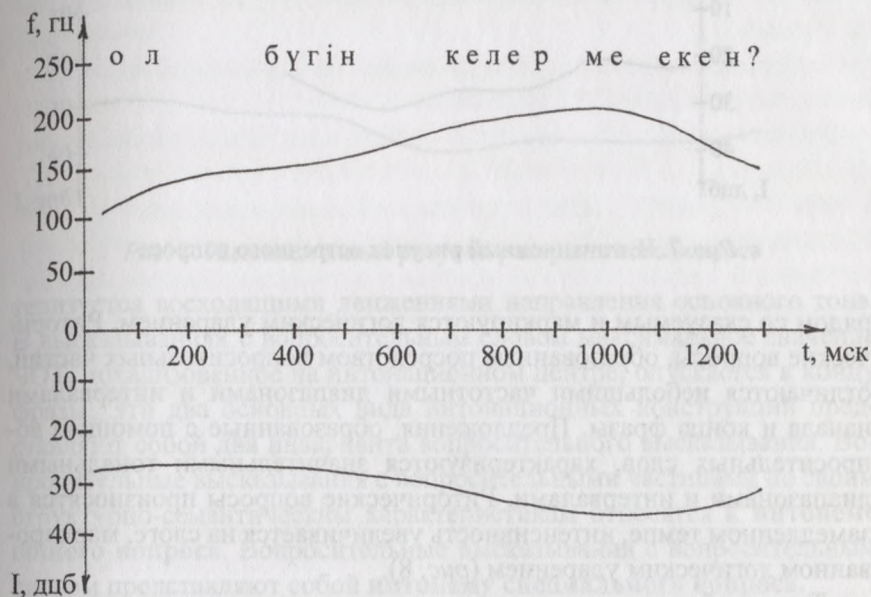

Рис. 6. Интонационный рисунок вопроса-сомнения

Встречные вопросы характеризуются восходящим направлением движения основного тона с локализацией логического ударения на последнем слове фразы. Тональные диапазоны и интервалы такого типа фраз значительны. Они произносятся в убыстренном темпе со средними значениями интенсивности (рис. 7).

Риторические вопросы характеризуются разнообразными мелодическими контурами, реализуясь в верхних тональных регистрах. Слова, предполагающие ответы на вопросы, как правило, находятся

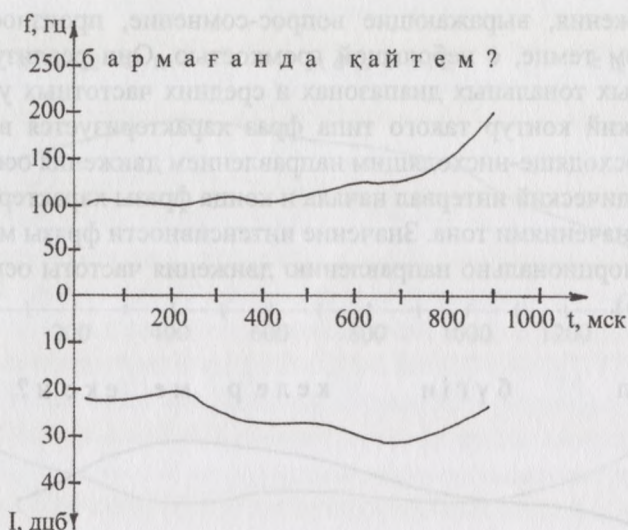

Рис. 7. Интонационный рисунок встречного вопроса

рядом со сказуемым и маркируются логическим ударением. Риторические вопросы, образованные посредством вопросительных частиц, отличаются небольшими частотными диапазонами и интервалами начала и конца фразы. Предложения, образованные с помощью вопросительных слов, характеризуются значительными тональными диапазонами и интервалами. Риторические вопросы произносятся в замедленном темпе, интенсивность увеличивается на слоге, маркированном логическим ударением (рис. 8).

Таким образом, вопросительные предложения делятся на две большие группы: образованные посредством вопросительных частиц и вопросительных слов. Вопросительные частицы и местоименные слова в высказываниях являются предикативными (семантическими) центрами. Интонационные характеристики предложений зависят от расположения вопросительных частиц и местоименных слов, выполняющих роль интонационных центров. Максимальные значения частоты основного тона реализуются на интонационных центрах фразы. Значения интенсивности, соответственно, увеличиваются с показателями ЧОТ. В высказываниях с вопросительными частицами, локализованными в конце фразы, мелодический контур харак-

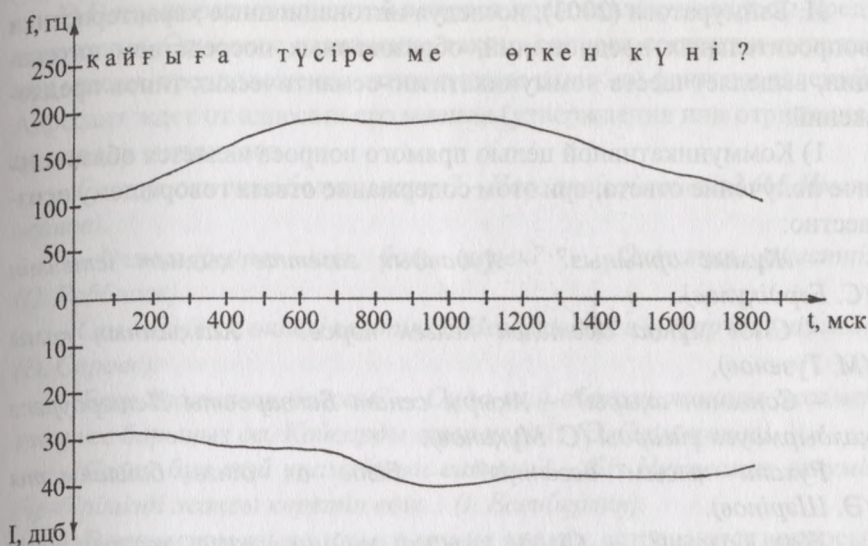

Рис. 8. Интонационный рисунок риторического вопроса

теризуется восходящими движениями направления основного тона. В высказываниях с вопросительным словом максимальное значение ЧОТ, локализованное на интонационном центре, опускается к концу фразы. Эти два основных вида интонационных конструкций представляют собой два инварианта вопросительного высказывания. Вопросительные высказывания с вопросительными частицами по своим структурно-семантическим характеристикам относятся к **интоне́ме общего вопроса**. Вопросительные высказывания с вопросительным словом представляют собой **интоне́му специального вопроса**.

При помощи интонации повествовательное предложение, не изменяя его лексического состава и структуры, можно преобразовать в вопросительное. Это так называемые *вопросительные предложения, образованные посредством интонации*, лишенные специальных лексико-грамматических показателей вопросительности. В таких вопросительных предложениях в выражении коммуникативного значения вопроса единственную нагрузку несет интонация. Вопросительные предложения этого типа формируются в контекстах, речевой ситуации, коммуникативном акте, т. е. в обмене речевыми действиями, которые предполагают говорящего и слушающего.

И. Баймуратова (2003), исследуя интонационные характеристики вопросительных предложений, образованных посредством интонации, выделяет шесть коммуникативно-семантических типов предложений:

1) Коммуникативной целью прямого вопроса является обязательное получение ответа, при этом содержание ответа говорящему неизвестно:

– *Жұмыс орныңыз? – Аудандық газетте қызмет істеймін (С. Бердіқұлов).*

– *Сізді мұнда жетелеп келген нәрсе? – Халқымның қамы (М. Түзенев).*

– *Сонымен ақыры? – Ақыры сенат Банзаровты Петербургке қалдырмауға ұйғарды (С. Мұқанов).*

– *Рухани қысым дегеніңіз? – Бізде ол дінге байланысты (Ә. Шәріпов).*

– *Жол болсын? – Сіздің ауылға мейман әкеле жатыр едік (С. Бердіқұлов).*

Прямые вопросы часто встречаются в диалогах, поэтому они характеризуются краткостью, четкостью. Такие виды вопросов, как правило, не имеют экспрессивно-эмоциональных оттенков. Однако в некоторых случаях они могут нести стилистические функции:

– *Сіздің атыңызды ұмытып қалдым? – Ердаулет (М. Түзенев).*

– *Соның себебі маған түсініксіз болып тұр? – Оны кейін түсіне жатарсың, қазір... (С. Жүнісов).*

Приведенные предложения по структуре представляют собой повествовательные, но их коммуникативная цель, выраженная посредством вопросительной интонации, состоит в получении ответа.

2) С помощью дополнительного вопроса говорящий получает необходимую дополнительную информацию о предмете или явлении к уже полученной ранее.

– *Мекен-жайыңыз? – Қараөткел. – Бала-шағаңыз? – Екі балам бар.*

– *Жас шамалары? – Алды төртте, соңы екіде (Ғ. Мұстафин).*

– *Менімен сапарлас болғанда Қажымұқан қырықты толық орталаған адам. Қырықты асқан соң, – дейді ол, шарлана бастадым. Одан кейін жуандағанмен, салмағым кеміді. – Қазір қанша тартасыз? – Айтуға да тұрмайды. – Дегенмен? – Жеңілдеп қалдым деп тұрған жоқпын ба? – Сонда да? – Қазір 214 кг тартам (С. Мұқанов).*

3) Одну из разновидностей вопроса представляют вопросы-предположения. Основное назначение такого вопроса состоит в выражении мысли, предположения относительно каких-то фактов и явлений. Адресант ждет от адресата его мнения (утверждения или отрицания) по поводу сказанного.

– Гүлнар, сен әнші болуың керек? – Неге олай ойлайсыз? (М. Иманжанов).

– Олжаларыңыз көп болу керек? – Олжасыз еместіңіз (С. Ғаббасов).

– Сен елге бізге өкпелі кеттің? – Неге, сіздерге артар кінәміз жоқ (Ә. Сараев).

– Егер алдамаған болсам? – Онда өзің айтқан жаңағы жолмен лагерьге барыңыз да, Қайсарды алып келіңіз (Ә. Әлімжанов).

– Саған бұл той ұнамайтын сияқты? – Біз Нұржамал екеуміз бір-бірімізді жақсы көретін едік... (І. Есенберлин).

4) В казахском языке, как и в других языках, встречаются вопросы-подтверждения, главное назначение которых состоит в удостоверении, поддержке, одобрении существующих фактов. Согласно ситуации и контексту подтверждается правильность фактов и явлений.

– Әрі ұйымды басқардың? – Ия, ол жұмысты да маған сеніп тапсырған (О. Бодықов).

– Демек, келістіңдер? – Ия, әзірге келістік, ал кейінгісін көре жатармыз? (З. Шашкин).

– Берлиннің өзінен қайттыңыздар? – Жоқ, Берлинге жеткеніміз жоқ, Польшадан қайттық (С. Бердіқұлов).

5) Вопросы-уточнения ставятся с целью выявления точности информации, уточнения уже известных фактов, приведенных в предыдущей фразе.

– Қайсарды ала кетпеші. – Өзі бірге барады да? – Ия. – Ертең?

– Ия, ертең жүрмекші (Ә. Әлімжанов).

– Кәдімгі бай Ахмет, қашқын Ахмет? – Ия, дәл өзі (Қ. Сәрсекеев).

6) Встречный вопрос часто встречается в разговорной речи, в диалогах, используется с целью уяснения содержания предыдущего вопроса; поэтому такие вопросы встречаются в неполных и эллиптических предложениях, неся с собой модально-экспрессивные оттенки.

– Ия, ол менен безетін болып кетті. – Сізден безетін? Түк түсінсем бұйырмасын? – Өзім де онша түсініп отырғаным жоқ.

Мен оған басқа бір әйелді сүйетінімді сездіріп едім, сіздің атыңызды бірден атап салды (С. Жүнісов).

– Менің атымды? – Иә, сіздің атыңызды (Ә. Әлімжанов).

– Олай болса, мен Ташкентке кетемін. – Ташкентке? – Ия, ол жер әкемнің жастық шағы, ең қиын, ең қызықты кезі өткен жер (О. Бодықов).

– Шахтаға түсуге қайта шақырып жатыр. – Тағы да мені? – Бәрі (Ғ. Мұстафин).

Как видно из примеров, коммуникативно-семантические виды исследуемого типа вопроса определяются и классифицируются в зависимости от контекста и речевой ситуации. Приведенные вопросительные высказывания были проанализированы по трем просодическим параметрам речи: частоте основного тона, интенсивности и длительности. Вопросительные высказывания, образованные посредством интонации, характеризуются яркими просодическими характеристиками согласно закону компенсации, когда в выражении вопроса отсутствуют грамматические показатели и одна лишь интонация несет всю коммуникативную нагрузку, являясь единственным средством выражения вопросительности.

Прямые и дополнительные вопросы характеризуются восходящими направлениями движения основного тона, расширенными тональными диапазонами, реализуясь в высоких среднечастотных регистрах. Интонационные центры маркируются максимальными значениями ЧОТ, длительности и интенсивности.

Вопросы-предположения характеризуются восходящими, восходяще-нисходящими направлениями движения основного тона. Тональные интервалы и диапазоны начала и конца фраз соответственно их выражаемому значению незначительны. Динамические и темпоральные параметры, так же как и частотные, меняются в зависимости от экспрессивно-модальных оттенков предложений.

Просодические характеристики вопросов-подтверждений отличаются, как и следовало ожидать, существенными показателями значений частоты основного тона, длительности и интенсивности. Вопросы этого типа реализуются в высоких частотных уровнях, широких тональных диапазонах и в замедленном темпе произнесения.

Вопросы-уточнения характеризуются средними показателями частоты основного тона, интенсивности и длительности. Такие типы

вопросов реализуются в средних регистрах диапазона голоса, их тональные диапазоны и интервалы незначительны, мелодические контуры могут быть самыми различными.

Встречные вопросы характеризуются восходящими направлениями движения основного тона. Они характеризуются ускоренным темпом произнесения, значение интенсивности увеличивается к концу фразы. Тональные диапазоны и интервалы начала и конца фраз значительны. Последний слог синтагмы, как правило, маркируется логическим ударением.

Таким образом, анализ просодических характеристик вопросительных предложений, образованных посредством интонации, показал, что несмотря на их интонационное разнообразие, они представляют собой два инварианта **интоном общего и специального вопроса с их вариантами.**

Интонационные характеристики побудительных предложений

Побудительные предложения выражают волю, стремление говорящего побудить собеседника к совершению какого-либо действия. Побудительные предложения могут выражать приказание или распоряжение, требование, предложение, призыв, просьбу, совет, разъяснение, убеждение, предупреждение и т. д. Основная сфера использования побудительных предложений – прямая речь. Они придают живость и эмоциональность предложению, передают непосредственность разговорной речи. Побудительные предложения оформляются: а) посредством различных форм выражения сказуемого (прежде всего в форме повелительного наклонения с помощью аффиксов: в первом лице – айын, -ейін, -йын, -йін; айық, -ейік, -йық, -йік; во втором лице – ыңыз, -іңіз, -ңыз, -ңіз; -ыңыздар, -іңіздер, -ңіздер; в третьем лице – сың, -сін; б) посредством использования специальных аффиксов –шы, -ші: *Сіз барыңызшы! Келіңізші! Әйгерім, сен бері қарашы! (М. Әуезов); Келші, қалқам, менің қасыма отыршы! Мына жұмысты тезірек бітірші! (Ә. Әбішев).* По способу выражения сказуемого побудительные предложения могут выражать разные оттенки категоричности: *Қамшы дәл өз басына тигендей жаны шығып кеткен*

Күсен: – Ұрма аттың басына! – деп ақырып қалды. (С. Мұратбеков). Ондай бюроны тарату керек! (Ғ. Мұстафин). Сәмбет енді столды жұдырығымен қойып қалды: – Мен саған айтып отырмын, Қазиев! Шық! Кет кеңседен! Кет дегенде ит те кетеді!.. – деп долдана айқайлап жіберді. (С. Мұратбеков). Ендігіңді өзің біл!; Өзің ойлап, өзің шеш! (М. Әуезов); Құлат мынау үйлерді! (М. Әуезов), Анау ишге қарай тура тарт! (Ғ. Мұстафин). Тарт тіліңді! Жоғал көзіме көрінбей! – деп Ысқақ кимелеп кетті (С. Ерубаев). Во втором лице множественного числа побуждение передается мягче: Тобығыңызбен осында түсіңіздер! (М. Әуезов). Орындарыңыздан тұрмауларыңызды өтінемін. Белбеулеріңізді байлаңыздар! (С. Мұратбеков). Просьба может передаваться также глаголами во втором лице с помощью усилительных аффиксов –шы, –ші, сопровождающихся эмоционально-экспрессивными оттенками: Апатайлар, мені ала кетсеңдерші! Мен өзім жүре алам ғой, – деп жалынды бір кезде (Т. Ахтанов). Аға, мені тракторыма апарып салыңызшы! – деді оған жапақтай қараған қыз өтініп (С. Мұратбеков). Қымбатты бауырларым, көмектесіңіздерші, қор болдық қой!-деп жалбарынды Айгүл («Қазақстан әйелдері» журналы). Кіші ана деймін! Не дегенін сұрашы тым құрымаса! (М. Әуезов). Аяғыңызды шешіп, жазылып отырсаңызшы! (С. Мұратбеков).

Первое лицо множественного числа в функции повелительного наклонения имеет значение приглашения к совместному действию в виде просьбы, побуждения: Бол енді тез, боран соғып кетпей жетіп алайық, деді Бәзікен (С. Мұқанов). Балағаз бен Абылғазыны ұлыққа қуғызғалы отырмыз. Солардың қағазын мықтап бол да, Семейге тез жөнелт! Тентек деген азды қуайық! Шығара қуайық! Мына малды қайтарайық! – деген. (М. Әуезов). Тысқа шығайық жүр! (М. Әуезов); В разговорной речи в значении побудительных часто используются разнообразные неполные предложения, имеющие значение безоговорочного требования. Қалма! Апарып сал! (М. Әуезов); Ертіп апар солай! (М. Әуезов); Даусыңызды көтермеңіз! Абай болыңыз! Айтпа оны анаған! Қой әңгімені! Кел, көрейік! Тыңдаңдар мені! Байқа, жай жүр! Жығылып қалма! Кәне жолдастар! Тамаққа жүріңіздер! Бері шықшы! Кел, отыр қасыма!

Как видно из примеров, побудительные предложения имеют непосредственное воздействие на собеседника с целью повлиять на его поступки, взгляды, волевые процессы, эмоционально-психологическое

состояние. В следующих примерах А. Байтурсынова показано употребление повелительных предложений в поэтической речи:

*Келiңдер, боз балалар, атты алыңдар!
Жетектеп тоғайына ап барыңдар!
Жабыңдар жабуына түкті кілем,
Тазалап, жуып, тарап, баптаңыздар!
Жеміне ең қалаулы сұлы алыңдар!
Бұлақтың суымен әм суарыңдар!
Ақсүйек етсін мені – айт балыққа!
Көрінбей жоғал шапшаң, көзіме енді!
Кет, шық!
Бар! Жүгір! Ұш!*

В результате экспериментально-фонетического анализа интонации побудительных предложений на материале казахского языка было выявлено, что различные виды побуждений (просьба, совет, пожелание, требование, приказ) характеризуются довольно единообразной интонацией. Постоянным признаком интонации побуждения является высокое начало с последующим понижением тона до минимального уровня в конце. Несмотря на разнообразие значений, выражаемых побуждением, можно выделить две наиболее отличительные интонации: вежливой просьбы и категорического приказа, между которыми располагаются по степени императивности и другие виды. При общем направлении движения основного тона для всех видов побуждений свойственны различия в крутизне мелодических и динамических интервалов и диапазонов.

Если интонации приказа присущи широкие частотные диапазоны со значительными интервалами тона, то интонация просьбы характеризуется умеренными частотными диапазонами и интервалами. Предцентровая часть всех видов побуждений сосредоточена в верхней полосе тонального диапазона. При восходяще-нисходящем направлении движения основного тона перелом мелодического контура сопровождается крутизной падения тона внутри гласной интонационного центра. Гласный интонационного центра произносится с нисходящим движением тона, характеризуясь усилением логического ударения. Интонационный центр фразы маркируется всеми тремя акустическими параметрами частоты основного тона, интенсивности и длительности

(рис. 9, 10). Таким образом, интонационные характеристики различных типов побудительных высказываний соотносятся с двумя видами ин-
тонем: категоричного побуждения и вежливой просьбы.

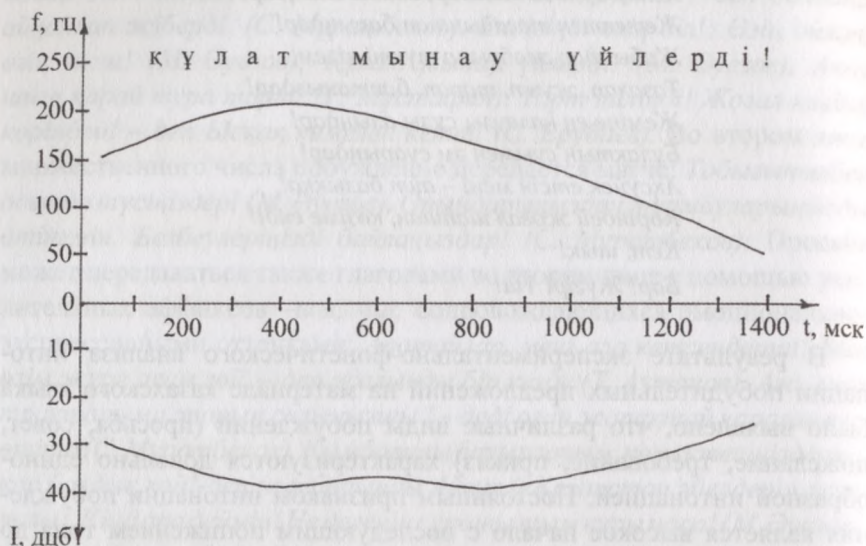

Рис. 9. Интонационный рисунок побудительной фразы (приказа)

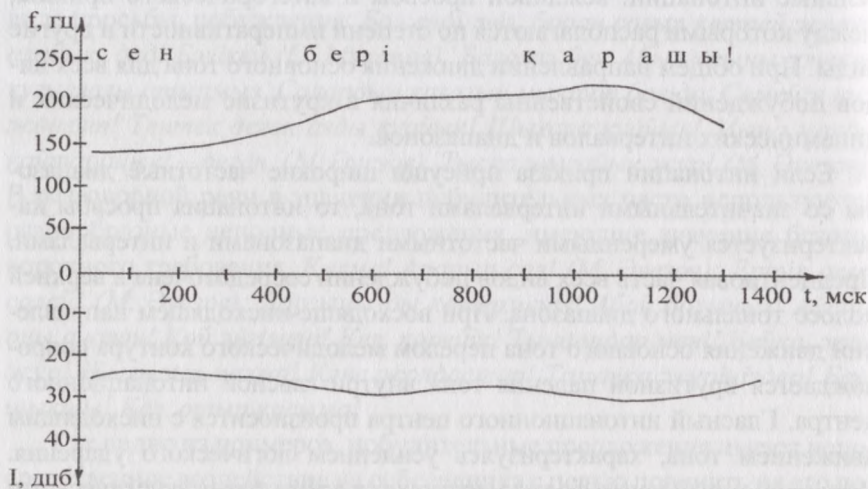

Рис. 10. Интонационный рисунок побудительной фразы (просьбы)

Интонационные характеристики восклицательных предложений

Восклицательные предложения характеризуют эмоционально насыщенную речь, поэтому они широко используются в поэзии, в публицистике. Восклицательные предложения характерны также для разговорной речи, где некоторая логическая незавершенность восклицательных фраз возмещается их эмоциональной нагрузкой, ситуацией, жестом. И. Г. Торсуева отмечает, что «именно благодаря исследованиям интонации стало возможным выделение восклицания в самостоятельный коммуникативный тип, и приводит в пример фразы-клише, не имеющие грамматической структуры: *Le Garde! – Ah! Ça non! Pas d'histoires! Une lettre! Comme vous y allez, vous!* (И. Г. Торсуева, 1979, с. 26).

Эмоциональную окраску могут иметь различные типы высказываний. В казахском художественном тексте часто можно встретить вопросительно-восклицательные предложения. Приведем отрывок из произведения Ж. Аймауытова «Ақбілек», где наряду с восклицательными фразами встречаются вопросительно-восклицательные: *Мынау – өзен. Күздігүні бұл өзенде ел отырмаушы ма еді?! Жиегінде жол жатыр ғой!... Ойбай-ау, жақын жердегі ел шаттағы орыстардан босып кеткен екен ғой! Мал-жанын да билік қылды ма?.. Талай қызы мен сияқты соры қайнады ғой!... Бірақ тап мендей болғаны жоқ шығар. Қостарына әкелген әйелдер көрінбейді ғой. Әлде өлтіріп тастап жүрді ме? Орыс шіркін адамды аямайды екен-ау! Құрғырдың атын атамайыншы, тағы келіп қалар! Қой, қазақ бұлармен не ғып соғыса алсын?! Не қауқары бар?! Әлде қазақ біткенді қырып тастап, малдарын, қыз-келіншектерін тартып алғалы жүр ме?! Бесалтауы барса да, мылтықтарымен тайпа елді жусатпай ма?! Ойбай-ау! Әлгі әкемдер «ақтар, қызылдар» деп отырушы еді! Сонысы ма әлде?! Қызыл да орыс па екен?! Олар да қыз алып қаша ма екен?! Апырым-ай, апырым-ай! Жасаған-ай! Енді қайтейін!.. – деп, тамсанып-тамсанып қойды.*

Некоторые лингвисты исследуют интонацию эмоциональных предложений с точки зрения выражаемых ими эмоций, объединяя в группы на основе их интонационного выражения. По этому принципу было выделено 10 эмотивных интоном, выражающих радость, испуг, нежность,

удивление, равнодушие, гнев, печаль, презрение, стыд, обида (Витт, 1965). Такая методика выделения эмотивных интоном была использована Л. К. Цеplitисом, правда, он оговаривает, что «уточнение количества эмотивных интоном не снимает ряд трудностей, возникающих при анализе конкретного языкового материала, границы между указанными группами эмоциональных состояний иногда бывают нечеткими, например, порой трудно определить, выражается ли в данном высказывании гнев, презрение или обида, радость или нежность, иными словами, можно ожидать, что одни и те же эмоциональные высказывания при анализе их исследователями лишь частично получают одни и те же характеристики» (Цеplitис, 1974, с. 189).

По мнению И. Г. Торсуевой, «представляется неправомерным поиск специальных единиц интонации (типа «интонома гнева, интонома радости» и т. п.), имеющих своей функцией выражение конкретных эмоций, выражение эмоций может быть передано через коммуникативный тип высказывания и через его смысловое членение. То, что исследователи принимают за интономы радости или раздражения, есть не что иное, как свободные варианты коммуникативных и экспрессивных единиц интонации» (Торсуева, 1979, с. 88). Таким образом, различные виды эмоции передаются восклицательными коммуникативными типами, поэтому достаточно, на наш взгляд, подвергнуть анализу восклицательные предложения, несущие разнообразные эмоциональные оттенки.

Для экспериментально-фонетического анализа мы поделили восклицательные предложения на две основные разновидности: 1) высказывания, которые становятся восклицательными благодаря только интонации: *Бұл түс емес! (М. Әуезов); Сүйініші, күйеу келеді! (Алпамыс батыр); Тамаша мұнда екен! Дәл қаланың үйі! (М. Әуезов); Алғыс деген аз сөз! (М. Әуезов); Ғажап жігіт екен! (Ғ. Мұстафин). Абраим, бұл сен екенсің ғой! Кел! Кел! Досың сені тосып отыр! (М. Әуезов);* 2) предложение, в которых восклицание выражено грамматически с помощью местоименных слов, наречий или междометий: *Қандай ақылды адам! (Ғ. Мұстафин); Уа, салдар келеді! (Ғ. Мұстафин); Неткен айтқыш тіл! (М. Әуезов); Ә-ә-й, жолың болмас-ау сенің! (М. Әуезов); Ойтырай, тамаша екен! (Ғ. Мұстафин); Тұу, аяз келді-ау! (М. Әуезов); Ойбай, сен аулақ жүр! (Алпамыс батыр); Кәпір-ай, бірер жұтым қоя салмайсың-ау! (Ж. Аймауытов); Сорлы-ай, арманда кеткен екен!*

(Ж. Аймауытов). Уһ, шаршап қалыптын зой! Абайжан-ау, қайдағыны айтқыздың-ау! (М. Әуезов).

Обе группы восклицательных предложений имеют различные эмоциональные оттенки и интонационные характеристики. Наряду с определенными просодическими параметрами в передаче различных эмоций восклицательных предложений большая роль отводится тембральным характеристикам, а также таким элементам, как аспирация, дрожание голоса, передающих психоэмоциональное состояние говорящего.

Мелодический контур восклицаний может быть самым различным: восходяще-нисходящим, ровно-восходящим, восходящим. Тональные диапазоны и интервалы варьируют в зависимости от значения, выражаемых предложением, в силу эмоциональных оттенков наблюдается тенденция расширенного диапазона частоты основного тона и крутизны интервалов. Темпоральные и динамические параметры меняются в соответствии с содержанием восклицательного высказывания. Восклицательные предложения являются ярким примером связи интонации с семантикой.

В первой группе восклицательных предложений интонационный центр чаще всего локализуется в терминальной части, маркированной максимальными значениями частоты основного тона, интенсивности и длительности (рис. 11).

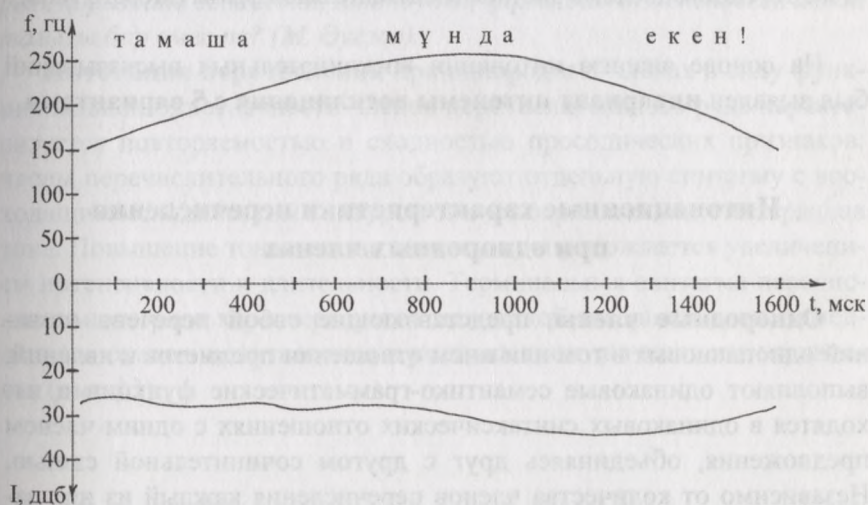

Рис. 11. Интонационный рисунок восклицательной фразы (первого типа)

Во второй группе восклицательных предложений эмоционально окрашенные слова произносятся на самом высоком тоне с максимальной интенсивностью и длительностью и являются первым интонационным центром. Второй интонационный центр, локализованный в терминальной части, характеризуется резким понижением тона внутри гласной до минимального значения (рис. 12).

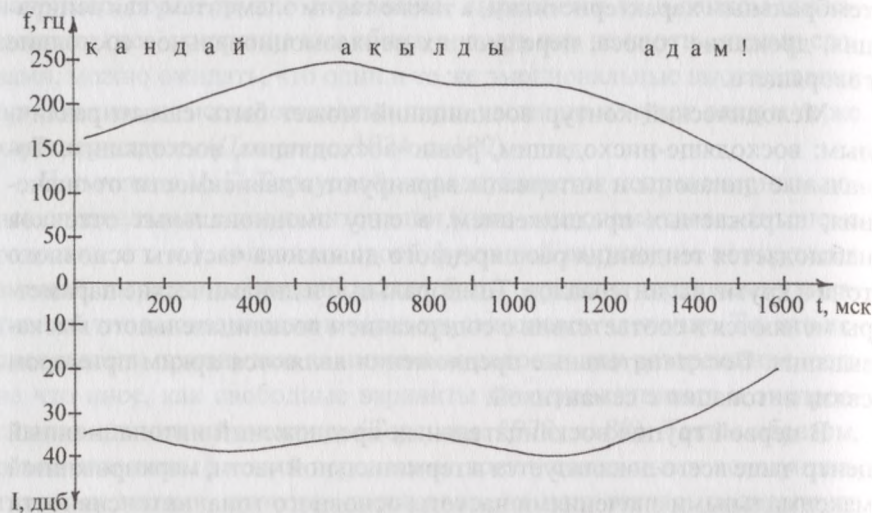

Рис. 12. Интонационный рисунок восклицательной фразы (второго типа)

На основе анализа интонации восклицательных высказываний был выявлен **инвариант интонации восклицания с 5 вариантами**.

Интонационные характеристики перечисления при однородных членах

Однородные члены, представляющие собой перечень названий одноплановых в том или ином отношении предметов и явлений, выполняют одинаковые семантико-грамматические функции и находятся в одинаковых синтаксических отношениях с одним членом предложения, объединяясь друг с другом сочинительной связью. Независимо от количества членов перечисления каждый из них занимает одну и ту же синтаксическую позицию, т. е. является одним

членом предложения. Например: *Алтынай малын сауады, өгізді көздейді, байлайды, отын тереді, отын жағады, суын әкеледі, күлін шығарады, тамағын істейді, киімін өзі тігеді, үйін жияды, сыпырады, қорасын тазалайды (Ж. Аймауытов). Апталар, айлар, жылдар өтсін (Алпамыс батыр). Баян – жердің шұрайы. Тас, орман жеміс, көл, бұлақ, былқылдақ, егін, шабын – бәрі Баянда (Ж. Аймауытов). Адамның, елдің, жұрттың, таптың, ұлттың сырын, мінезін танып көрсету – мінездеме болады (А. Байтұрсынов).*

Синтаксическая однородность тесно связана с однородностью смысловой, логической. Это проявляется в том, что однородные члены предложения называют понятия, стоящие в одном логическом ряду. Однородными могут быть как главные, так и второстепенные члены предложения. Однородные члены предложения могут быть нераспространенными и распространенными, т. е. могут иметь при себе пояснительные слова. Например: *Біз ғылым, мәдениет, жақсы әдебиет, мәдени тарих – барлығын осы қазақ тілінде де жасауға болады, жасаймыз дейміз (М. Әуезов). Келгенде: ана кезең жақтан, анау шиден, ана қарағанды сайдан келеді десе – сол жерлерден айтқандай шығады (М. Әуезов). Шаршаған, қажыған, тоңған денесі ширыға сілкініп алды. Талай заман ашығып, үрпін, құзды қуалай жоғары-төмен шүйіп сорғалап жүріп, аяғында жүгірген бір жемін екпіндеп келіп соғып жығып, тұяғына бүктеп басып сығымдап отырып, қораздана сілкінетін, Алатаудың қарлы басын мекендеген аспан тағысы бар емес пе? (М. Әуезов).*

Интонация перечисления при однородных членах в силу функциональной однозначности членов перечислительного ряда характеризуется повторяемостью и сходностью просодических признаков: члены перечислительного ряда образуют отдельную синтагму с восходящим мелодическим контуром за счет отрицательных интервалов тона. Повышение тона в конце синтагмы сопровождается увеличением интенсивности и длительности. Терминальная синтагма перечислительного ряда характеризуется мелодикой завершенности, замедленным темпом произнесения и уменьшением значения интенсивности (рис. 13).

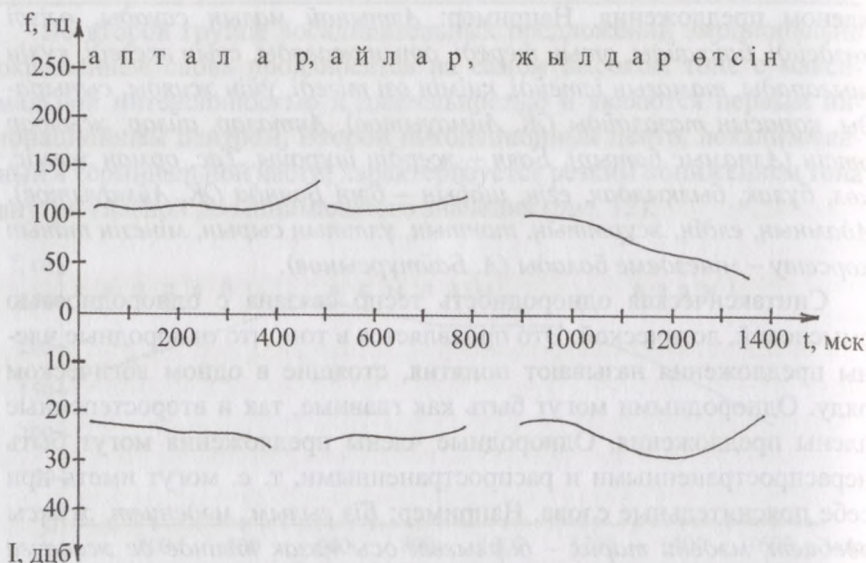

Рис. 13. Интонационный рисунок перечисления

При перечислениях, представляющих собой группу слов или целые предложения, мелодический контур может быть нисходяще-восходяще-нисходящим. В этом случае среди членов перечисления могут находиться логически выделенные слова, маркированные максимальными значениями акустических параметров. В эмоционально окрашенных высказываниях синтагмы перечислительного ряда независимо от формы мелодической кривой реализуются в расширенных тональных и динамических диапазонах. Синтагма, предшествующая однородным членам, если она есть, чаще всего характеризуется нисходящим направлением движения основного тона. *Төстік жолға шығады: беліне садақ байлап, қолына темір таяқ алып, аяғына темір етік киеді; Ай жүреді, жыл жүреді, талай елді, талай жерді аралайды (Ер Төстік); Кемпіріне жетіп барып, қаһарын төгіп, қали-қали етіп тұрған сияқты еді (Ә. Нұрпейісов). Күні бойы қай-қайдағы ой қамап, құдды ит баурынан өнген күшіктей қыңсылап, ұлып, бұл сорлының жанын шығарып, жабылып талап жатыр, талап жатыр (Ә. Нұрпейісов). Заманында бұлғақтаған қазақтың талай боздағының түндігі ашусыз қалған ақ ордаларда сол адыра қалғыр*

боқ дүние – қалы кілем, құндыз ішік, түлкі ішік, қасқыр ішік, жиназ-мүлік жинауымен қалмап па еді? (Ә. Нұрпейісов).

В грамматическом объединении однородных членов кроме перечислительной интонации участвуют сочинительные союзы. Использование конкретного способа объединения зависит от характера передаваемых смысловых отношений. Однородные члены могут соединяться с помощью трех видов союзов: *ыңғайластық* (уподобления), *қарсылықты* (противительных) и *талғаулықты* (разделительных) в зависимости от того, какие отношения выражаются ими.

Однородные члены с союзами уподобления (*және, тағы, да/де, та/те, әрі, мен/бен, пен, менен*) обозначают такие предметы и явления, которые в выражаемой ситуации чем-либо объединены между собой. Такие однородные члены представляют собой открытую структуру, т. е. члены перечислительного ряда могут дополняться. Перечислительная интонация характеризуется повышением тона в конце каждой части, между частями – небольшие паузы, свидетельствующие о плавном переходе к последующей синтагме; последняя, заключающая часть предложения имеет интонацию законченного сообщения. *Жақсылық та, Баршагүл де, Қайырбек те, Мұхит та... шапшаң бұрылып төңірекке көздерін жіті жүгіртеді* (Ғ. Сыланов). *Туған жеріңе істеп отырған мына қиянатыңды елің де, жерің де кешпейді* (Ә. Нұрпейісов). *Аңдары да, құстары да қауіп-қатер қаперіне кірмей, бейқам өмір кешкен екен дейді* (Ә. Нұрпейісов).

Спаренные однородные члены образуют самостоятельную синтагму с нисходяще-восходящим направлением движения основного тона. На последнем слоге каждой синтагмы локализуются пиковые значения частоты основного тона, интенсивности и длительности. *Ұлы әңгіме, // ұзақ әңгіме, // ұсақ әңгіме болып бөлінулері // үлкен-кішілігінен гана* (А. Байтұрсынов). При спаренных однородных членах могут находиться союзы. *Ақ пен қара, // қызыл мен көк, // күрең мен қына сары // біріне-бірі еппен тоғысып, // бәрі жымдасып тұр* (Ғ. Мүсірепов).

В основе противительных отношений, выражаемых противительными союзами (*бірақ, бірақ та, сонда да, алай да*), лежит противоположность двух понятий. Однородные члены этого типа представляют собой закрытую структуру, т. е. к имеющимся двум однородным членам нельзя добавить третий. Оба однородных члена отделяются друг

от друга паузой, образуя отдельные синтагмы, противительные союзы входят во вторую синтагму в виде ритмической группы, маркируясь максимальными значениями частоты основного тона, интенсивности и длительности. *Біз сыртқа шығайық, // бірақ / ұзап кетпейік. Қазақта айтыс өлең көп, // бірақ / бұлар да ел ішінде жоғалып, сиреп барады* (А. Байтұрсынов).

Общее значение разделительных отношений, выражаемых разделительными союзами (*я, не, немесе, не болмаса, біресе, әлде*), состоит в том, что из всех перечисленных явлений в данный момент возможно одно. Предложения с разделительными союзами представляют открытую структуру, к которой можно добавить дополнительные однородные члены.

Разделительные союзы таких предложений примыкают к однородным членам, образуя с ними отдельную синтагму с восходящим и нисходяще-восходящим направлением частоты основного тона. Максимальные значения тональных, динамических и временных параметров локализуются на конечных слогах каждой синтагмы. *Сазарған түсінен не көргендігі, // не қарсылығы байқалмады* (Ғ. Мұстафин). *Толқын / біресе жарды сүзіп, // біресе қайтып бұрқанып жатыр екен* (С. Мұқанов). *Алды-артында / не ық, // не пана / жоқ // аңыраған ашық теңіз үстінде // күнұзын / екі аяқтан сарсылып // тұра-тұра жілігі де // жеміріліп барады* (Ә. Нұрпейісов). *Ойлау екі түрлі: // адам ойлағанда // я нәрсеге тиісініше ойлайды, // я көңілің түйісініше ойлайды* (А. Байтұрсынов).

Однородные члены предложения нередко сочетаются с обобщающим словом. Обобщающее слово – это грамматическая форма для называния ближайшего родового или более широкого понятия, объединяющего видовые или частные понятия, обозначенные соответствующим рядом однородных членов предложений. *Шежіре, заман-хат, өмірбаян, мінездеме – бәрі де тарихтың жемі есебіндегі нәрселер* (А. Байтұрсынов). *Әке-шеше, туысқан-туған, мал-мүлік, ең қымбатты жан – солардың бәрін жұрт қамының жолында бір тиынға баламағанын байқаймыз* (А. Байтұрсынов). *Орман, теңіз, тау, өзең, бұлақ – бұлар табиғат ісінен шыққан жаратынды нәрселер* (А. Байтұрсынов). *Ес ұғымының арқасында дүниедегі нәрселердің бәрін, задын, сырын, сипатын, мүдетін, мұратын танимыз* (А. Байтұрсынов).

В казахском языке в качестве обобщающего слова могут выступать имена собственные, вернее, последнее имя с окончанием множественного числа. *Абай, Біржан, Ербол, Әйгерімдер тысқа шығып, оларды аттандырды (М. Әуезов). Өлең жазған Пушкин, Лермонтов, Некрасовтар қазақтың би-болыстарынан гөрі қадірлі екендігін Абайға түсіндірген. (А. Байтұрсынов). Абайы біздің Әбубәкір, Сейдахмет, Ақмоллаларымыз сықылды біреу ғой деп жүрдім. (А. Байтұрсынов).* Иногда роль обобщающего слова выполняют числительные: *Жұрт тарай бастағанда, / Михаил, / Айдынғали, / Жақсылық үшеуі оңаша қалған еді (Ғ. Сыланов).*

Таким видам предложений присущи повторяющиеся просодические признаки, характерные интонации перечисления. Обобщающие слова являются интонационными центрами, поэтому они характеризуются яркими просодическими параметрами, акцентируясь за счет пиковых значений частоты основного тона, интенсивности и длительности. Логическая выделенность обобщающих слов передается расширенными тональными и динамическими диапазонами, значительными мелодическими интервалами начала и конца слова.

Интонационную структуру перечисления при однородных членах схематично можно передать следующим образом:

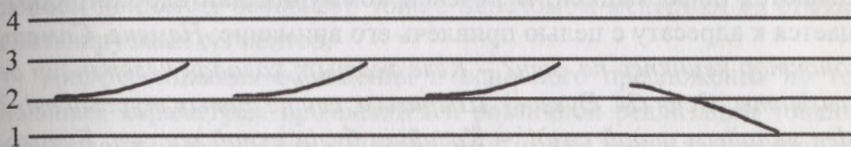

Рис.14. Интонационная схема перечисления при однородных членах

Таким образом, неконечные синтагмы однородных членов представляют собой **интоне́му незавершенности и вводности**, а конечные синтагмы образуют **интоне́му завершенности**.

Интонационные характеристики обращения

Функцией обращения является установление контакта с собеседником с помощью слова или группы слов, называющих того, к кому обращена речь. В зависимости от ситуации общения обращение может быть использовано для привлечения внимания собеседника, с це-

лью информирования о том, что именно к нему обращаются с речью. *Әке, бір тілек сұрай келдім; Айта ғой, шырағым; Алдымда асқар таудай өзіңіз тұрғанда, әке, еш нәрсені уәйім етпеймін; Құлағым сенде, мыстаным (Алпамыс батыр); Әйгерім, сен бері қарашы! (М. Әуезов); Мырзалар, мына халықты шығарыңдар. Біздің өте тығыз сөзіміз бар... (М. Әуезов). Ажар, мыналардың мына жұмысын мен тура партияның алдына саламын (М. Әуезов).*

Если подходить к категории обращения с точки зрения теории речевой коммуникации, то следует обратить внимание на то, что предварительную готовность к предполагаемым коммуникативным актам обеспечивает набор общих **прагматических пресуппозиций**, находящихся в распоряжении субъекта. Имеющиеся в наличии пресуппозиции являются главным условием понимания ассерции. При вступлении адресанта в коммуникативный акт общие пресуппозиции определяют дальнейший ход мыслей. Другими словами, ассерцию можно понять, только имея в своем распоряжении пресуппозицию. Акт речевого взаимодействия между носителями языка есть коммуникативный акт, в ходе которого носители языка решают прежде всего коммуникативные задачи, т. е. обмениваются информацией. В речевой коммуникации адресант обращается к адресату с целью привлечь его внимание: *Немене, Самат, қонақтар кешікпес пе екен? – Келе жатыр, қаладан келетіндер де шығыпты, Әсия (М. Әуезов). Шырағым, сен не айтып тұрсың өзің? Мен ұқпайым ондай сөзді. – Қалайша бүгін ұқпай қапсыз, Батырша (М. Әуезов). Жиренше, сіз үлкен кісісіз. Жол айтуым жөні жоқ, бірақ біздің бастан тарақ қалғалы қашан деп таз қыз айтыпты ғой, сол тәрізді ұмытқан нәрсеңізді қозғап қайтесіз? – Жоқ, Керім, мен түкті де ұмытқам жоқ. Бәрі есімде. Ұмытқан сенсің, болмаса жесірдің жақсысы Қыз Жібек еді, есіңе алсаң, оны неге ұмытасың (М. Әуезов). Айтайын мұның мәнін, балам, саған: шырағым, түрін көріп таңданба оған (А. Байтұрсынов).*

Выбор определенной формы обращения почти всегда прямо или косвенно отражает отношение к собеседнику, обусловленное самыми различными факторами, начиная от отношений возрастной и социальной иерархии, кончая личными отношениями между ними, эмоциональным состоянием говорящего в данной ситуации, степенью его этической культуры. Этикетно-речевые формулы обращения в

каждой ситуации связаны с национальными традициями, протоколом официально-деловых церемоний, переговоров и т. д. *Шырағым, мен жазамды тартып болдым ғой (М. Әуезов). Самат аға, мына жерде жан жүйесіне жүйрік адам керек боп қалды (М. Әуезов). Қарағым балам, осы болары болып, бояуы сіңді ғой. Анау жұрт та, өздерің де тойып болдыңдар ғой (М. Әуезов). Жоқ, шырақтар, мен сынсам сынармын, бірақ майыспаспын (М. Әуезов). Аманы бар ма дейсің, Ғайныш, мына тұр ғой, мінекей, айылын жимас қара ағашың (М. Әуезов). Бірақ сонымен қатар, Сәлім, программаның сарынын аңғарсаңдаршы (М. Әуезов). Ендеше, Қажеке, уәде қылып қоялық (Ж. Аймауытов). Денің сау ма, қарағым? (Ж. Аймауытов); Ақыретте тәңір алдында бір тамшы қанымызды да сенің мойныңа жүктемейік, тақсырым (М. Әуезов). Мен көп қобалжып, көп толқысам да сол өзің қойып кеткен жеріңнен көп ұзаған жоқ ем, Рая (М. Әуезов). Мен неткен ақмақпын, жаным-ау (М. Әуезов).*

Интонация обращения в казахском языке характеризуется большой вариативностью и зависит от его позиции в предложении. В препозиционном положении обращение выделяется паузой в отдельную синтагму с восходящим, восходяще-нисходящим или ровным направлением движения основного тона с переломом мелодики на стыках анализируемых сегментов.

Дифференциация обращений и основного предложения по тональным параметрам проявляется в различной реализации тональных уровней. Обращения имеют более высокие тональные уровни по сравнению с основным предложением. Величина тональных диапазонов зависит от длины анализируемого сегмента и прямо пропорциональна ему.

Динамические и временные параметры также свидетельствуют об интонационной выделенности обращений. Они характеризуются значительными диапазонами интенсивности, произносятся с большей энергией и в замедленном темпе. Обращения в препозиции имеют яркие интонационные характеристики, обладая большой информативной нагруженностью (рис. 15).

В интерпозиции интонационные характеристики обращения схожи с вводностью. Выделяясь в отдельную синтагму, обращение имеет различное направление движения основного тона (восходящее, нисходяще-восходящее, восходяще-нисходящее, ровное) с незначительными интер-

валами тона на стыках. Обращение в интерпозиции имеет суженные тональные и динамические диапазоны, реализуясь в более низких среднечастотных уровнях и умеренном темпе произнесения (рис. 16).

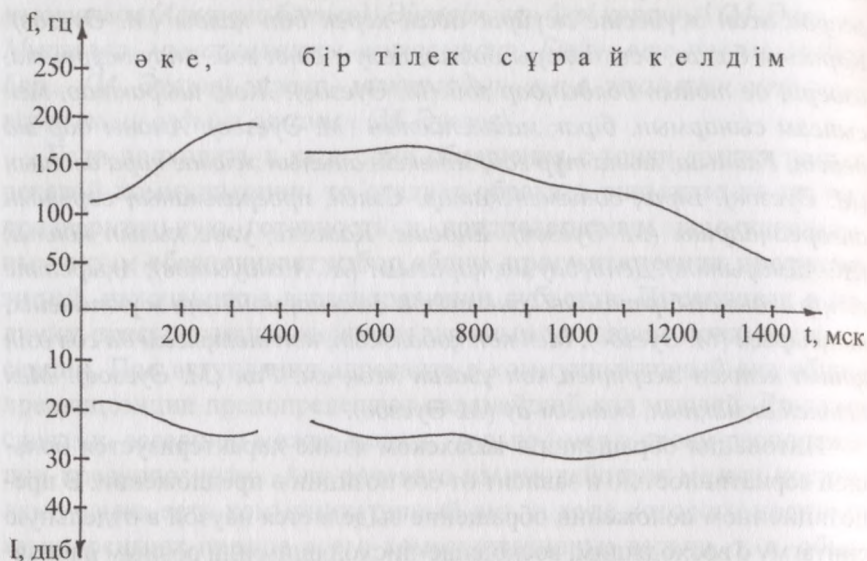

Рис. 15. Интонационный рисунок обращения в препозиции

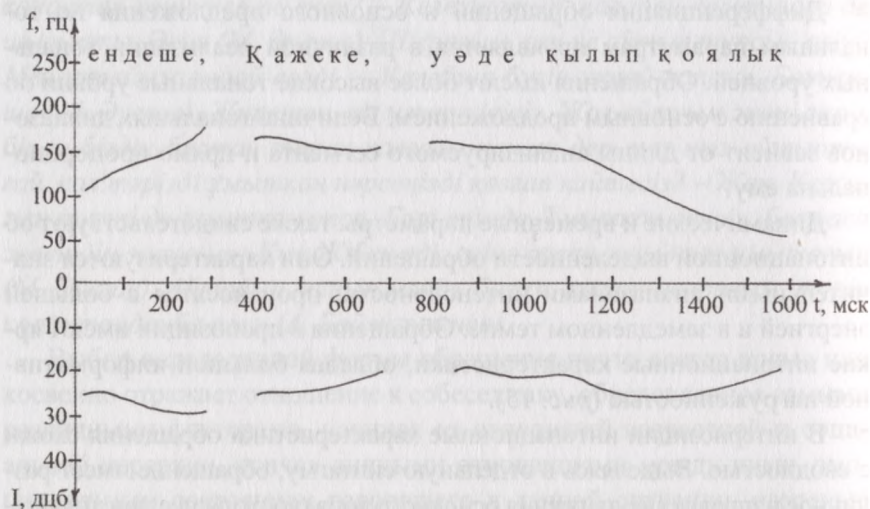

Рис. 16. Интонационный рисунок обращения в интерпозиции

В постпозиции интонация обращения нивелируется, реализуясь в нижней половине диапазона голоса с нисходящей или ровной мелодической кривой. В данной позиции обращение может не отделяться паузой от предшествующей синтагмы, характеризуясь суженными тональными и динамическими диапазонами, ускоренным темпом произнесения и малыми значениями интенсивности без артикуляционной напряженности (рис. 17).

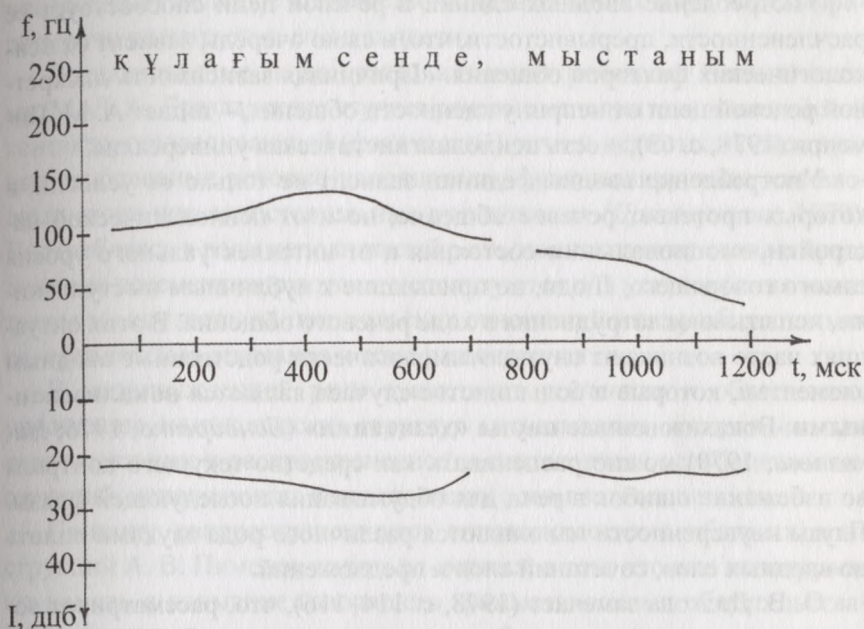

Рис. 17. Интонационный рисунок обращения в постпозиции

Итак, обращение по своим интонационным характеристикам соответствует **интоне не завершенности** и **вставке** в препозиции и интерпозиции и **интоне завершенности** в постпозиции.

Интонационные характеристики вводных единиц

Кроме главных и второстепенных членов в простом предложении встречаются слова и группы слов, которые не являются членами предложения и не вступают в синтаксические связи с ними — вводные и встав-

ные конструкции. Они тесно связаны с содержанием предложения, и поэтому их нельзя исключить без нарушения смысла предложения.

Назначение вводных единиц связано с потребностью говорящего (пишущего) выразить свое личное отношение к высказываемой мысли, сблизиться с психологическим состоянием слушающего, оказать на него определенное воздействие с целью создания эмоционального настроения, увлечь собеседника и добиться максимального контакта с ним.

Употребление вводных единиц в речевой цепи способствует ее расчлененности, прерывистости, что, в свою очередь, зависит от психологических факторов общения. «Причинная зависимость дискретной речевой цепи от непринужденности общения, — пишет А. М. Пименов (1978, с. 63), — есть психолингвистическая универсалия.

Употребление вводных единиц зависит не только от условий, в которых протекает речевое общение, но и от психологической настройки, эмоционального состояния и от интеллектуального уровня самого говорящего. Люди, не привыкшие к публичным выступлениям, испытывают затруднения в ходе речевого общения. В этих ситуациях часто возникают паузы, этимологически родственные вводным элементам, которые в большинстве случаев являются **вокализованными**. Вокализованные паузы «хезитации» (Бондаренко, 1976; Николеева, 1970) можно расценивать как средство текущего контроля во избежание ошибок в речи для обдумывания последующей фразы. Паузы неуверенности наполняются различного рода звуками вплоть до вводных слов, сочетаний слов и предложений.

О. В. Долгова замечает (1978, с. 114–116), что, рассматривая вокализованные паузы в плане выражения, нужно обратить особое внимание на то, что в языках вообще существует целый ряд звуков и звукосочетаний, которые не функционируют в основной системе фонем, регулярно воспроизводятся с совершенно определенными семиологическими функциями. Любопытно, что у отдельных ораторов вокализованные паузы приобретают самые удивительные формы. В результате исследования английской речи Долгова устанавливает, что вокализованные паузы не только колеблются по длине, но могут реализовываться в виде разных звуков. Но самым важным здесь по сравнению с немymi паузами является непосредственное влияние просодии на семиологическую функцию внесений. Так, если тон является низко-нисходящим, то вокализованная пауза выражает согласие;

если он падает с большей начальной высоты, то согласие приобретает эмотивную окрашенность; если те же звуки облакаются восходящим тоном, то имеется в виду вопрос и т. д.

О. В. Долгова справедливо замечает, что использование вокализованных пауз носит социолингвистический характер. В некоторых коллективах употребление озвученных пауз избегается, в то время как в других они употребляются довольно часто. Например, лекторы употребляют большое количество вокализованных пауз, чтобы придать речи впечатление спонтанности.

Вокализованные паузы часто называют речевыми наполнителями. М.-Л. А. Драздаускене изучает речевые наполнители в английской контактоустанавливающей (фатической) речи и делит их на две группы: однословные речевые наполнители, функционирующие как вводные слова или самостоятельные предложения (*Драздаускене, 1970*). Употребляясь в роли наполнителей речи, полнзначные слова и предложения десемантизируются и используются для установления «контакта» между людьми, приятельских отношений между общающимися, привлечения внимания к теме разговора и т. д.

В непринужденной речи существует тенденция к облегчению, упрощению синтаксических структур высказывания, которая находит свое выражение в распространенности синтаксически свободных конструкций, исполняющих в предложении роль вводных элементов.

Причину распространенности синтаксически свободных конструкций А. В. Пименов видит, во-первых, в том, что они не загружают память и внимание говорящего грамматическими обязательствами; во-вторых, что синтаксически свободные конструкции играют многообразную роль по воздействию на собеседника. Причем синтаксически свободные сегменты могут выступать не только в качестве начальных элементов, но и быть самостоятельными высказываниями, служить средством соединения их отдельных частей или завершать их в качестве финальных элементов, изменяя при этом свое смысловое содержание. Психологический смысл свободных сегментов усматривается в уменьшении психологической напряженности при построении высказывания и в максимальной разгрузке оперативной памяти от формально-грамматических элементов (*Пименов, 1978*).

Это особенно заметно в языках с твердым или сравнительно твердым порядком слов. Жесткий, прямой порядок слов во французском и

сравнительно твердый порядок слов в казахском языках легко преодолевается с помощью вводных слов, словосочетаний и предложений. Вот почему и в казахском языке, который, по мнению М. Б. Балакаева (1946), занимает промежуточное положение между языками со свободным порядком слов (русский) и связанным (французский), широко распространены синтаксически свободные конструкции. Н. К. Дмитриев (1949) замечает, что внесение какого-нибудь слова в его конец или начало является отображением особых логических или психологических условий, под впечатлением которых говорящий высказывает свою мысль. Особенно часто свободные сегменты применяются в русском языке, где появление таких конструкций не накладывает на говорящего никаких грамматических обязательств в отношении других элементов синтаксической схемы в силу свободного порядка слов.

Таким образом, с одной стороны, вводные единицы несут избыточность высказыванию, с другой – являются крайними выразителями тенденций к облегчению синтаксических структур, но в обоих случаях психологически оправданы и необходимы. Благодаря им речь становится расчлененной и прерывистой. Являясь «шероховатостями» с точки зрения плавности речи, вводные единицы используются писателями различных направлений для стилистической и смысловой выразительности, в научной литературе и выступлениях употребляются для того, чтобы установить непосредственный контакт с читателем и слушающим. В разговорной речи вводные конструкции придают непринужденный, легкий, оживленный характер высказыванию. Речь без них выглядела бы бедной и невыразительной, хотя чрезмерное употребление вводных единиц может иногда отяготить свободную речь, обременить собеседника.

Итак, вводные единицы – это явление речевого синтаксиса, где лингвистическое неотделимо от психологического, их использование носит социолингвистический характер. Выступая как оговорки, попутные замечания в процессе говорения, они тесно вплетаются в основной состав предложения, расчленяя его, придавая непосредственность, экспрессивность высказыванию. Кроме того, вводные единицы отражают сложную мыслительную деятельность человека и служат дополнительным ярким примером связи языка и мышления.

Вводные единицы представляют собой универсальную категорию, где наиболее ярко наблюдается связь интонации с синтаксисом

и семантикой, проявляющаяся во взаимодействии просодических средств в передаче различных семантических групп и грамматических форм выражения вводности. Универсальность вводных единиц, проявляющаяся в их единой функции, для разных, даже неродственных языков, их стабильные интонационные характеристики, представляющие большой интерес с точки зрения их лингвистической интерпретации, связанные с основными проблемами теории интонации, позволили нам более подробно остановиться на них, опираясь на нашу экспериментально-фонетическую работу, выполненную на материале казахского, французского и русского языков в типологическом аспекте.

Круг субъективно-модальных значений, выраженных вводными единицами, очень широк. В результате семантического анализа вводных единиц, извлеченных из произведений казахских, русских и французских писателей разных жанров и стилей удалось выделить 9 универсальных семантических групп (Базарбаева, 1991):

1. Вводные элементы, выражающие *оттенок уверенности*. Они указывают, что говорящий считает приводимое им сообщение соответствующим действительности, достоверным, определенным, что данное высказывание не подлежит никакому сомнению. *Вася жаңа формалы киімдерін киіп, ұзын залды өрлей, адымдап, отыра алмай жүр. Тыныққан, қырынған, сөз жоқ, сұлуланып кеткен* (Ғ. Мүсірепов). *Менің туысым осы өздеріңіз сияқты өзіміздің адамдар. Әлбетте, ер азаматтың бұл күнде бір-біріне бөтендігі жоқ қой...* (М. Иманжанов). *Дәрмен оның жүзіне қызыға қарап келеді. Бірақ жауап қатқан жоқ. Анығында, бүгінгі жүрістің себебісі осы Дәрмен* (М. Әуезов). *Chaque année ajoutait, sans doute, quelque chose à son charme* (R. M. du Gard). *Je suis pour une éducation forte. Alphonsine est de mon avis, j'en suis sûr* (H. Basin). *Mon frère et ma belle-soeur sont, bien entendu, assez sonnés par cette histoire* (G. Simenon). *Компрудники наших органов помогли ей найти работу. Она, разумеется, и не подозревает о том, кто ей помог трудоустроиться* (М. Шолохов). *Он тут, безусловно, если не завтра-послезавтра будет, сами убедитесь* (К. Симонов). *Что, снова объявился? Из Москвы, как выяснилось, никогда и не уезжал* (К. Симонов).

2. Вводные единицы, выражающие *оттенок предположения*. Посредством их говорящий указывает, что все, о чем он сообщает,

является сомнительным или только вероятным. Жол, шамасы, заводқа дейін ұш шақырымдай-ақ; бие құлагын қайшылап қойып желе бүлкілдейді (Х. Есенжанов). Әлім жетпейтін жүктің астында мықшындап жатқан кезім еді, бұл, мүмкін, сіз көтерісіп жіберерсіз (С. Мұқанов). Өзіне күндес болып үлгере алмай кеткен шешесінің кегін қызынан алмақ болады ма, кім білсін, Ұлтай әйтеуір Жаңылдан үшін алды (Т. Ахтанов). Il pense que ces cris, **peut-être**, signifient que les autres ont trouvé (A. Stil). Sylvaine s'était fait conduire jusqu'à Nanterre pour baiser l'orteil d'une statue de saint Pierre qui donnait, **paraît-il**, la fécondité (M. Druon). Le pilote, occupé à quelque mystérieuse besogne, ne daigna pas répondre. **Probablement**, il écoutait encore tout le bruit du vol passer en lui (A. de S-Exupéry). Я посылаю к вам своего зятя, но это такой бестолковый человек, что, **по-видимому**, ничего вам не сумел объяснить (В. Катаев). Диван этот был страшен ему, **вероятно**, по тяжелым мыслям, которые он передумал, лежа на нем (Вс. Иванов). Для нас же, **мне кажется**, исключительно важно, что о нас скажут в народе (Вс. Иванов).

Вводные единицы, которые выражают эмоциональное отношение говорящего к фактам изображаемой действительности, субъективную оценку действия – его желательность и нежелательность, передающие радость, огорчение, сожаление, удивление, удовольствие, возмущение: Егер мен жазушы болсам, біріне-бірі ұқсас уақиғаларды қайталамаған болар едім. **Амал не**, соғыс жазушымен де, оқушымен де есептеспейді, қайталағысы келсе – бөгелмейді де (Ғ. Мүсірепов). Нұри үсті-үстіне келтірілген тағамдарды ас тасушының қолынан қазып алып, рюмкаларды да іле-шала мөлтілдетіп құйып-құйып жіберді. **Обалы нешік**, қонақ та көп өтіндірмейді (М. Иманжанов). **Бір жақсысы**, бұл кезде мезгіл алакөлеңке боп қалған екен және ол маңда адам жоқ екен (С. Мұқанов). Le gibier, **par bonheur**, se sauva dans l'alcôve (R. Rolland). Maman à quatre-vingt deux ans, il ne faut pas l'oublier. **Malheureusement**, sa raison n'est pas toujours à la hauteur de son activité (G. Simenon). Si l'idée première est de moi (**j' en suis fier**) chacun y ajouta quelque embellissement (R. Rolland). На эстраде, **к моему удивлению**, несмотря на столь ранний час, уже сидели парни в красных рубашках (А. Рекемчук). Вчера накрыто собрание гимназистов с гимназистками, явно и грубо нарушающее дисциплину. **К счастью**, оно не носило политического характера (К. Тренев). Я склонен к

меланхолической и чистой жизни. Но, к сожалению, мне ничего не остается как испытывать сильные ощущения (А. Толстой).

4. Вводные единицы, указывающие на последовательность сообщения, на степень их значимости и тем самым выдвигающие на первое место то, что кажется наиболее важным и, напротив, отодвигающие то, что кажется несущественным. Нағашым қайда барса да әкем екеумізді ерте жүретін болды. Сонда байқасам, **біріншіден**, нағашымды, шақырушылар біздің үйде онымен бірге қонақ болушылар, **екіншіден**, ылғи ауқаттылар (С. Мұқанов). Орналасуын орналасқанмен, жатақхана дегені маған аса жайлы бола қойған жоқ. **Ең алдымен**, оның ұнамағаны – шуы (С. Мұқанов). Il n'est impossible de concevoir une direction morale positive basée, **d'une part**, sur l'état actuel de la science et, **d'autre part**, sur l'évidence déjà bien établie de certaines lois de la vie (R. M. du Gard). Il aurait fait, **en outre**, la bêtise de vendre un gros paquet d'actions alors qu'il les croyait au plus haut (G. Simenon). Саша сидел возле них с удовольствием, потому что, **во-первых**, они оба были сильные игроки, а **во-вторых**, Катя заглянула на минутку. (В. Панова). На закрытом собрании было единогласно принято решение обобществить весь скот. **Помимо этого**, было решено развернуть агитационную кампанию за прекращение злостного убоя (М. Шолохов). До отъезда Севастьянов должен был сдать хронику. Надо было, **кроме того**, получить командировочные (В. Панова).

5. Вводные единицы, уточняющие, конкретизирующие и подытоживающие высказанную мысль. Жақып, көңіліңіз ауыр алмасын, сіз солайсыз дегенім емес бұл. **Жалпы**, бәріміз туралы айтып жатырмын (М. Иманжанов). Үй іші бірталай жымжырт отырып қалды. **Сонымен**, біраз томсарып отырып барып қайта қыбырласқанда Құнанбай ойдағы сөзін бастады (М. Әуезов). Бол, шырағым, бол! **Айтпақшы**, қапшықты ала шық (М. Иманжанов). Je voudrais étendre le reproche à tout votre groupe, à vous, **en particulier** (Ph. Herriot). Nous nous trouvons en face d'une situation tout à fait exceptionnelle. **En somme**, nous devrions être en grève (M. Ayme). Un conseil de guerre, une réunion d'hommes choisis, qui ne sont pas des professionnels de la justisse, qui, **par conséquent**, sont sur leur garde (R. M. du Gard). Я раскритиковал ее без малейшего снисхождения, **в частности**, мы говорили об ее будущей дипломной работе (В. Панова). Детей будет воспитывать общество. **Таким образом**, люди, ничем не связанные,

будут абсолютно свободны в своем чувстве (В. Катаев). Один чиновник принялся меня воспитывать. **В общем**, собирался из меня такого же подлеца вырастить, каким был сам (Л. Леонов).

6. Вводные единицы, выражающие значение противопоставления содержания данного предложения или его части ранее сказанному: Оны «Аяқ» деп өзге алты көлден шеткері тұрғандықтан айтқан ғой деймін, **әйтпесе**, ұлан-байтақ кең, жалтыр көл екен (С. Мұқанов). Өкпелей де алған жоқ. **Қайта**, завод адамдарын еркінсітіп алған Ігіліктің өзіне өкпелегендей болды (Ғ. Мүсірепов). Не бұл бәледен басыңды ақтап шығасың. **Немесе**, барлық осы малыңменен, басыңменен, ең алдымен өзің жауап бересің (М. Әуезов). Depuis la mort de son fils la baronne Schoudler n'avait jamais retrouvé sa fraîche carnation d'autrefois. **Au contraire**, une teinte grise et terreuse s'était installée sur sa face (M. Druon). Je ne voudrais pas, **toutefois**, méconnaître ce qu'il y a de bon dans votre indignation (R. M du Gard). Elle est dans la logique des événements. **D'ailleurs**, le recours à Lenoir ne me paraît pas compter de bien gros risques (M. Ayme). Илья назначен к нам губернским прокурором, **впрочем**, он, по его словам, не собирался здесь засиживаться (В. Панова). Бим не пошел за ним, а, **наоборот**, нарушив все правила, волоча за собой поводок, отошел метров на тридцать подальше (Г. Троепольский). Арсентьич поднял суровые глаза. **Однако** Сашка мельком справился, часто ли навещает Курилова грозная его сестра (Л. Леонов).

7. Вводные единицы, указывающие на того, кем высказана та или иная мысль, кому принадлежит то или иное отдельное выражение, каков источник сообщения (является ли оно результатом воспоминания самого говорящего, общеизвестной истиной или услышано от других и т. п.). Бұған дейін, **ол кісінің өз айтуынша**, мен ақылды да, тәртіпті де, саналы да едім (Ғ. Мүсірепов). Мұрат, **әдетте**, өте көңілді бала болатын (М. Иманжанов). **Айтушылардың сөзіне қарағанда**, Қарсақтың өзі ауыз бөлмесінде тұрады да, жаңадан үйленгендер төргі бөлмесінде тұрады (С. Мұқанов). La déchéance, **à son regard**, n'est point seulement originelle et spécifique (M. Druon). Adam fut aussi votre père, **dit-on**; mais **quant à moi**, je n'en crois rien (R. Rolland). L'analyse scientifique des phénomènes de vie mène droit à la philosophie – c' est même, **selon moi**, la seule philosophie qui compte (R. M. du Gard). Что ж, спать будем или разговаривать? Спать, **по-**

моему, неудобно как-то сейчас (А. Толстой). Извольте видеть, вы, **по вашим словам**, на все готовы ради любви, даже, извините, на некрасивые поступки. **А по моему мнению**, некрасивых поступков любовью не оправдаешь (К. Симонов).

8. Вводные единицы, которые могут указывать на приемы и способы оформления мыслей, на экспрессивный характер высказывания. *Үмітөзімізді жақсы көретінін, былайша айтқанда, құдайдай сыйлайтынын білем* (Т. Ахтанов). Олардың кісісіне қайтып келе жатқанда жол үстінде кездестік. **Рас айтса**, осы ақырғы рет қатынауымыз деді (С. Мұқанов). Ислам діні өз хақиқатын бар мұсылман айтатын «иман» ішінде келтірді. Онысы, **сайып келгенде**, «шындықтың» бәрі кәләмишарифте айтылған да, болған дегені (М. Әуезов). *Moi, j'allais à pied. A vrai dire, le temps n'était pas des plus beaux* (R. Rolland). *Je fus bien aisé de retrouver la cabane au sol battu. A parler franc, je savais que je ne pourrais jamais hiverner dans ce trou* (R. Rolland). *Le lendemain, comme on dit, je fis honneur au soleil* (R. Rolland). **En un mot**, toute cette histoire est une fable (R. M. duGard). А она вот меня, **по секрету вам сказать**, переехать сюда упростила (К. Симонов). **Чистосердечно говоря**, они сами давно считают себя богами, а то даже и несколько выше (Вс. Иванов).). Все мы, **как говорится**, сегодня князь, а завтра мразь (А. Толстой).

9. Вводные единицы, выражающие призывы к собеседнику с целью привлечь его внимание к сообщению, стремление вызвать у него определенное отношение к излагаемым фактам, подчеркнуть перед слушателем какое-нибудь соображение. *Сен шын дос болсаң маған көмектес...* **Білесің бе**, мені жиынға салмақ, тентек те, бұзақы да мен болмақпын (М. Иманжанов). Қарағым, **несін айтасың**, қолды-аяққа тұрғызбай дедектетіп, бір-ақ әкетпеді ме? (М. Иманжанов). **Көрдіңіз бе**, Есеке, колхоздың келешегі жайындағы сіздің кешегі әңгімеңіз балаларға қатты ұнаған (М. Иманжанов). *Chacun de nous, voyez-vous, a plusieurs destins en lui* (M. Druon). *Dans la vie, vois-tu, c'est plus prudent d'être bien que d'être mal avec les méchants* (R. Rolland). В жизни, **знаешь ли ты**, всегда есть место подвигам (М. Горький). **Видите ли**, дети мои, начальство считает, что мне пора на покой, в управление (К. Симонов). А я, **представьте себе**, даже ничего такого странного не замечаю (В. Катаев).

Некоторые вводные единицы могут нести несколько значений. Так, вводные элементы типа *қысқасы, сайып келгенде, жалпы алғанда, ұзын сөздің қысқасы, en un mot, bref, somme toute, en somme*, словом, одним словом, короче говоря, короче сказать, одновременно совмещают два значения: способ выражения мысли и переход к обобщению, выводу, заключению. Вводные слова *жаңылмасам, ұмытпасам*, кроме указания на степень достоверности фактов, могут выражать источник сообщения. В целом семантическое распределение вводных единиц по группам в большей степени зависит от контекста. Классификация вводных единиц, предусматривающая 9 семантических групп, едина для трех разноструктурных гетерогенетических языков и охватывает основные значения вводных единиц. Она и была положена в основу дифференциации (помимо других критериев), подвергаемого экспериментальному анализу исследуемого материала.

С точки зрения соотнесенности с теми или иными частями речи различаются именной и глагольный типы вводных слов в зависимости от морфологической природы главного слова этих сочетаний. Большинство вводных единиц именного типа во всех трех языках выражаются группой слов, которая обозначает логически-рассудительную оценку с точки зрения его достоверности. Их обычно называют модальными и выделяют в особую часть речи. *Біз бұл сапарға, әрине, жылы киініп шығамыз (С. Мұқанов). Осыларға иешу айтса керек. Әлбетте, ең үлкен, ең дұрыс шешуді құраннан күтсек керек (М. Әуезов). Мен десе аза бойы қаза тұрады. Тәрізі, қорықса керек менен (М. Әуезов). Мүмкін, менің алдымда, сағым теңізіндей құлпырып, алыстан қол бұлғап жаңа бір өмір жатқан шығар (Ғ. Мусіпенов). C'est tout à fait cinéma. Evidemment, il faudrait des acteurs (М. Аymé). Des sursauts, bien sûr, elle en avait (Н. Bazin). C'est à ce moment-là que vous êtes arrivées. Vraiment, je ne comprends pas (М. Аymé). Le conseil judiciaire peut-être sait un membre de la famille (М. Druon). Хорошо бы сейчас выбежать из завкома и встретить его с глазу на глаз... Вероятно, он испугался бы до смерти (Ф. Гладков). Она уехала с Надеждой Петровной, без которой, по-видимому, не могла существовать, как ни страдала от ее деспотизма (Л. Леонов). Он, конечно, мог поднять остатки полка, но как раз этого он и не хотел делать (К. Симонов). О репутации гимназии я уже не говорю. Она, очевидно, вам не дорога (К. Тренев).*

Функции вводных единиц именного типа во всех трех языках могут выполнять наречия, большинство из них восходят к именам. **Меніңше**, сіздің большевик екеніңіз жолдастарыңыздың ниетінен де көрініп жатыр, – деді Дмитриев (Х. Есенжанов). Күдіктенбе, шырақ, документ бойынша солай. – **Ендеше**, ол документке де, сізге де күмәндімін (Ғ. Мұстафин). Бұл күнде Құнанбай өлсе де, Құнанбайлық құрымапты. Қайта, өршіп, өрбіпқұныға түсінті (М. Әуезов). Абайдың айналасы қазір, **көбініше**, әйелдерге толы (М. Әуезов). **Malheureusement**, vous vous êtes fabriqué je ne sais quelle morale de l'amour... (М. Aymé). **D'ailleurs**, ses fonctions n'étaient pas de nature à inspirer nulle part la défiance (М. Aymé). La vieille paysanne, **ainsi**, ne rejoint son dieu qu' à travers une image peinte, une médaille naïve, un chapelet (А. de S-Exupéry). J' ai revu, **enfin**, une dernière fois mon premier compagnon (Vercors). **По-моему**, вы должны любить театр. В вас есть что-то артистическое (А. Толстой). Я посмотрю, как ты сумеешь взять что-либо из колхозной конюшни без ведома правления. **Во-первых**, не дадим, **во-вторых**, если и возьмешь – будешь отвечать по суду (М. Шолохов). Нагульнов, **например**, ухитрился не только середняков раскулачивать и из-под нагана загонять в колхоз (М. Шолохов).

Во всех трех языках функцию вводных единиц могут выполнять субстантивированные имена прилагательные, часто в превосходной степени. Губернатор іш деп қыстағанмен Асқар араққа ернін ғана тигізеді. **Бір жақсысы**, мұның ішпегенін Алексей аңғарған жоқ (С. Мұқанов). **Бір жаманы**, өзі де әбден күдікшіл кісі, қабағы аңдығыш боп алды (Т. Ахтанов). Бұл өнеріммен ат құйрығын кесіп айрылысуым бірінші май мейрамының қарсаңында болды. **Ең қызығы**, еңбегім бағаланып, бәйге алған күні болды (Ғ. Мүсірепов). Ce n'est pas ça qui importe: **l'essentiel**, c'est la façon dont on croit ou la façon dont on ne croit pas (R. M. du Gard). **Le pire**, c'est la perfidie avec laquelle ce dieu envoie son prophète pour aveugler les hommes (G. M. du Gard). **Le plus triste**, c'est que cette pensée estimable de rendre service au pays a été, j' en suis sûr, le principal motif de beaucoup de nos adversaires... (R. M. du Gard). И ничего страшного, Ты, **главное**, Людмилочка, не расстраивайся (В. Катаев). **Самое ужасное**, он ворвался сюда и прежде всего потребовал ее приданое (В. Катаев). Она совершенно не признает прав личности. **А самое главное**, у мамы узкие горизонты (В. Панова).

В казахском языке в функции вводных единиц именного типа часто употребляются сочетания существительного и местоимения в родительном падеже с производными наречиями. *Әкемнің айтуынша, со жылдың жазында көктемнен бастап күзіне дейін, Торғай жеріне жаңбыр тамбады* (С. Мұқанов). *Асқардың естуінше, Мадияр қазақ зиялыларының ішінде ең беделдісінің біреуі* (С. Мұқанов). Біраздан – кейін Абай жауап қатты: *«Менің білуімше, сол Ломбразо теріс айтады»* (М. Әуезов). *Менің байқауымша, – деді ол, – сіздердің әңгімелеріңіз жұмыс жайында сияқтанып еді* (М. Иманжанов).

Функцию вводных единиц именного типа в казахском языке выполняют слова *амал* в сочетании с вопросительными местоимениями и *жоқ* в сочетании с существительными: *Бүгін, сөз жоқ, Шегенмен кездесіп, жеті жылдан бері жинаған сырды түгел ақтарам* (Ғ. Мүсірепов). *Амалы жоқ, төмен еңкейсе, ол ниеттен айырылып жүрегі суылдайды* (М. Иманжанов). *Амал қанша, қыздың бұл қолқасы орындалар түрі жоқ* (М. Иманжанов). *Жасыраны жоқ, мен театрға көңілсіз күймен бардым* (С. Шаймерденов).

В качестве вводных единиц именного типа в казахском языке могут выступать следующие сочетания слов: *Қоспан осы камерада өлім сағатын күтті. Бір ғажабы, ажал қауіп төнгенде қиналмады, қорықпады* (Т. Ахтанов). *Сөйтсе де әу баста босандау басталған ойынның бір қызық шиеленісі, бақытыма қарай, менің сол Ауган-хан жағында болуыммен байланысты туып кетті* (С. Шаймерденов). *Менің ұзымымда, әйелдер былай да бірін-бірі тыңдамай, жамырап сөйлейтін берекесіз «халық» еді* (С. Мұқанов).

Довольно часто функцию вводных единиц именного типа в казахском языке выполняют существительные в местном падеже: *«Мен оған жалған айттым. Дұрысында, оны алдамауым керек еді», – деді Гриша* (М. Иманжанов). *Ескі ауылда «жыртық үйдің құдайы бар» деген мақал болатын. Расында, бүтін үйге соқтыққан жсел бар күшімен итеріп құлатып тастайды екен* (С. Мұқанов). *Мен жерге кіргендей болып қалдым. Шынында, көрсетуге онда бет те жоқ еді, айтар себеп те аз еді* (М. Иманжанов).

В функции вводных единиц именного типа в казахском языке часто выступают следующие слова: *қане, міне, немене, немесе, сондықтан, сонымен, әсіресе, ең алдымен, әдетте, шіркін, әйтеуір, қуанышы, анығында, бәсе, жүдә, тегі. Қарақұрт, әдетте, қырдағы*

жусанды жерде болады екен (С. Мұқанов). Біздің ауылға алыстан қол бұлғап, жымың қағып, шақырып тұратын қала жарығын енді, **міне**, жақыннан көріп отырмын (Ғ. Мүсірепов). Былтырғы қыста маған келетін хаттар көп болушы еді. **Әсіресе**, үйімнен жұма сайын хат келетін (С. Мұқанов). **Дегенмен**, мен жаңылмаптын. **Ақыры**, Раушанды қайда көріп, қалай танысқаным есіме түсті (М. Иманжанов).

Функции вводных единиц глагольного типа могут нести причастные или деепричастные группы слов. **Сайып келгенде**, жұмыстың түйіні сізде (Ғ. Мұстафин). Бірақ, **шынын айту керек**, жалғаса қоюы да оңай емес (С. Мұқанов). Ал, **дұрыстығына келгенде**, осы жайларға құран беретін жасап, бұрынғы-соңғы ойшылдар айтқан жасаптардан кем соққаны қалай? (М. Әуезов). Сол жылы қыста, **не керек**, Нариманға тұрмысқа шықтым. **Ақ жарыла айтқанда**, тап өле кеткендей ғашық болғаннан шыққан мен жоқ (Б. Аманшин). *Le conseil des échevins décida, suivant l'usage, d'envoyer le lendemain aux deux nobles oiseaux une délégation* (R. Rolland). *Mon père et ma belle-soeur sont, bien entendu, assez sonnés par cette histoire* (G. Simenon). *Mais toute reflexion faite, on peut tenter, avec des doublures une répétition générale* (H. Bazin). *Il est inutile, tout compte fait, de jouer devant ton père la comédie que tu viens de me servir* (H. Bazin). И этот конверт я должен был опустить в почтовый ящик. **По совести говоря**, я хотел это письмо кинуть не в почтовый ящик, а в железную урну (А. Рекемчук). Я следом отправил авиапочтой письмо, в котором, **откровенно говоря**, выразил изумление (В. Панова). Когда же на завтрак жарили олады, то тут, **по правде говоря**, и не требовалось особенного нюха (А. Рекемчук).

Функции вводных единиц глагольного типа могут выполнять и личные формы глаголов первого и второго лица. **Білемін**, матайдың талайдан тобықтыда жүрген есесі бар (М. Әуезов). Сөйтсе де, **байқаймын**, баланың көңілі ауып жүрген бір сайқал бар (Ә. Нұрпейісов). **Жаңылмасам**, сіз құдықтан су алып келе жаттыңыз. Солай ма? (К. Тоқаев). Білесің бе, шаңғы менде екеу ғой. Біреуін берер едім (М. Иманжанов). **Қарашы**, уақыт қалай тез өтеді (К. Тоқаев). **Көрмейсіз бе**, таныс қызымды жанымға түсіруге амалсыздан әбігерленіп отырмын (М. Иманжанов). *Voyons, Simon, rien ne peut empêcher que j'aie mon bébé* (Ph. Herriat). *Tiens, quand je me vois ainsi dans mon lit, je me dis que c'est de ma faute* (A. Stil). A seize

ans, **voyer-vous**, on se fait de l'amour une idée follement mystique (R. M. du Gard). Eh bien, **figure-tois**, que depuis un moment ou s'apercevait que des inscriptions se faisaient sur les murs, à la peinture ou au bitume, et elle ne venait pas des cellules (A. Stil). Ясное дело, **думаю**, не секретарь. (М. Шолохов). Ты к нему, **допустим**, с добрым словом, а он молчит, свое жрет и хвостом махает (М. Шолохов). Ну, уж горько было мне, **скажу!** (М. Горький). Я, **знаете ли**, даже в частной жизни не могу без общественных обязанностей (В. Катаев). **Видишь ли**, если бы я вступил после твоего отца в командование его дивизией, я бы тебе не отказал (К. Симонов). Временная мемориальная доска хоть и гипсовая, но, **представьте себе**, имеет очень культурный вид (В. Катаев).

Кроме того, вводные элементы глагольного типа могут быть выражены *verba dicendi* в обобщенно-личном значении: *дейді, descedi, on dirait, dit-on, on eût dit*, говорят, передадут, скажут. *Үйлері жыртық.. іштеріңде өңшең шоқпым, киімде жоқ, бұйым да жоқ, дейді* (М. Әуезов). *Бір Тобықты емес, көп елдің келесіне салып, көп тентектің бәрінің есінен кетпес жаза, соққы береміз, descedi* (М. Әуезов). *On dirait, que l'eau qui frappe si dru traverse les vitres et tombe droit sur la table de la fenêtre* (A. Stil). *Il me regardait avec cet air étonné qu'ont les gens, dit-on, avant de s'écrouler, une balle dans le coeur* (Vercors). Вот здесь, **скажум**, все это происходило, отсюда к нам везли тех, которых мы потом чинили, лечили, зашивали (К. Симонов). И он побежал навстречу танкам. **Говорят**, в тот вечер он поставил мировой рекорд в беге на один километр по пересеченной местности (К. Симонов).

Во всех трех языках вводные предложения представлены в большом количестве, они могут быть распространенными и нераспространенными, личными и безличными. Ал, **сіз білесіз бе**, мен сорлыға сондай қиын (М. Иманжанов). Сол кезде, **неге екенін кім білсін**, көңілі қимағандай болып, жайдан-жай жылағысы келді (С. Мұқанов). Осының бәрі рас болса, **онда кім біледі**, Кеңгірбай заманында Кебектерді өлтіру, тіпті, зұлымдық емес те шығар (М. Әуезов). Мен де, **несін жасырайын**, о баста Меңдеістің сұлулығына қызыққам (Б. Аманшин). Ал біреу ойнаған футболға оның сонша жан салатыны гажап-ақ. **Расымызды айтайық**, кәзір бізге ол да гажап болып отырған жоқ (М. Иманжанов). *Le plus*

souvent, je ne trouvais, je l'avoue, pas grand-chose à leur répondre (R. M. du Gard). *Je suis, vous le savez bien, un peu sacrilège* (H. Bazin). *J'étais là, je représentais, comme il est juste, ma patronne* (R. Roland). *Gisèle, il est vrai, n'a plus sa mère Germaine* (A. Stil). *Ma femme a un caractère difficile, j'en conviens* (H. Bazin). Заподозрить Якова Лукича во вредительстве – **теперь уже казалось ему** – было нелепо (М. Шолохов). Об этом удивительном случае, **насколько я знаю**, до сих пор рассказывают ашхабадцы (А. Рекемчук). Вас считают, **я от многих слышал**, за талантливого, умного и проницательного архитектора (Вс. Иванов). Такая операция, а организм, **доктора говорят**, неважный, переработанный организм (В. Панова). А ведь она, **я помню**, еще девчонкой способной была! (К. Симонов).

Кроме того, в казахском языке функции вводных элементов глагольного типа часто выполняют следующие слова: *демек, сөйтін, өйткені, айтпақшы, айтқандай*. *Қазір күн сондай қысқа, ал үйің болса аласа, қаракөлеңке. Демек, өсімдікке жарық жетпейді* (М. Иманжанов). *Қай жыл еді сол? Елу бірінші жылдың жазы екен-ау, айтпақшы* (Б. Аманишин). *Сөйтін, біз доңыз жұтынан кейін тағы жұтап кедейліктің тақырына тағы отырдық та қалдық...* (С. Мұқанов). *Талғат Майлыбаевич, сіз Бестөбенің қалалық бөлімнің бастығын білесіз бе? Айтқандай, оны көрген жоқ екенсіз ғой* (К. Тоқаев).

Таким образом, исследование разнообразных текстов современного казахского, французского и русского языков показало, что функции вводных единиц могут выполнять почти все лексико-грамматические категории в различных формах и комбинациях. Функции вводных единиц могут также нести предложения, различные по своей структуре и виду. Наиболее широко вводные слова представлены модальными словами, категория которых непрерывно расширяется за счет модального переосмысления других частей речи. Довольно часто в роли вводных слов выступают наречия, субстантивированные прилагательные, слова союзного типа. Функции вводных словосочетаний чаще всего выполняют причастные, деепричастные и инфинитивные конструкции, предложно-падежные формы существительного, местоимения, прилагательного.

Исследование казахского, французского и русского текстов показало, что некоторые вводные элементы обладают единственной синтаксической функцией – вводной. Они в большей или меньшей

степени утратили связь с формами тех частей речи, от которых произошли (*әрине, сірә, тегі, мысалы, қысқасы; justement, probablement, vraiment, néanmoins, enfin, toutefois*, конечно, по-видимому, итак, следовательно, впрочем и др.). Большинство же вводных элементов сохраняют живые связи с различными частями речи, которые, выполняя функции определенного члена предложения, при отсутствии синтаксической связи с остальными членами предложения становятся вводными. При этом они изменяют или теряют свое первоначальное лексическое значение, становятся более общими, абстрактными и как бы застывают в определенной грамматической форме. Сравним функции одних и тех же слов в следующих парах предложений:

«Пайдасы жоқ адамдар, **мүмкін**, зияны да тиер ондайлардың», — деді ол балаға (Х. Есенжанов). Мүмкін — вводный элемент.

«Жүр, үйге кірейік. Күн жағымсыз. Салқын тиіп қалуы **мүмкін**» — деді (Х. Есенжанов). Мүмкін — составная часть сказуемого.

J'en aurai gros, tu sais, de vous quitter. Mais c'est obligé (B. Clavel). Tu sais — вводный элемент.

Tu sais bien que ça fait deux ans qu'il n'y a plus que des ruines (B. Clavel). Tu sais — сказуемое.

А слово «фильм», **между прочим**, было женского рода, говорили: «приключенческая фильма» (В. Панова). Между прочим — вводный элемент.

Все он делал быстро и словно **между прочим**. **Между прочим** схватит ведра с лавки и принесет воды. **Между прочим** проглотит тарелку супу, пока другие только приступают к еде (В. Панова). Между прочим — обстоятельство.

В этих примерах в разграничении вводных и невводных элементов в устной речи значительную роль играет интонация. На письме же вводные единицы чаще всего отделяются запятыми, а также скобками и тире.

Для вводных единиц характерна подвижность в составе предложения. Их местоположение определяется смысловой связью со всем предложением в целом или с каким-то определенным членом предложения. Анализ показал, что несмотря на то, что в сравниваемых языках порядок слов различен, вводные единицы занимают, в основном, аналогичные позиции в предложениях. Это — препозиция, интерпозиция и постпозиция.

Так, если вводные элементы относятся ко всему предложению, то они во всех трех языках чаще всего находятся в самом начале или в самом конце его.

Білесің бе, мектепте қазір ол момын оқушының бірі, ал үйіңізде олай көрінбейді (М. Иманжанов). Кеменің ең үстіндегі қабатынан қарағанмен бүкіл Қазақстан көзіңе көрінбейді, **әрине** (Ғ. Мүсірепов).

Tiens, on a réuni le gratin aujourd'hui (М. Аymé). Je ne dors pas, moi, **heureusement** (М. Druon).

Кроме нее в тесной и грязной комнате с низким потолком было еще несколько человек, ожидавших свиданий. **Должно быть,** они уже не в первый раз были здесь и знали друг друга (М. Горький). Носила я его тяжело, роды были несколько преждевременными, вот откуда его странности, **я думаю** (М. Горький).

Если же вводные единицы тяготеют к отдельному члену, то, как правило, находятся рядом с ним или где-то поблизости от него.

Бұрын таныс та екенсіз, мүмкін, сізді сыйлар, сіз айтып көрсеніз қайтмеді (С. Мұқанов).

Il redouta d'éveiller toutes les forces inconnues tapies autour de lui et qui, **peut-être,** allaient l'enlever pour l'emporter en des lieux plus effrayants que ceux où vivait la peste (М. Druon).

Она, заведующая отделением, **к сожалению,** думает то же самое (К. Симонов).

Во французском и русском языках вводные единицы чаще всего употребляются в интерпозиции, в казахском – в препозиции, и реже всего во всех трех языках вводные единицы встречаются в постпозиции.

Характер связи вводных единиц с основным предложением не имеет единого толкования в лингвистической литературе. Прослеживается несколько направлений и взглядов. Некоторые русские лингвисты отрицают всякую связь вводных единиц с остальной частью предложения, считая, что они «внутренне чужды приютившему их предложению, подобно пуле, попавшей в организм» (Пешковский, 1956, с. 404). Французский лингвист Ле Бидуа (Le Bidois, 1935, с. 229) утверждает, что вводные предложения не связаны с основным составом ни сочинительной, ни подчинительной связью, а являются как бы чужеродными, искусственно вставленными в предложение элементами. Такая трактовка связи вводных единиц с предложением

объясняется, по-видимому, тем, что вводные слова, сочетания слов и предложения не сходятся с ним в традиционной синтаксической связи сочинения или подчинения, в форме согласования, управления и примыкания. Но было бы ошибочным считать, что они совершенно чуждые элементы в предложении, они тесно вплетаются в его состав и являются одним из его компонентов, выражая тот или иной оттенок мысли. Удаление вводных элементов отражается на смысловой стороне предложения, не изменяя синтаксических отношений между его членами. В этом можно убедиться сравнивая следующие пары предложений:

Мүмкін, ол кетіп қалды. Ол кетіп қалды.

Probablement, il est parti. Il est parti.

Видимо, он уехал. Он уехал.

Сомнение, выраженное в первом предложении с помощью вводного слова, сменяется достоверностью в случае его изъятия. Таким образом, вводные единицы связаны с предложением и его членами по смыслу. Поскольку слова, словосочетания и предложения связываются также особой интонацией вводности, то последняя проявляет себя как важнейшее средство для выражения смысловой связи наряду с лексическими и формально-грамматическими. Между вводными единицами и основным составом предложения существует логическая связь, выраженная интонационными средствами.

Интонация вводности обусловлена местоположением вводных единиц (вводных слов, словосочетаний, предложений): *Анығында, жүрістің себеңшісі Дәрмен (М. Әуезов); Өткірлік, мен білсем, одан табылды (М. Иманжанов); Айта келгенім ол емес, әрине (Ғ. Мүсірепов); Амалы бар ма, іске кірісу қажет (М. Иманжанов); Бастың ауруы, мүмкін, шайдікі шығар (Х. Есенжанов); Солар дұрыс айта ма деймін, менің ойымша (М. Әуезов); Өзіміз ойлағандай, әскер қаладан шықты (Х. Есенжанов); Менің шамам келер ме екен, сірә (Ғ. Мүсірепов).*

В препозиции они отделяются от всего предложения паузой, образуя отдельную синтагму с восходящим и восходяще-нисходящим направлением движения основного тона. На стыках вводных единиц с основным предложением отмечается перелом мелодического контура за счет отрицательных частотных интервалов. Тональная дифференциация вводных единиц с основным составом предло-

жения проявляется в различной величине тональных диапазонов и уровней. Сопоставление вводных единиц различных семантических групп с их включающими предложениями показало, что вводные единицы противопоставляются основному предложению суженными частотными диапазонами и более высокими среднечастотными уровнями. Только в **третьей** семантической группе, выражающей эмоциональное отношение говорящего к фактам изображаемой действительности, субъективную оценку действия – его желательность, нежелательность, в произнесении обоих дикторов, обнаружено примерное равенство частотных диапазонов сравниваемых частей в силу значительной информационной значимости вводных единиц этой семантической группы по сравнению с усредненными данными, полученными в результате статистического анализа цифровых показателей просодических параметров вводных единиц всех семантических групп (табл. 1).

Таблица 1

Частотный диапазон вводных единиц (в. е.) и включающих предложений (в. п.) в препозиции (в полутонах)

Семантическая группа	1 диктор			2 диктор		
	в. е.	отношения	в. п.	в. е.	отношения	в. п.
3	12,3	≈	11,7	9,3	≈	9,6
Усредненные данные	8,04	<	12,04	7,2	<	10,2

Сравнение вводных единиц всех семантических групп с их включающими предложениями по среднечастотному уровню в препозиции, по усредненным данным, показало, что в подавляющем большинстве случаев вводные единицы воспринимаются как имеющие значительную информационную нагрузку в структуре предложения, что проявляется в более высоких среднечастотных уровнях вводных единиц. Особенно явно тенденция повышения тонального регистра вводных единиц по сравнению с включающими предложениями в произнесении обоих дикторов наблюдалась в третьей семантической группе, выражающей эмоции (табл. 2).

Таблица 2

Средний уровень частоты основного тона вводной единицы и включающего предложения в препозиции, Гц

Семантическая группа	1 диктор			2 диктор		
	в. е.	отношения	в. п.	в. е.	отношения	в. п.
3	129,4	>	117,5	128,5	>	117,1
Усредненные данные	128,8	>	122,2	127,5	>	123,8

В противопоставлении анализируемых сегментов участвуют также динамические параметры. При этом включающие предложения, несущие фактическую информацию и являющиеся стержнем всего высказывания, характеризовались более широкими диапазонами интенсивности в отличие от вводных единиц, предваряющих основную информацию, которые имели более узкие диапазоны. Значительная смысловая нагрузка вводных единиц проявляется в их более энергичных реализациях по сравнению с включающими предложениями.

Временная дифференциация анализируемых сегментов проявляется в их контрастировании по темпу произнесения. Причем темп вводных единиц в препозиции, как правило, замедлен, что свидетельствует о значительном коммуникативном весе вводных единиц.

Следовательно, в препозиции вводные единицы имеют тенденцию к большей выразительности, и начальное положение вводных единиц используется для наиболее яркой реализации содержания вводности (рис. 18).

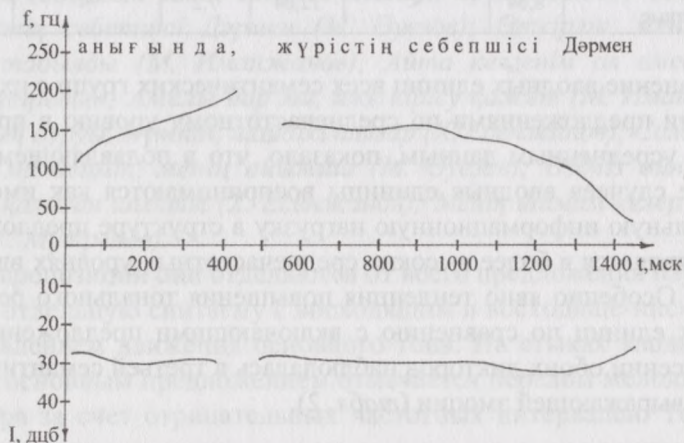

Рис. 18. Интонационный рисунок вводного слова в препозиции

В интерпозиции большинство вводных единиц имеют восходящее, ровно-нисходящее и нисходяще-восходящее направление движения основного тона, отделяясь двусторонними паузами. На стыке вводных единиц с включающими предложениями отмечен перелом мелодического контура за счет отрицательных частотных интервалов.

Тональные параметры свидетельствуют о противопоставлении анализируемых сегментов в интерпозиции. Их интонационный контраст проявляется в более узком частотном диапазоне вводных единиц, в силу их меньшего смыслового веса. Сравнение вводных единиц всех семантических групп с их включающими предложениями по среднечастотному уровню, по данным обоих дикторов, показало, что смысловая и интонационная выделенность вводных единиц в предложениях наблюдается в **первой** семантической группе, выражающей оттенок уверенности, что говорящий считает приводимое им сообщение соответствующим действительности, достоверным, определенным, что данное высказывание не подлежит никакому сомнению, и **пятой** семантической группе, уточняющей, конкретизирующей и подытоживающей высказанную мысль. В целом, по усредненным данным, наблюдается тенденция ступенчатого понижения тональных уровней всех трех анализируемых сегментов (табл. 3).

Таблица 3

Средний уровень частоты основного тона вводной единицы и включающего предложения в интерпозиции, Гц

Сем. групп.	1 диктор					2 диктор				
	1-я часть в. п.	отношения	в. е.	отношения	2-я часть в. п.	1-я часть в. п.	отношения	в. е.	отношения	2-я часть в. п.
1	123,3	<	126,6	>	100,8	107,8	<	116,7	>	108,4
5	119,4	<	148,3	>	116,4	109,4	<	135,0	>	132,2
Уср. дан.	125,5	>	117,6	>	108,5	121,7	>	118,8	>	112,9

Выявлена дифференциация анализируемых сегментов также по динамическим и временным параметрам. Смысловая соотносительность анализируемых сегментов в интерпозиции проявляется в противопо-

ставлении вводных единиц почти всех семантических групп к включающим предложениям. В произнесении обоих дикторов включающие предложения воспринимаются как имеющие больший смысловой вес по сравнению с вводными единицами. Лишь вводные единицы **девятой** семантической группы, выражающие призыв к собеседнику с целью привлечь его внимание, несут значительную информативную нагрузку, что проявляется в динамических перепадах, расширенных диапазонах интенсивности вводных единиц этой группы по сравнению с усредненными данными (табл. 4).

Таблица 4

Диапазон интенсивности вводных единиц и включающих предложений в интерпозиции (в децибелах)

Сем. групп.	1 диктор					2 диктор				
	1-я часть в. п.	отношения	в. с.	отношения	2-я часть в. п.	1-я часть в. п.	отношения	в. с.	отношения	2-я часть в. п.
9	2,4	<	10,6	<	15,7	3,7	<	5,7	<	11,6
Уср. дан.	5,1	>	4,6	<	15,9	4,3	>	3,1	<	9,5

По среднему уровню интенсивности в интерпозиции, как свидетельствуют усредненные данные, вводные единицы и обе части включающего предложения имеют ступенчатый характер понижения интенсивности. Только в **первой** семантической группе, выражающей оттенок уверенности, в произнесении обоих дикторов вводные единицы интонационно выделяются, в результате чего контраст между вводной единицей и первой частью включающего предложения стирается (табл. 5).

Таблица 5

**Средний уровень интенсивности вводных единиц
и включающих предложений в интерпозиции (в децибелах)**

Сем. групп.	1 диктор					2 диктор				
	1-я часть в. п.	отношения	в. с.	отношения	2-я часть в. п.	1-я часть в. п.	отношения	в. с.	отношения	2-я часть в. п.
1	20,3	≈	20,7	>	16,5	24,3	≈	24,8	>	20,2
Уср. дан.	23,0	>	20,8	>	16,3	24,0	>	22,0	>	18,9

Что касается среднеслоговой длительности, то вводные единицы характеризовались более быстрым темпом произнесения по сравнению с включающим предложением, что свидетельствует об их сниженной информативной значимости, за исключением **пятой** семантической группы, уточняющей и конкретизирующей высказанную мысль. Вводные единицы этой группы произносятся в более медленном темпе, по сравнению с обеими частями включающего предложения, что объясняется их большей семантической наполненностью (табл. 6).

Таблица 6

**Среднеслоговая длительность вводных единиц и включающих
предложений в интерпозиции, м/сек**

Сем. групп.	1 диктор					2 диктор				
	1-я часть в. п.	отношения	в. с.	отношения	2-я часть в. п.	1-я часть в. п.	отношения	в. с.	отношения	2-я часть в. п.
5	177,1	<	213,3	>	137,6	169,0	<	202,2	>	142,2
Уср. дан.	220,7	>	170,7	>	163,6	216,0	>	175,8	>	163,9

Таким образом, как свидетельствуют экспериментальные данные, по всем просодическим параметрам, в интерпозиции вводные элементы характеризуются менее яркими интонационными характеристиками, чем в препозиции, так как интерпозиционные вводные элементы, имея меньший смысловой вес, несут незначительные информационные нагрузки (рис. 19).

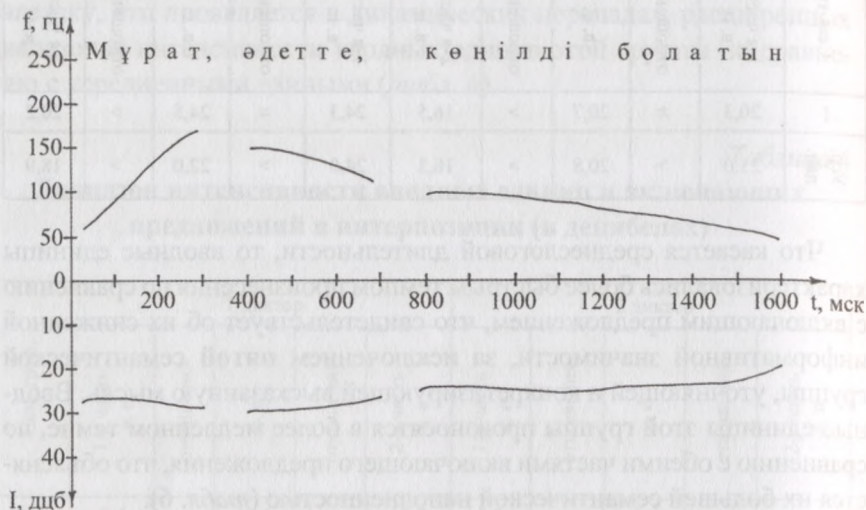

Рис. 19. Интонационный рисунок вводного слова в интерпозиции

В постпозиции вводные единицы произносятся без паузы, с нисходящим направлением движения основного тона. При этом мелодические контуры вводных единиц реализуются в нижней половине диапазона голоса. Стыки анализируемых сегментов оформляются в большинстве случаев за счет отрицательных частотных интервалов. Иногда вводные единицы продолжали общую с включающим предложением шкалу понижения в результате нулевых частотных интервалов.

В постпозиции вводные единицы всех семантических групп характеризуются суженными частотными диапазонами по отношению к включающим предложениям в силу их меньшего коммуникативного веса. Информативная значимость всех вводных единиц снижена по сравнению с включающими предложениями, о чем свидетельствуют их более низкие среднечастотные уровни по сравнению с основным предложением. Контраст анализируемых сегментов проявляется

также в различных показателях динамических параметров. Во всех семантических группах включающие предложения выступают как основной коммуникативный центр всего высказывания. Их смысловая и интонационная выделенность проявляется в расширенных диапазонах интенсивности по сравнению с вводными единицами, которые выступают как информационно малосущественная часть. Второстепенный характер вводных единиц и их меньший смысловой вес по сравнению с включающими предложениями проявляется в их более низких уровнях интенсивности, причем разница между анализируемыми сегментами значительна.

Смысловая соотнесенность анализируемых сегментов проявляется также и в более быстром темпе произнесения вводных единиц по сравнению с включающими предложениями. Интонационная выделенность вводных единиц отмечена лишь в **первой** семантической группе, выражающей оттенок уверенности, проявляющейся в их замедленном темпе произнесения по отношению к включающим предложениям (табл. 7).

Таблица 7

Среднеслоговая длительность вводных единиц и включающих предложений в постпозиции, м/сек

Семантическая группа	1 диктор			2 диктор		
	в. п.	отношения	в. е.	в. п.	отношения	в. е.
1	138,2	<	190,0	153,4	<	200
Усредненные данные	161,9	>	150,3	172,2	>	161,4

Таким образом, в постпозиции наиболее сильно выражен контраст между основной и второстепенной мыслью. Менее яркие интонационные характеристики вводных единиц указывают на то, что они значительно уступают основному составу предложения по объему информации. Смысловая значимость конечных вводных элементов по сравнению с начальными и срединными вводными единицами наименьшая. Это объясняется тем, что добавочная мысль у говорящего возникает, как правило, в процессе речи, когда основная мысль уже получила свое грамматическое оформление (рис. 20).

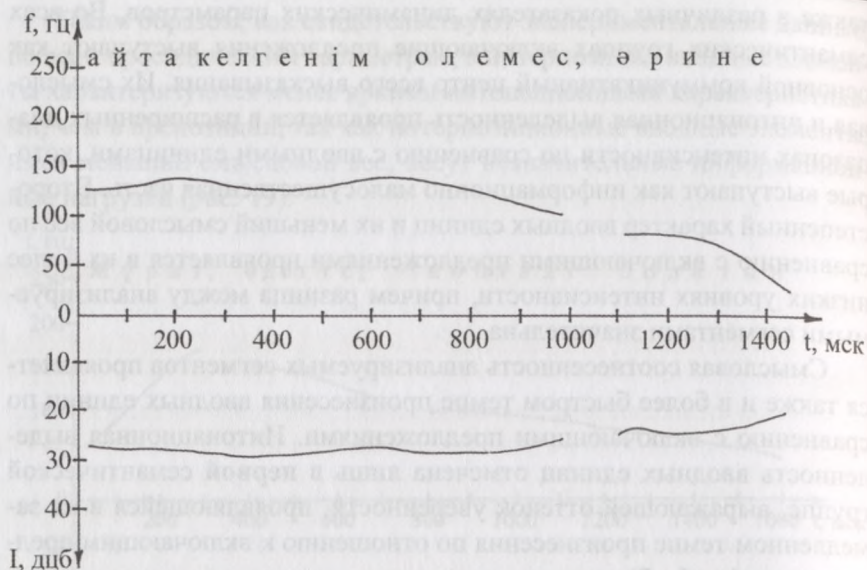

Рис. 20. Интонационный рисунок вводного слова в постпозиции

Как показало наше исследование, интонация находится в тесной взаимосвязи с семантикой. В результате эксперимента удалось выявить, что акустические параметры интонации могут «говорить» о большем или меньшем смысловом весе тех или иных семантических групп вводных единиц. Причем, как правило, просодические параметры вводных единиц (тональные уровни, уровень интенсивности, среднеслоговая длительность) наиболее ярко проявляются в препозиции, так как в начальной позиции все внимание концентрируется на вводных единицах, и они в полной мере реализуют свое содержание. В интер- и постпозиции интонационные характеристики вводных единиц нивелируются. Особенно это заметно в постпозиции, так как в конечной позиции отношение говорящего к высказываемой мысли выражается уже после того, как сформировалась основная мысль.

Итак, на примере вводных единиц и включающих предложений был выявлен характер связи, обусловленный смысловыми отношениями между ними в пре-, интер- и постпозиции, а также интонационная специфика исследуемых единиц в зависимости от их семантического содержания и позиции по отношению к включающему пред-

ложению. Интонация играет значительную роль в передаче тех или иных смысловых оттенков, являясь формой выражения содержания, и прямо пропорциональна семантической наполненности, и, как показали данные просодических параметров речи, чем **больше смысловая нагрузка**, тем **ярче интонация**.

Членение речевого потока

Речевой поток членится на отдельные отрезки различной величины и различной степени законченности, которые представляют собой фонетически оформленные смысловые единицы: ритмические группы и синтагмы. **Ритмическая группа** – это минимальная смысловая группа слов, объединенная ритмическим ударением, падающим на последний слог группы. В казахском высказывании каждое слово не несет на себе отдельного ударения, заменяясь ритмико-синтагматическим, локализованным в конце ритмической группы или синтагмы. Деление на ритмические группы связано со смыслом высказывания. Например: 1. *Кеше кешке / қонақ / үйге келді.* 2. *Кеше кешке / қонақ үйге келді.* Первое высказывание делится на три ритмические группы, второе состоит из двух ритмических групп. В первом высказывании речь идет о конкретном госте, пришедшем домой, во втором – безличном высказывании – о неизвестной личности. В обоих высказываниях ритмические группы отделяются друг от друга паузой, маркируясь ритмическим ударением, хотя присутствие паузы при выделении ритмических групп не обязательно.

Как показали многочисленные экспериментальные данные, ритмическое ударение в казахском языке по своей природе близко ритмическому ударению во французском языке. Ритмическое ударение на материале французского языка было описано Л. В. Щербой (1948, с. 83).

О сходстве ударений в обоих языках, как было сказано раньше, впервые сказал А. Байтұрсынов, разделив языки на две группы: с фиксированным ударением и разноместным «екпін буыны бірыңғай келетін тілдер және екпін буыны бірыңғай келмейтін тілдер», объединив казахский язык с французским, где ударение падает на последний слог слова в отличие от русского языка, где ударением маркируется любой слог слова.

В казахском языке ритмическое ударение изучалось в работах Ж. Аралбаева, А. Джунисбекова, Р. Г. Сыздыковой. В книге «Сөз сазы» Сыздыкова пишет: «Сөйлеу актісінде айтылуы жағынан сөздердің бір-біріне ететін ықпалы, дыбыстық өзгерістері бір деммен топтасқан сөздердің ара жігінде және өн бойларында пайда болады. Сондықтан, ең алдымен бір деммен топтасқан сөздер дегеніміз не, яғни сөздер қандай жағдайда бір деммен, бір ырғақпен, бір ритмикаға топтасып айтылатындығын біліп алған жөн. Өзгерістер мен фонетикалық құбылулар белгілі бір тіл заңдылығымен ғана топтасатын сөздердің аралығында пайда болады. Қазақ тілінде сөйлем ішіндегі сөздер дауыс ырғағы жағынан әрқайсысы бөлек-бөлек айтыла бермейді, көбінесе екі-екіден немесе екі-үштен бір ырғақты топ құрап, бір екпінмен, бір деммен үндесіп, үйлесіп айтылады» (Сыздыкова, 1995, с. 54).

Ритмические группы часто совпадают с **синтагмами**, иногда синтагма может состоять из нескольких ритмических групп, тогда пограничные сигналы между ритмическими группами оформляются изменением мелодического контура, интенсивности и длительности. Если же ритмическая группа соответствует синтагме, кроме перепадов интервала тона и других параметров интонации на стыках нередко отмечается пауза.

Например, высказывание *Сөйлем дегеніміз – сөздердің басын құрастырып, біреу айтқан ой* делится на три акцентные группы. Первая – *сөйлем дегеніміз*, вторая – *сөздердің басын құрастырып*, третья – *біреу айтқан ой*. Смысловые отрезки, объединенные одним ударением, совпадают с дыхательной группой. Цельность акцентной группы создается ритмико-синтагматическим ударением.

Синтагма по сравнению с ритмической группой, являясь единицей более высокого порядка, шире определяет характеристики предметов и явлений, о которых говорится в речи. Под синтагмой, как было сказано в предыдущих главах, понимается универсальная, характерная для всех языков смысловая единица, возникающая при сегментации высказывания, текста. В зависимости от речевой ситуации и контекста она может оформляться словом, словосочетанием и предложением, выражая сложное смысловое единство. Минимальные фонетические и семантико-интонационные единицы, каковыми являются ритмические группы и синтагмы, определяют семантико-интонационное деление казахской речи (текста). Границы семантико-

интонационных, синтаксических единиц синтагм передаются посредством синтагматических ударений. Являясь предельным элементом фразировки, она является результатом синтактико-стилистического и лексико-фразеологического членения речевого потока. Границы синтагмы в речи достаточно подвижны и часто находят отражение в пунктуации, однако знаки препинания не всегда совпадают с ее границей. Будучи наименьшей знаменательной частью высказывания, синтагма оформляется посредством интонационных средств.

Айтысқанда // екі күрескен балуандар сияқты, // бірін-бірі аңиды, // бірін-бірі бағады. Күрескендегі // бірін-бірі жығу үшін // істейтін әдіс-амалдарды, // тәсілдерді мұнда да істейді. Айтысқанда // жай сөзбен айтыспай, // өлеңмен айтысады. Сондықтан // өлеңмен ғана айтысу – // айтыс деп аталады. Өлеңсіз айтыстың аты // әзіл-ерегіс болады. Бәлкі өлең айтыс та // о басында әзілден, // ерегістен шыққан болар. Бірақ бұл күнде // айтыс деп // өлең түріндегісі ғана айтылады. Айтыс- өлеңді сөз болған соң // оған ақындық керек. Күрескенде // күшке әдіс серік болу сияқты // айтысқанда // ақындыққа да әдіс серік болады. Әдісі жоқ // әйдік ақынды / әдісті // анау-мынау ақын жеңіп // кетуі мүмкін.

Членение на синтагмы определяется смысловым содержанием высказывания, степенью распространенности главных и второстепенных членов. Одно и то же высказывание в зависимости от интенции говорящего может быть произнесено с различным синтагматическим членением. Рассмотрим следующий пример, взятый из книги А. Байтұрсынова: *Шығарма тілі екі түрлі болады*. Это высказывание может состоять из одной синтагмы, из двух и трех в зависимости от контекста:

Шығарма тілі екі түрлі болады //

Шығарма тілі // екі түрлі болады

Шығарма тілі // екі түрлі // болады

Такое соотношение частей высказывания обусловлено определенным осмыслением ситуации говорящим или слушающим. Интонационное оформление синтагмы обеспечивается мелодическими, динамическими и темпоральными средствами. Когда несколько ритмических групп объединяются в синтагму, происходит усиление синтагматического ударения за счет ослабления предшествующих ритмических ударений.

Более сложную ступень членения речевого потока представляют предложения, которые могут состоять из нескольких синтагм или одной синтагмы. Определенный интонационный контур и существование различных видов ударений обеспечивает объединение слов по смыслу в такое фонетическое единство. В любом законченном предложении бывает коммуникативно оформленный интонационный центр, иначе говоря, фразовое ударение, которое выполняет две главные функции: 1) дифференцирует коммуникативный тип высказывания, 2) отделяет высказывания друг от друга, выполняя делимитативную функцию. Фразовое ударение, организуя высказывание в целом, локализуется на последнем слове фразы. В нижеследующих примерах показано, как в нейтрально произнесенных высказываниях фразовое ударение по мере увеличения слов перемещается на его конец, являясь интонационным центром.

Көктем.

Көктем келді.

Көктем ерте келді.

Көктем биыл ерте келді.

Функцию членения высказывания на речевые сегменты выполняет также логическое ударение, выделяя отдельные слова в высказывании. Логическое ударение тесно связано с семантикой: от места локализации логического ударения могут меняться смысловые оттенки высказывания. Рассмотрим высказывание *Таңертең оқушылар мектепке кетті*. В данном высказывании может быть выделено любое слово в зависимости от ситуации общения. 1. *Таңертең мектепке оқушылар кетті*. 2. *Таңертең оқушылар мектепке кетті*. 3. *Мектепке оқушылар таңертең кетті*.

В определенной контекстной ауре логическое ударение, являясь акцентным воплощением скрытой пресуппозитивной категории, настраивается на фразовое ударение – основное просодическое средство, организующее высказывание в целом.

В казахском языке логическое ударение передается двумя способами: во-первых, изменением порядка слов, т. е. инверсией, когда логически выделенное слово находится в конце высказывания рядом со сказуемым; во-вторых, без изменения порядка слов, когда говорящий или читающий акцентирует важное по смыслу слово.

Являясь одним из главных компонентов интонации, логическое ударение наряду с порядком слов является выразителем актуального

членения. Основной функцией логического ударения является выделение ремы, являющейся психологическим сказуемым (логическим предикатом) высказывания. Тема-рематические интонационные отношения проявляются следующим образом: тема характеризуется повышением тона, после которого наблюдается пауза и перелом мелодического контура; рема, акцентируясь, выделяется понижением тона. Просодические показатели выступают здесь как **семиотические средства**, используемые говорящим в соответствии с его намерением представить одни элементы высказывания как исходные, данные, менее важные, а другие – как собственно цель сообщения, как то новое, ради чего состоялся акт коммуникации. При нейтральном стиле тема совпадает с группой подлежащего, а рема – с группой сказуемого.

Ертең біз өзіміздің ауылға // жаяу барамыз. Қалай?

Ертең өзіміздің ауылға жаяу // біз барамыз. Кім?

Біз өзіміздің ауылға жаяу // ертең барамыз. Қашан?

В приведенных примерах в первой парадигме рема отвечает на вопрос *қалай?* Во второй парадигме – на вопрос *кім?* В третьей парадигме – на вопрос *қашан?* Предложения с одним и тем же лексическим наполнением в разных речевых ситуациях могут выступать как разные высказывания и осмысливаться по-разному, с логическим выделением одного из слов, с которым связан интерес собеседника, желающего получить информацию. Определить тему и ремю помогает вопрос, поставленный к данному высказыванию. Та часть информации высказывания, которая содержится в вопросе, относится к теме, а часть информации, которая отвечает на вопрос, относится к реме.

Как видим из примеров, логическое выделение является постоянным спутником актуального членения. Т. М. Николаева, связывая актуальное членение с акцентным выделением, с просодической выделенностью какого-либо элемента, предлагает следующую цепь формулировок: 1. Во всяком высказывании есть главноударный элемент; 2. Обычно этот элемент располагается в конце звучащего отрезка; 3. В конце высказывания обычно помещается рема; 4. Следовательно, этот выделенный элемент связан с ремой, возможно, он неотделим от ремы; 5. Поэтому там, где в высказывании рема, должно быть сильное ударение; 6. И наоборот: где есть сильное выделение – там и рема; 7. Существуют некоторые слова (например частицы), влекущие за собой акцентное выделение связанных с ними слов; 8. Поэтому они

ремовыделители (где громко, там и рема); 9. Рема – это новое, неизвестное, важное; 10. Поэтому: новое – ударно, старое – безударно; 11. Главноударное слово – это интонационный центр; 12. Поэтому, где громко – там рема, там же и интонационный центр; 13. Ударный элемент может иметь контрастивное значение; 14. Контраст – это эмфаза, это экспрессивный вариант того же обязательного ударного компонента – ремы.

Как видно из формулировок, неотъемлемая связь акцентного усиления ремы и является одним из краеугольных камней теории актуального членения, универсальной для всех языков, но имеющей свои специфические законы для каждого языка.

Приведем еще несколько примеров, где корреляты логического ударения оказались информативными в передаче наиболее важных по смыслу слов: 1. *Ерте заманда // Ерназар деген кісі болыпты.* 2. *Ерназардың өзі // бай болыпты.* 3. *Төрт түлік малы // сай болыпты.* 4. *Ерназардың сегіз ұлы да // соның ішінде кетіпті.*

В первых трех примерах логическое ударение локализуется на выделенных словах *кісі, бай, сай*, находящихся в составе ремы. Логически выделенные слова отмечаются максимальными (пиковыми) значениями частоты основного тона, интенсивности и длительности. В четвертой фразе тема расположена в постпозиции по отношению к реме, что свидетельствует о стилистической окрашенности фразы. Рема *Ерназардың сегіз ұлы да*, находящаяся в препозиции, характеризуется более яркими акустическими показателями. Акцентно выделенные слова *сегіз ұлы да* характеризуются максимальными значениями тональных, динамических и темпоральных показателей.

Таким образом, универсальным способом выражения актуализации является логическое ударение, которое может актуализировать любой компонент высказывания в зависимости от ситуации общения. Актуальное членение является одним из видов смыслового членения. Существуют и другие способы смыслового членения, например, членение по степени важности (Торсуева, 1979, с. 32).

Смысловое членение по степени важности предполагает существование в высказываниях такого элемента, который является наиболее важным для говорящего, иначе говоря, кроме двух смысловых элементов: данного и нового, темы и ремы, субъекта и предиката наблюдаются элементы, не подходящие под эти определения. Осно-

ванное на других отличных принципах, деление по степени важности имеет некоторые преимущества, т. к. не всегда можно обнаружить в высказывании и субъект, и предикат, кроме того, при таком подходе ни один элемент не остается за рамками анализа.

В разных языках элементы шкалы могут располагаться в различном порядке. Для казахского языка самый важный элемент, как правило, будет располагаться в конце высказывания. Приведем для примера следующую фразу: *Үй салуға, мәселен, түрлі зат керек*. Градация по степени важности, по Торсуевой, будет иметь следующий вид – V2, V3, V1, где самый важный компонент – V1 – *түрлі зат керек*, вторым по степени важности будет отрезок V2 – *үй салуға* и третьим – V3 – *мәселен*. Если в высказывании встречаются два равных по важности элемента при наличии третьего, менее важного, то шкалы приобретают следующую структуру V1V2V1, V1V1V2, V2V1V1. Анализируя просодические средства, участвующие в градации по степени важности, И. Г. Торсуева считает, что шкала элементов по степени важности является типологической, несмотря на то, что «в разных языках одно и то же сочетание может характеризовать V1 в разных коммуникативных типах». Например, в восклицании V1 в русском языке характеризуется теми же просодическими средствами, что и V1 в повествовании во французском языке. V1 итальянской повествовательной фразы соответствует V1 русскому общему вопросу и т. д. Кроме интонации, играющей решающую роль в выражении значения по степени важности, упоминаются также лексические и грамматические средства (частицы, повторы).

Способы смыслового членения речи рассматриваются также и в работах О. В. Долговой. Исследуя семиологически релевантные способы сегментации речи, автор предлагает исходить из наличия четырех уровней синтаксического исследования текста, соответствующих четырем объективным ярусам в составе реального произведения речи: ярус членов предложения, ярус актуального членения предложения, ярус фразировки высказывания, ярус парантетических внесений.

Рассматривая проблему членения речевого потока на сверхфразовые единства, предложения, синтагмы, автор обращает внимание на то, что на них накладывается еще гораздо более сложный вид сегментации, обладающий особыми свойствами и еще недостаточно раскрытыми функциями, связанными с особыми средствами их реа-

лизации – в особенности просодическими средствами. Иначе говоря, такая сегментация приобретает факультативный характер и отличается совершенно особыми свойствами как на семантическом, так и на просодическом уровне, т. е. как в плане содержания, так и в плане выражения (Долгова, 1978, с. 12–13).

Таким образом, интонация, выполняя функцию организации и членения элементов речи (текста), а также выражения степени связи между ними, сегментирует их на смысловые отрезки. В сегментации речи большую роль играют ритмические, синтагматические, фразовые, логические и другие виды ударений, влияющие на смысл высказываний.

Феномен акцентного выделения представляет для нас интерес с точки зрения его связи с интонационной структурой фразы. Различные типы акцентного выделения в сочетании с другими просодическими средствами играют важную роль в процессе коммуникации. Акцентное выделение, маркирующее важное по смыслу слово, может занимать любую позицию в высказывании. Влияя на смысл высказывания, оно употребляется для привлечения внимания к отдельному слову: *Үміт шіркін кеудеңде шыбын жаның барда үзілмейді екен гой... Ол да **анадан** туган (Алпамыс батыр); Өзен! Өзен! Арғы қабақта **жол** жатыр. Ел **жақын** гой! (Ж. Аймауытов); Ақбілек су жиегінде **бірталай** отырды. Су **ағады** да жатады, **ағады** да жатады, бір **таусылуы** жоқ, **қатерді, өлімді** білмейді. Еш нәрсені сезбейді (Ж. Аймауытов).*

В потоке речи в экспрессивных высказываниях может быть выделено любое по смыслу слово. **Логическое выделение** тесно связано со значением слова, на котором оно локализуется. Логически выделенное слово в потоке речи обычно имеет четкую артикуляцию. В начале или середине фразы оно характеризуется максимальными значениями частоты основного тона, длительности и интенсивности. Если же выделенное слово находится в конце фразы, то его интонационные характеристики реализуются только за счет временных и динамических максимумов. Независимо от занимаемой позиции выделенные слова характеризуются значительными интервалами на стыках с остальными словами во фразе (рис. 21).

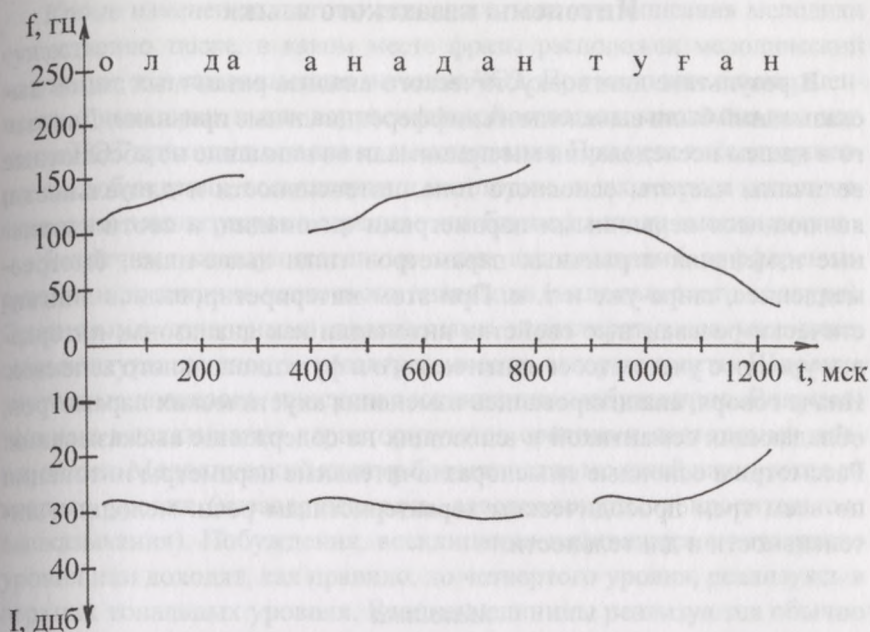

Рис. 21. Интонационный рисунок выделенного слова во фразе

Таким образом, проблема членения речевого потока может рассматриваться с разных позиций и в разных аспектах, представляя повышенный интерес для ученых-языковедов, занимающихся проблемами речеведения. С так называемым **прагматическим поворотом** в языкознании внимание лингвистов концентрируется на детальном изучении реальных произведений речи во всей их сложности и многообразии. Какова роль ситуации общения, каковы принципы построения речи, на какие части она делится, как эти части соединяются друг с другом, какие из разных способов ее сегментации являются семиологически релевантными. Формирование новой парадигмы в исследовании речевого общения связано с теорией речевой коммуникации и психолингвистическими изысканиями. Задача интонологов состоит в том, чтобы, аккумулируя новые направления в языкознании, выявить, какую роль выполняют мелодические, темпоральные и динамические средства интонации не только в смысловом членении речевого потока, но и в речевой деятельности, в широком смысле этого слова во взаимосвязи с экстралингвистическими факторами.

Интономы казахского языка

В результате лингвоакустического анализа различных типов высказываний были выявлены их дифференциальные признаки. Для этого в нашем исследовании мы принимали во внимание не абсолютные величины частоты основного тона, интенсивности и длительности, являющиеся первичными параметрами интонации, а соотносительные изменения первичных параметров типа: выше-ниже, быстрее-медленнее, шире-уже и т. п. При этом интерпретировались лингвистически релевантные свойства интонации как диапазоны, интервалы, уровни с учетом их семантического и функционального аспектов. Иначе говоря, анализировались изменения акустических параметров, обладающих семантикой и влияющих на содержание высказывания. Рассмотрим основные смысловоразличительные параметры интонации по всем трем просодическим характеристикам речи: мелодике, интенсивности и длительности.

Мелодика

При дифференциации различных типов высказываний релевантными оказались следующие акустические параметры:

- форма мелодического контура;
- уровень начала мелодического контура;
- уровень конца мелодического контура;
- максимальное значение ЧОТ;
- диапазон мелодического контура;
- тональный уровень синтагмы;
- тональные интервалы на стыках синтагм.

Форма мелодического контура может быть самой различной в зависимости от коммуникативного типа высказывания. Так, мелодика завершенности, вопроса с вопросительным местоимением, побуждения, восклицания, а также вводности и обращения в постпозиции характеризуется понижением частоты основного тона конца синтагм. Мелодические контуры незавершенности, общего вопроса с частицей, переспроса, перечисления, а также вводности и обращения в препозиции характеризуются повышением мелодического контура.

Кроме изменения частоты основного тона для описания мелодики существенно также, в каком месте фразы расположен мелодический максимум, т. е. самое высокое значение ЧОТ. При мелодике незавершенности и некоторых видах вопросительной мелодики максимальное значение ЧОТ приходится на конец высказывания. При мелодике завершенности, побуждения, восклицания и некоторых видах вопроса мелодические пики локализуются в середине или ближе к началу высказывания.

Различные коммуникативные типы высказываний дифференцируются и по ширине частотного диапазона (мелодического контура). Суженными тональными диапазонами характеризуются мелодические контуры вводности, незавершенности, завершенности. Широкие частотные диапазоны присущи восклицанию, побуждению. Вопросительные высказывания характеризуются средними частотными диапазонами. Мелодический контур большинства моделей начинается со второго уровня (незавершенность, завершенность, вопросительные высказывания). Побуждения, восклицания начинаются с четвертого уровня или доходят, как правило, до четвертого уровня, реализуясь в верхних тональных уровнях. Вводные единицы реализуются обычно в нижней половине диапазона голоса.

Тональные интервалы на стыках вводных единиц с основным составом предложения оформляются за счет перепада интервалов тона. Стыки анализируемых сегментов характеризуются, в основном, отрицательными частотными интервалами. Перепад мелодических интервалов наблюдается в категоричных побуждениях и в некоторых типах восклицаний. Перелом мелодического контура в таких фразах сопровождается крутизной падения тона внутри гласной смыслового центра.

Длительность

В дифференциации коммуникативных типов по темпу произнесения можно констатировать лишь тенденцию. Синтагмы с вопросительной и незавершенной интонацией обладают наименьшей средней длительностью звуков, что свидетельствует о более быстром темпе их произнесения. Замедление темпа произнесения наблюдается в побудительных, восклицательных высказываниях. В многосинтагменных фразах интонационно обусловленные различия темпа передают различия в степени важности одних синтагм по сравнению с другими.

Увеличение длительности является одним из важнейших средств достижения просодической выделенности слова, отражающих его семантический вес и создание интонационного центра. Наблюдалась тенденция замедленного темпа в конце интонационной единицы – синтагмы. Это замедление, по нашему мнению, связано с тем, что именно в конце интонационной единицы часто располагается наиболее важное по смыслу (рема) и наиболее выделенное просодическое слово. Здесь уместно напомнить о порядке слов в казахском высказывании, когда предикат, являющийся интонационным центром, локализуется в конце фразы. Замедление темпа в конце синтагмы является средством создания целостности синтагмы, а также показателем членения речевого потока на смысловые отрезки.

Интенсивность

Отмечена общая тенденция к снижению произносительной энергии к финалу звучания высказывания, лишь в некоторых видах вопроса и побуждения констатируется обратная закономерность. В дифференциации коммуникативных типов высказываний выявлена следующая тенденция по общему уровню силового компонента: наиболее низкий уровень интенсивности в завершенных синтагмах, вводности в интерпозиции и постпозиции, более высокий уровень интенсивности в побуждениях, вопросах и восклицаниях.

При интонации завершенности, побуждения, восклицания максимум интенсивности в подавляющем большинстве случаев расположен в начале высказывания, при интонации незавершенности, некоторых типах вопроса, вводности в зависимости от ее местоположения максимум интенсивности локализуется в любом месте.

Таким образом, различные коммуникативные типы высказываний характеризуются целым набором просодических средств в различной комбинации. При этом было выявлено, что компоненты интонации тесно связаны с семантикой, иначе говоря, посредством просодических средств можно передавать смысловые нюансы высказываний. Такие акустические параметры, как тональный диапазон, тональный уровень, темп, длительность, амплитуда интенсивности, могут выражать большую или меньшую семантическую нагрузку синтагм или фраз. Наибольший семантический вес высказываний передается мак-

симальными значениями интонационных показателей, наименьшая смысловая нагрузка выражается их минимальными значениями.

В результате экспериментально-фонетического анализа казахских текстов различных жанров и стилей по стабильности релевантных акустических признаков было выявлено восемь интоном – инвариантов казахского языка с несколькими вариантами, передающих все многообразие казахской интонации. Они следующие:

1. **Интонома незавершенности** характеризуется восходящим мелодическим контуром, средним тональным диапазоном, начинающимся со второго тонального уровня. Варианты незавершенности характеризуются как выпуклыми, так и вогнутыми мелодическими контурами, которые заканчиваются на третьем и в редких случаях на четвертом тональном уровнях. При интомене незавершенности конец синтагмы произносится под синтагматическим ударением, что выражается в удлинении последнего слога, на котором локализуется мелодический пик.

2. **Интонома завершенности** характеризуется выпукло-нисходящим мелодическим контуром, достигающим до первого мелодического уровня, и средним тональным диапазоном. Варианты завершенности могут начинаться со второго или третьего тонального уровня. Если мелодический контур начинается с третьего тонального уровня, то иногда он сначала слегка повышается, а затем идет на понижение. При интонации завершенности конец синтагмы произносится в замедленном темпе, показатели частоты основного тона и интенсивности доходят до минимального значения.

3. **Интонома общего вопроса** характеризуется восходящим мелодическим контуром со средними тональными диапазонами, реализующимися между вторым и четвертым мелодическими уровнями. Ее варианты могут иметь выпукло-восходящие и вогнуто-восходящие мелодические контуры. Что касается темпа и интенсивности, наблюдается тенденция замедленного произнесения и уменьшения интенсивности к финалу звучания.

4. **Интонома специального вопроса** характеризуется выпукло-нисходящим мелодическим контуром и значительными тональными диапазонами. Эта модель берет начало на третьем мелодическом уровне, поднимаясь до четвертого, затем опускается до первого уровня. Варианты отличаются лишь уровнем начала мелодического контура. Вопросительное слово является логическим центром, на кото-

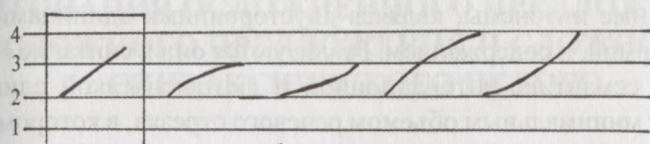
ром локализуется максимальное значение частоты основного тона, интенсивности и длительности.

5. Интонема категоричного побуждения характеризуется выпукло-нисходящим мелодическим контуром, берущим начало с четвертого тонального уровня и заканчивающимся первым тональным уровнем. Мелодические интервалы начала и конца фразы значительны. Тональный диапазон этой модели также расширен. Варианты различаются между собой уровнем начала мелодического контура. Интонема категоричного побуждения произносится с усилением логического ударения, которая передается удлинением слога и увеличением значения интенсивности.

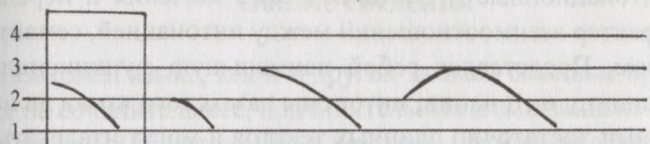
6. Интонема вежливого побуждения характеризуется выпукло-восходящим мелодическим контуром, начинающимся со второго тонального уровня, доходящим до четвертого тонального уровня и слегка опускающимся. Тональный диапазон этих видов побуждений незначительный. Варианты могут быть восходящими от начала до конца, а также восходяще-нисходящими. При интонеме вежливой просьбы усиление логического ударения достигается за счет максимальных значений частоты основного тона и длительности.

7. Интонема восклицания характеризуется восходяще-нисходящим мелодическим контуром. Тональный диапазон этих моделей средний. Варианты в силу разнообразия эмоций, выражаемых интонацией, могут быть самыми различными. Их мелодические контуры могут начинаться как со второго, так и с третьего мелодического уровня, доходя до четвертого, и заканчиваться на третьем, втором и первом мелодических уровнях. Эмоционально окрашенные слова произносятся на самом высоком тоне с максимальной интенсивностью и длительностью. Значительную роль в выражении интонемы восклицания играют тембровые характеристики.

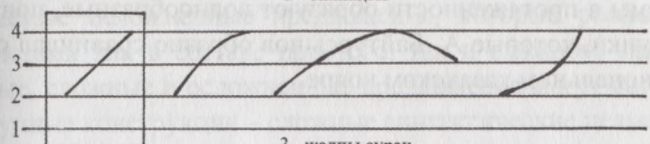
8. Интонема вставки характеризуется выпукло-нисходящим мелодическим контуром и суженными тональными диапазонами. Варианты этой модели могут быть восходяще-нисходящими и ровными, реализующимися в нижнем диапазоне голоса. Перелом мелодического контура на стыках синтагм оформляется за счет отрицательных интервалов тона. Вставки, как правило, произносятся в ускоренном темпе и с малой интенсивностью. Интонемы казахского языка можно представить следующим образом:

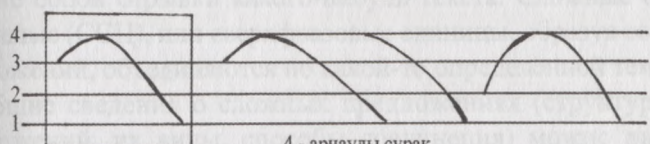
1 - тиянақсыз

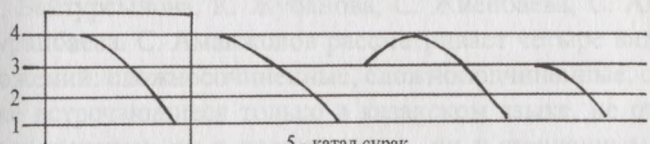
2 - тиянақты

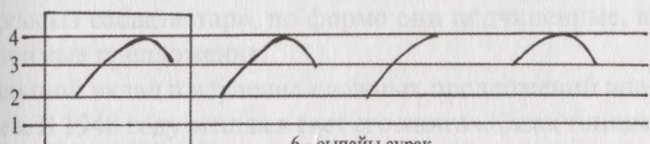
3 - жалпы сұрақ

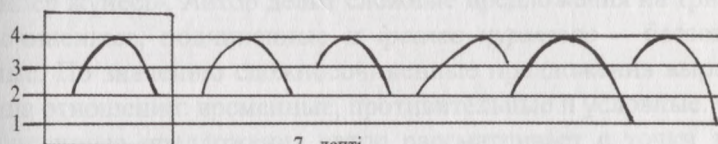
4 - арнаулы сұрақ

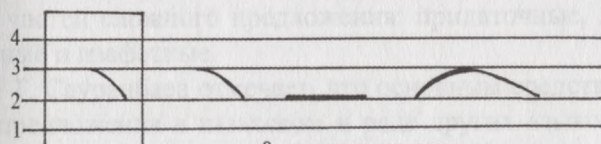
5 - қатал сұрақ

6 - сыпайы сұрақ

7 - лепті

8 - қыстырма сегменттер

Выявленные интономемы, являясь двусторонними единицами, обладают и формой, и содержанием. Реализуются они в синтагме – универсальной, семантико-интонационной и синтаксической единице, являющейся минимальным объемом речевого отрезка, в котором проявляются интонационные и синтаксические значения и передается сложный характер взаимоотношений между интонацией, семантикой и синтаксисом. Представляя собой наименьшую функциональную значимую единицу интонации, интономемы казахского языка являются составляющими достаточно длинных текстов и могут извлекаться из них. Интономемы в протяженности образуют волнообразные, повторяющиеся рисунки, которые А. Байтурсынов образно сравнивал с узорами на национальном казахском ковре.

ИНТОНАЦИЯ ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО

Общие сведения

В казахском языке, как и в других языках, сложные предложения делятся на сочинительные, подчинительные и смешанные. Кроме простых и сложных предложений в казахском синтаксисе различают так называемые осложненные предложения, которые рассматриваются лингвистами как в составе простого, так и сложного предложения. Простые, сложные и осложненные предложения могут составлять более крупные конструкции – сложные синтаксические целые, представляющие собой отрывки какого-нибудь текста. Сложные синтаксические целые (ССЦ), или сверхфразовые единицы, образуя совокупность предложений, объединяются по какой-то определенной теме.

Общие сведения о сложных предложениях (структура сложных предложений, их виды, способы соединения) можно найти в трудах А. Байтурсынова, К. Жубанова, С. Жиенбаева, С. Аманжолова, Н. Сауранбаева. С. Аманжолов рассматривает четыре вида сложных предложений: сложносочиненные, сложноподчиненные, смешанные, а также встречающиеся только в казахском языке, не относящиеся ни к сочиненным, ни к подчиненным, ни к смешанным «тиянақты басыңқысыз сабақтастар», по форме они подчиненные, а по смыслу независимые предложения.

Большой вклад в изучение сложных предложений внес Н. Т. Сауранбаев. В 1948 году вышла в свет его книга «Қазақ тіліндегі құрмалас сөйлемдер жүйесі». Автор делит сложные предложения на три группы: сочиненные, подчиненные и *іргелес құрмалас* – бессоюзные сложные. По значению сложносочиненные предложения выражают три типа отношений: временные, противительные и условные. Сложноподчиненные предложения автор рассматривает с точки зрения связи частей сложного предложения: придаточные, деепричастные, условные и изафетные.

Н. Т. Сауранбаев отмечает, что основным средством связи сложного предложения в казахском и ряде других языков тюркской системы являются *примыкание* и *замыкание*. Примыкание и замыкание

характеризуются относительно строгим порядком расположения простых предложений в составе сложного в сложноподчиненном предложении. Кроме примыкания автор выделяет ряд формальных средств, при помощи которых образуются сложные конструкции, в частности, интонация, причастие, деепричастие, условные формы.

Основными критериями сложного предложения Н. Т. Сауранбаев считает следующие главные признаки: смысловая цельность компонентов, структурная самостоятельность компонентов (наличие главных членов в каждом компоненте), наличие определенного отношения между сочетающимися предложениями; связанность составных компонентов сложного предложения определенным способом. «Простые предложения, входя в состав сложного, вступают между собой в определенную внутреннюю связь, которую можно назвать синтаксическим отношением сочетающихся предложений. Для того чтобы простые предложения образовали одно сложное целое, они непременно должны быть внутренне связаны, т. е. вступить в определенное синтаксическое отношение», отмечает автор (Сауранбаев, 1982, с. 323).

По мнению Н. Т. Сауранбаева, сложные предложения в типологическом отношении должны быть классифицированы по формально-структурным особенностям, т. е. с учетом конкретных способов связи отдельных предложений и характера синтаксических отношений между ними. С этой точки зрения в современном казахском языке автор описывает следующие типы сложных предложений: бессоюзное сложное (паратаксис), сочиненное предложение, подчиненное предложение. Первый тип характеризуется полным отсутствием формальной связи сочетающихся предложений. Каждое из предложений самостоятельно оформлено, и сказуемое каждого стоит в законченной форме, внутренняя связь выражается фонационным единством. Характер синтаксических отношений между простыми предложениями, входящими в состав такого паратаксиса, и формально и логически недостаточно дифференцируется.

Приведем слова автора: «Қазақ тілінде мағыналары бір-бірімен ұласып, ешбір дәнекерсіз байланысатын жай сөйлемдер тіркесі бар. Мұндай сөйлемдердің тіркесі паратаксис деп аталады. Мысалы: Ол сұрады, мен айттым; Айлар өтті, жылдар өтті, жас бала ер жетіп жігіт болды. Бұл екі құрмаластағы жай сөйлемдердің арасы жалғаулықпен де, демеумен де байланыспаған, олар бір-бірімен мағына жағынан бай-

ланысып, ұласып тұр. Паратаксистегі компоненттер әдетте тиянақты қалыпта тұрады да, олар бір-бірімен интонация арқылы ұласып айтылады. Сөйтсе де, компоненттің арасы дауыс ырғағының тональды тесситурасынан белгілі болады. Алдыңғы компонент көтеріңкі дауыспен айтылса, соңғысы төмен дауыспен айтылып, тон бәсеңдеп барып бітеді. Компоненттердің ерекше тонмен айтылуы құрмаластағы компоненттердің тесситурасы деп аталады. Мына сөйлемді алып көрейік: *Үйде кітап оқып отыр едім, столдың үстіндегі телефон шылдыр ете қалды*» (Қазіргі қазақ тілі, 1954, с. 505–554). Второй тип характеризуется тем, что простые предложения, входящие в состав сложного, функционально бывают между собой равнодействующими, чем и обуславливается выражение сказуемых личными формами, согласованными с их подлежащими. Связь простых предложений при таком сочинении выражается союзами и союзными словами. Такой способ связи простых предложений автор называет аналитическим. Третий тип отличается от первых двух особенностями синтаксических отношений и оформлением. Отдельные предложения, входящие в состав сложноподчиненного предложения, функционально зависят одно от другого. Подчиненность и, следовательно, характер функциональной зависимости подчиненного предложения выражается причастными, деепричастными и условными формами сказуемого.

К числу основных средств связи сложного предложения автор относит следующие способы: 1) интонация и ритмико-мелодические средства; 2) порядок расположения или, вернее, место сочетающихся предложений; 3) союзы, союзные слова; 4) глагольные именные аффиксы и их сочетание с послелогоми, некоторыми падежными формами. Н. Т. Сауранбаев подчеркивает роль интонации в качестве средства связи простых предложений. «Все простые предложения, входящие в состав паратаксиста, произносятся одной фонацией, т. е. одним потоком выдыхаемого воздуха с незначительной паузой в границах сочетающихся предложений. Единство фонации объединяет, а незначительная пауза, или «тесситура» каждого простого предложения, разграничивает их. Кроме того, предыдущее предложение тонально произносится выше, чем последнее, которое, начинаясь тоном или полутонем ниже, чем первое, кончается в нисходящем направлении» (Сауранбаев, 1982, с. 326). Ритмико-мелодические средства в казахском языке определяют типологически особый тип бес-

союзной сложной конструкции, имеющей двоякую разновидность: 1) собственно-грамматический тип паратаксиса, например: *Сен маған ертең жолық, мен оның жайын толық айтып берейін* (С. Мұқанов). *Оны да келген күндерінен-ақ байқауға болатын еді, тағы да кеш аңдап қалдық* (Ғ. Мүсірепов); 2) стилистически поэтизированный тип или асинтетический паратаксис, например: *Арыстанның белгісі – айналып кетсе артына, ақырмайды деп еді, нар түйенің белгісі – қабырғасын қақыратып, бүйректерін алса да, бақырмайды деп еді*. Второй тип паратаксиса от обычного грамматического типа отличается целым рядом специфических черт. Он имеет стилистическую окраску, этому типу присуща лаконичность структуры. Он образуется путем опущения формальных средств связи и целиком и полностью основан на лаконичном использовании ритмико-мелодических средств, считает автор. Н. Т. Сауранбаев говорит также о различных ритмико-мелодических разновидностях интонации, которые используются в подчеркивании эмоциональной окраски стилистических и смысловых оттенков предложений.

Сложные предложения изучались также в трудах Т. Қордабаева. Ученый различает два типа интонации: завершенная и незавершенная. Завершенная интонация сигнализирует о конце всего сложного предложения, незавершенная показывает, что мысль еще не закончилась, имеет продолжение. Например: *Байжан есіктен кіре бергенде, телефон шылдыр ете қалды. Дәулет майданға аттанғалы, Айбарша бұл жөнінде тіпті сырғақсып алды* (С. Мұқанов) (Балакаев, Қордабаев, 1961).

Таким образом, некоторые общие сведения об интонации сложных предложений можно найти в упомянутых работах казахских лингвистов. Сложные предложения по своей структуре состоят из нескольких сочиненных или подчиненных компонентов, каждая из которых соответствует синтагме. Об универсальной синтаксической и семантико-интонационной единице – синтагме – разговор шел в предыдущих главах. Н. С. Черемисина, говоря о синтезирующей функции интонации, подчеркивает, что интонация – это универсальное явление, с помощью которого слова объединяются в синтагму, синтагмы – в предложения, а смежные предложения – в сверхфразовое единство, нередко равное по объему абзацу. «Многообразие функции интонации взаимосвязаны и взаимодействуют, и, подобно

тому, как, характеризуя функции языка, говорят об их различной иерархии, можно также отметить и различную иерархию функций интонации... компоненты и функции речевой интонации универсальны, но их предпочтительная значимость, способы акустического выражения, их характер взаимосвязи со смыслом, синтаксическим строем и ритмической организацией высказывания весьма многоаспектно варьируются: от языка к языку, от стиля к стилю...» (Черемисина-Ениколопова, 2000, с. 24).

Об универсальности интонации свидетельствуют ее свойства передавать завершенность / незавершенность высказывания, дифференцировать различные коммуникативные типы предложений (повествовательные, вопросительные, побудительные, восклицательные), выражать эмоции, аффекты, сегментировать речевой поток на значимые единицы. «Понижающийся мелодический контур (как сигнал завершенности высказывания) и восходящий тон (как сигнал незавершенности) характерны для различных языков. Сходны по мелодике и вопросительные предложения в большинстве языков... Универсальной является мелодика, передающая общее настроение говорящего, его эмоции (радость, горе, иронию и т. д.) или волю (приказ, просьбу, призыв и т. п.); эмоциональный тон и тембр делают понятными чувства и волеизъявления человека, говорящего на неизвестном нам языке», — пишет Черемисина (1982, с. 18).

Наши результаты экспериментов продемонстрировали сложную структуру интонационной организации казахской речи, пестроту интонационных структур. Интонация вступает в самые разнообразные отношения с синтаксисом, но нет буквального соответствия между интонационными и синтаксическими конструкциями, интонационных моделей меньше, чем синтаксических. Одна интонация может соответствовать различным синтаксическим конструкциям и наоборот, иначе говоря, синтаксические и интонационные конструкции не параллельны, соотношения между ними более сложны, так как компоненты интонации отражают общие смысловые отношения между различными синтаксическими конструкциями, нередко являясь средством связи (семантической и синтаксической) между синтаксическими элементами в сверхфразовых единицах и более длинных текстах.

Следующим этапом нашей работы является описание интонационных характеристик многосинтагменных фраз и сверхфразового единства. Продемонстрировать, каким образом выявленные интономы казахского языка реализуются в речевом потоке, какими узорами (өрнек, айшық-ою, как говорил Байтурсынов) они ложатся на разнообразные по жанру и стилю тексты. Для этого в качестве объекта исследования были взяты осложненные предложения, рассматриваемые в составе простого и сложного предложения и только сравнительно недавно выделенные в отдельную категорию (Есенов, 1992), довольно обстоятельно изученные сложные предложения, а также сложные синтаксические целые, ставшие предметом исследования в последние годы.

В качестве материала исследования послужили примеры, выбранные из художественной литературы, публицистики, монографий, учебников и учебных пособий, не вызывающие сомнений с точки зрения корректности, соответствия целям и задачам исследования

Интонационные характеристики осложненных предложений

В казахском синтаксисе осложненные предложения (*курделенген сөйлемдер*) стали объектом исследования в последние годы. Они представляют собой промежуточную категорию между простыми и сложными предложениями, развивая и являясь одним из источников обогащения синтаксической системы. «Решение всего комплекса вопросов осложненных предложений с синтаксическими оборотами и обособленно-уточняющими конструкциями, формирование которых тесно связано, во-первых, с самим процессом развития литературных языков, а во-вторых, с индивидуальным мастерством деятелей художественного слова, которые находятся в постоянном поиске и совершенствовании стиля», — пишет Х. М. Есенов (1992, с. 6).

В русской грамматике на природу осложненных предложений обратили внимание такие видные лингвисты, как М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Н. И. Греч, Ф. И. Буслаев и другие. Особого внимания заслуживает мнение А. М. Пешковского, который рассматривает «предложения, осложненные полупредикативными (причастными и деепричастными) оборотами» отдельно от простых и сложных предложений.

В тюркологии осложненные предложения долгое время рассматривались в разработках синтаксиса простого и сложного предложения и поэтому трактовались по-разному. Грамматическая сущность осложненного предложения впервые на материале узбекского языка была изучена Г. А. Абдурахмановым, который в шестидесятые годы выделил их в особую синтаксическую категорию и наметил пути их дальнейшего изучения, после чего категория осложненных предложений стала объектом самостоятельного исследования в академической грамматике узбекского языка (Абдурахманов, 1970, с. 45). Структуре осложненного предложения посвящены отдельные монографические работы (Болтабаева, 1969; Дәулетов, 1976).

В казахском языкознании те или иные аспекты осложненного предложения рассматривались в трудах Н. Т. Сауранбаева, С. Аманжолова, М. Балакаева, К. Мусаева. Особого внимания заслуживает работа Г. И. Байтугаевой «Сложные определительные конструкции в современном казахском языке», вышедшая в 1962 году, в которой исследуются осложненные конструкции казахского синтаксиса (развернутые определения). По мнению Г. И. Байтугаевой, развернутые определения (*үйірлі анықтауыш*) в формальном отношении представляют собой замкнутую сложную синтаксическую конструкцию, по структуре и организации своей напоминающую простое, распространенное, а иногда и сложное предложение. По своей функции такая конструкция всегда выступает как развернутое определение к предметному члену предложения и отвечает на один вопрос. Связывается она со своим определяемым, как и любое другое определение, простым примыканием, находясь в позиции определения, т. е. непосредственно перед определяемым словом. «Сложные определительные конструкции, выступая в функции развернутого определения, обозначают признак предмета в самом широком смысле <...> они отличаются от других определений более широким содержанием, большими возможностями выражать различные оттенки признака определяемого члена» (Байтугаева, 1957). Автор отмечает, что определительные конструкции зависят в грамматическом и смысловом отношении от одного члена главного предложения — определяемого, с которым, обособляясь, составляют единый синтаксический комплекс, имея свою замкнутую структуру, напоминающую по организации и связям слов внутри себя обычные простые распространенные, а иногда и

сложные предложения. Об интонационном оформлении этих синтаксических конструкций сказано следующее: «В казахском языке все виды определений стремятся создать одно интонационное и смысловое единство, связываются они с определяемым словом путем приыкания, которое не допускает между определяемым и конструкцией никакого ритмического раздела. {...} Пауза в предложениях с определительными конструкциями делается обычно после определяемого слова...» И далее «если простейшую синтаксическую единицу-группу слов, объединенную интонационно и по значению Л. В. Щерба назвал «синтагмой», то казахская определительная конструкция с определяемым членом, объединяясь интонационно и по значению, соответствует, по нашему мнению, синтагме» (там же, с. 11).

Х. М. Есенов предлагает изучать синтаксическую структуру казахского языка в трех больших разделах: синтаксис простого предложения, синтаксис осложненного предложения и синтаксис сложного предложения. «Каждый из этих типов предложений не переходит друг в друга, а составляет самостоятельный раздел общего синтаксиса. При этом надо учесть, что эти типы иногда по своим функциям или значениям сближаются друг с другом, т. е. между ними наблюдаются взаимосвязь и взаимообусловленность, которая отнюдь не исключает самостоятельности, самобытности каждого из них», — пишет автор. Основная сущность осложненного предложения, как полагает ученый, состоит в том, что оно состоит из основного стержневого предложения, которому принадлежит ведущая роль высказывания, и вспомогательного, представляющего собой добавочный элемент и определяющего с разных сторон содержание основного высказывания.

В нашей работе при описании интонационных характеристик осложненных предложений мы опирались на классификацию Х. М. Есенова, который выделял «осложненные предложения со смыкающими (именной и причастный) оборотами и осложненные предложения с примыкающими (деепричастными) оборотами (Есенов, 1992).

По Есенову, смыкающийся оборот — это синтаксическая категория, являющаяся одной из составных частей осложненного предложения, ибо синтаксические конструкции с развернутыми членами, обладающие полупредикативными отношениями, превышают структуру простого распространенного предложения, но не достигают структуры сложного предложения, имеющего не менее двух предикативных от-

ношений. Смыкающейся она называется потому, что начальная зависимая конструкция при употреблении в речи тесно сливается с управляемым начальным словом главного предложения, широко распространяя его содержание, это так называемые предложения с причастным смыкающимся оборотом. Например: *Баласы жақсы оқыған Асан бүгін көңілді отыр*. В данном предложении логическое сказуемое с относящимся словом произносится слитно, без паузы. Перелом мелодики и пауза, являющиеся пограничными сигналами, отмечаются после слова *Асан*. Х. М. Есенов указывает, что интонационное выделение происходит благодаря наличию управляющих слов в основном предложении, перед господствующим словом находится смыкающийся оборот, если его убрать, исчезнет и интонационное выделение данной категории. Ср.: *Асан бүгін көңілді отыр*. Таким образом, такие виды осложненных предложений состоят из двух самостоятельных синтагм, каждая из которых имеет свой интонационный контур. Организующим элементом смыкающихся оборотов кроме причастий могут выступать также и именные слова, управляемые доминирующим членом основного предложения (именной смыкающийся оборот).

В нашей работе экспериментально-фонетическому анализу были подвергнуты осложненные предложения и с именными и с причастными смыкающимися оборотами, а также предложения, осложненные примыкающими деепричастными оборотами, извлеченные из современной казахской литературы.

*Интонационные характеристики предложений, осложненных
смыкающимися именными и причастными оборотами*

Рассмотрим вначале более короткие именные смыкающие обороты, затем перейдем к большим по объему осложненным предложениям с причастными смыкающимися оборотами:

- 1) *Ішкі сыры берік Ботағоз оған жолықты (С. Мұқанов).*
- 2) *Жүзінде әжімі көп дала құтырынбай сұлық жатыр (Ғ. Мүсірепов).*
- 3) *Сыпайы жүзі бар ұстамды Еркежан бұлармен сәл салқындау амандасты (М. Әуезов).*
- 4) *Қысы суық, тоңы қалың Сарыарқада суыр інді терең қазады (Ғ. Мүсірепов).*

5) Биіктігі екі жсарым кез, көлденеңі төрт-ақ кез тар үңгірде төрт-ақ адам сыйып жұмыс істей алады (Ғ. Мүсірепов).

6) Ой да жоқ, үміт те жоқ, ерік те жоқ, билік те жоқ Сандыбай қарғанын тұзын екі қолымен ұстап, айнаға қарағандай жымып отыр (Ғ. Мүсірепов).

1) <Ішкі сыры берік Ботагөз↑< // <оған жолұқтү↓> ///.

2) <Жүзінде әжімігөп дала↑< // <құтұрұмбай сұлуғжатыр↓> ///.

3) <Сыпайы жүзү бар / ұстамд' Еркежан↑< // <бұлармен сәл салқындау амандасты↓> ///.

4) <Қысы сұуұқ↑< // <тоңұ ғалың Сар'арқада ↑< // <сұуұр інді терең ғазады ↓>///.

5) <Бііктігі екіжарым гез↑< // <көлденеңі төрт-ақ кез↑< // <тар үнгүрде ↑< // <төрт-ағ адам сыйып ↑< // <жұмыс істей алады↓> ///.

6) <Ой да жоқ↑< // <үмүт те жоқ↑< // <ерік те жоқ↑< // <біілік те жоқ Сандыбай↑< // <қарғаның тұзүн екі ғолұмен ұстап↑< // <айнаға ғарағандай / жымыйыб отұр↓> ///.

Первые три небольших по объему осложненных предложения с именными смыкающими оборотами делятся на две самостоятельные синтагмы с восходяще-нисходящими мелодическими контурами. На стыках синтагм кроме паузы отмечается перелом мелодического контура за счет перепада интервалов тона. Пауза регистрируется после исходных управляющих слов (*Ботагөз, дала, Еркежан*). Управляемые слова являются подлежащими, стоящие перед ними смыкающие обороты отвечают на вопросы определений *қандай*. Вместе они составляют единое целое с синтагматическим ударением, локализованным на главном слове. Интонационная целостность синтагмы свидетельствует о том, что смыкающий оборот является семантико-интонационной единицей, служащей для уточнения содержания своего управляющего слова. Другие члены предложения, стоящие после подлежащего, объединены в отдельную синтагму, при этом некоторые из них акцентируются, неся на себе логические ударения (*жолықты, құтырынбай, сәл салқындау*).

В четвертом, пятом и шестом примерах именной смыкающий оборот состоит из однородных членов, подчиняясь управляющим словам (*Сарыарқа да, үңгірде, Сандыбай*). Именные обороты в данных предложениях выделяются в отдельную синтагму с небольшой паузой, лишь синтагма, смыкающаяся с исходным словом, отделяется значительной паузой. В четвертом и пятом примерах управляющие слова (*Сарыарқада, үңгірде*) представляют собой обстоятельства места, отвечая на вопрос *қайда*, в шестом примере управляющее слово (*Сандыбай*), являясь подлежащим, отвечает на вопрос *кім*. Именные смыкающие обороты, состоящие из нескольких синтагм, представляют собой волнообразный интонационный рисунок. Каждая синтагма характеризуется восходяще-нисходящим мелодическим контуром с синтагматическим ударением, локализованным ближе к концу синтагмы. Акцентированные слова характеризуются наибольшими показателями частоты основного тона, длительности и интенсивности. Интонационные показатели свидетельствуют о том, что употребление оборота в предложении тесно связано с определенными объективными словами, которые требуют конкретизации своего содержания, что способствует дополнению мысли основного высказывания, с другой – расширяет структурный состав предложения.

Таким образом, начальные синтагмы в осложненных предложениях характеризуются показателями незавершенной интонации, конечные синтагмы представляют собой завершенные интонации.

Причастные смыкающие обороты в современном казахском литературном языке встречаются довольно часто. Они способны характеризовать предмет или явление одновременно с различных точек зрения: выражать действие предмета или явления, время действия, различного рода обстоятельства, при которых совершается действие, выражать объект действия, предмета или явления. В научной литературе их называют также «сложными определительными конструкциями» (Байтугаева, 1962). Причастные смыкающие обороты могут стоять при подлежащем, дополнении, обстоятельстве, определении, именном сказуемом. В грамматическом и смысловом отношении они зависят от одного члена предложения – определяемого слова, с которым, обособляясь, составляют синтаксический комплекс. Кроме того, сказуемые этих конструкций чаще всего бывают выражены причастной формой глагола на *-ған (ген)*, *-қан (кен)*, *-(а) тын*, *-(е) тін*. Например:

Табандарына томпайып мұз қатып қалған аттар қаланың тайғақ көшесіне түскен соң, төрт аяқтан түгел сүріне бастады (Ғ. Мүсірепов).

<Табандарына томпайыб / мұз ғатыпқалған аттар↑ < // < қаланың тайғақ көшесіне түскенсоң,↑< // < төрт аяқтан / түгел сүріне бастады↓> ///

Интонационная специфика таких конструкций заключается в том, что при произношении они не отделяются паузой от определяемого слова, образуя с ним единое целое. Значительная пауза наблюдается после всей конструкции. Определяемое слово, являясь интонационным центром, акцентируется, сосредотачивая на себе максимальные значения частоты основного тона, интенсивности и длительности.

Предложения, осложненные смыкающими причастными оборотами, по сравнению со смыкающими именными оборотами более пространственные по объему, т. к. причастия имеют свойство собирать вокруг себя связанные по смыслу слова. Рассмотрим еще несколько примеров:

1) Қолына ұзын құрық ұстаған Дәрмен су бойын жағалай түсіп тереңдігін өлшеді (М. Әуезов).

2) Енді міне адам қарарлық ажары қалмаған күміс самауыр, масқара болып келіп тұр (Ғ. Мүсірепов).

3) Әдеп пен әдет дегеннің екеуі де тар қыспаққа айналып кеткен қазақ қызының беті мен қолынан басқа денесі көзге көрінген емес... (Ғ. Мүсірепов).

4) Күндізгі жас жетімдердің әлсіз саусақтары сонша қорғанып, күтіп ұстаған бидай сабақтары қазір өрттен де ауыр өштік, дұшпандық соққысына ұшырады (М. Әуезов).

5) Көзіне тіршілік үміті елестеген Амантай, жанып жатқан сарайдан сырғып түсіп, өзенге қарай жүгірді (С. Мұқанов).

6) Кәрі әжесінің аңы зары құлағына жеткен Дәрмен шауып келді (М. Әуезов).

7) Қазір көмір шаңы тұрып қалған қара мен қара бүйідей түксиді (Ғ. Мүсірепов).

1) <Қолұна ұзынғұрұғ ұстаған Дәрмен↑< // <сұу бойұн жағалайтүсүп↑< // терендігін өлшөдү ↓>///

2) <Енді міне↑< // <адамғарарлық ажары ғалмаған күмүссамауұр↑< // <масқара болұп келіптұр ↓>///

3) <Әдеп пен әдет дегеннің екеуу де↑< // <тар ғыспакқа айналып кеткен қазақ қызының↑< // <беті мен қолұнам басқа денесі↑ < // <көзгө гөрүнген емес...↓> ///

4) <Күндүзгү жаш шетімдердің / әлсіз саусақтары сонша қорғанып↑< // < күтүб ұстаған бійдәй сабақтары↑ < // < қазір өрттөн де ауұр өштүк↑< // < дұшпандық соккүсүн'ұшырады↓> ///

5) <Көзүне тіршіліг үмүтү елестеген Амантай ↑< // < жаныбжатқан сарайдан сырғыптүсүп ↑< // < өзөңге ғарай жүгүрдү↓> ///

6) <Кәр'әженің ашшызары / құлағына жеткен Дәрмен↑< // < шауұп келді↓> ///

7) <Қазір көмұршаңы тұрұп қалған қарамен↑< // < қара бүйүдей түксүйеді↓> ///

Из приведенных примеров видно, что как бы ни были распространены смыкающие причастные обороты, они образуют отдельную синтагму, отделяясь паузой от остального предложения. Причастные обороты раскрывают, уточняют, конкретизируют содержание определяемого слова, составляют с ним единый синтаксический комплекс, образуя смысловое и интонационное целое. Соответствуя самостоятельной синтагме, они представляют собой «интонационно-смысловое целое», как их называют ученые-фонетисты.

После смыкающего причастного оборота писатели нередко ставят запятую (см. второе и пятое предложения), хотя по правилам казахской пунктуации запятая здесь, как правило, должна отсутствовать. Пишущий, видимо, особо хочет подчеркнуть смысловую значимость причастного оборота, что выражается восходящей интонацией, широким тональным диапазоном, перепадом интервала тона и довольно длительной паузой. Сложные мыслительные процессы отражают взаимосвязанные явления действительности посредством интонации.

онных и грамматических средств, иначе говоря, причастные обороты смыкаясь с управляющим словом в одну синтагму, выражают сложную мысль и характеризуются интонацией, свойственной неконечной семантико-интонационной единице. Интонационная спаянность причастного оборота с управляемым словом выражается соответствующими просодическими средствами: наличием синтагматического ударения, локализацией пиковых значений частоты основного тона, максимальных темпоральных и динамических показателей на управляемом слове.

В целом предложения, осложненные смыкающими придаточными оборотами, представляют собой волнообразный рисунок, о котором в своих работах писал А. Байтурсинов. Восходяще-нисходящий, восходяще-нисходяще-восходящий мелодические кривые распадаются на отдельные семантико-интонационные единства, соответствующие синтагме. Своеобразная форма связи рассматриваемых конструкций проявляется в том, что они, обособляясь от всего предложения, составляют одно смысловое и интонационное единство – синтагму.

Если управляемое слово имеет несколько однородных оборотов, то они отделяются друг от друга интонацией перечисления и каждая конструкция соответствует одной синтагме, последняя из которых сливается с управляемым словом. Такую интонационную картину мы видим в третьем предложении, когда первая синтагма (*әдеп пен әдет дегеннің екеуі де*), характеризуясь восходящей мелодикой, отделяется от последующей небольшой паузой. Значительная пауза регистрируется после смыкающегося причастного оборота, составляющего единое целое с управляемым словосочетанием (*қазақ қызының*), на котором локализуются максимальные значения тональных, темпоральных и динамических параметров.

Приведем примеры на смыкающие причастные обороты с однородными членами, которым свойственна интонация перечисления.

1) *Қазіргі шақта жасы қырыққа тақалған, бақ-дәулеті барынша шалқыған Оспанның бір үлкен арманы бар* (М. Әуезов).

2) *Жолаушылар қозылары жамыраған, иттері үріп шулаған, құлындары шінгірлеп кісінеген, көп үнді, даңғаза болған ауылдың үстінен шықты* (М. Әуезов).

1) <Қазіргі шақта / жасы қырыққа такалған↑< // <бағ-дәулеті барынша шалқыған Оспанның↑< // <бір үлкен арманы бар↓> ///

2) <Жолаушылар қозылары жамыраған↑< // <ійттер'үрүп шұулаған↑< // құлұндары шінгірлеп кісінеген↑< // <көбүндү даңғаза болған ауұлдың / үстүнен шықты↓>///

В данных примерах при определяемом слове в первом предложении два причастных оборота, во втором – четыре. Такие конструкции обычно указывают на какие-либо признаки или качества управляемого слова, они также могут указывать на качество предметов, относящихся к управляемому слову. Причастные обороты, составляя отдельные синтагмы, произносятся с интонацией перечисления, отделяясь небольшой паузой, последняя синтагма причастного оборота, образуя синтагму с управляющим словом, отделяется от всего предложения значительной паузой. Максимальные значения частоты основного тона, интенсивности и длительности локализуются на управляемом слове. Поскольку каждая синтагма заканчивается восходящим мелодическим контуром, вместе они составляют волнообразный рисунок, который А. Байтурсинов сравнивал с орнаментом на казахском национальном ковре.

В приведенных примерах неконечные синтагмы, произносимые с интонацией перечисления, относятся к **интонемам незавершенности** и **вставки** конечные – к **интоHEME завершенности**.

Предложения, осложненные именными и причастными смыкающими оборотами с однородными членами предложения, чаще встречаются в письменной речи. В современном казахском литературном языке такие синтаксические конструкции употребляются в произведениях писателей – классиков: М. Ауезова, Г. Мусрепова, С. Муканова и др., являясь одной из особенностей их художественного стиля.

Интонационные характеристики предложений, осложненных примыкающими деепричастными оборотами

Х. М. Есенов считает, что примыкающие обороты по способу образования тяготеют к сложноподчиненным предложениям, так как «его зависимые части по своей организации напоминают структурные

изменения сказуемых придаточных сложноподчиненных предложений». Отмечается, что примыкающий оборот не входит в структуру основного предложения, а обособленно к нему примыкает, определяя и дополняя содержание главной мысли предложения. «Эта сторона внешне сближает примыкающий оборот (көсемшелі жанаспалы оралым) со сложноподчиненным предложением. Решающим критерием при их разграничении является общее (с основным предложением З. Б.) подлежащее» (1992, с. 65), – пишет ученый. Например: *Мұғалима шәкірттің сабаққа ынта қойып келе жатқанын аңғарып, іштей оған риза болып қалған* (С. Мұқанов). В отличие от смыкающегося оборота, образуемого замыканием причастных слов и тесно сливающегося с управляющим словом, в структуре примыкающего оборота присутствуют многие виды глагольных слов: деепричастия, слова в условной форме, которые употребляются обособленно в начале конструкции от основного предложения. Кроме того, примыкающим оборотам в устной речи характерна интонационная членимость, что на письме передается запятой.

Рассмотрим грамматические и семантико-интонационные характеристики предложений, осложненных примыкающими деепричастными оборотами:

1) *Баласының түксиіп тұрған түрін көріп, орнынан түрегелді* (І. Есенберлин).

2) *Біз жаңбырдан қорғанып, табалдырықтан ұзай алмадық* (Қ. Әбдіқадыров).

3) *Он шақты кісі жолдас ертіп, Абай Қарамолаға аттанбақ* (М. Әуезов).

4) *Баласының қолынан етікті жұлып алып, есікке қарай лақтырып жіберді* (Ә. Нұрпейісов).

5) *Ол шақпағын шағып жіберіп, лап еткізіп от жақты* (Қ. Әбдіқадыров).

6) *Мырс етіп күліп жібере жаздап, әрең отырған жайы бар* (Д. Әділов).

7) *Жалпы жұрт Күлзипаны Абдрахман қайтсе де алады деп, өздерінше сөзді бітіргенге ұқсайды* (Б. Майлин).

- 1) <Баласының түксіп тұрған түрүн гөрүп↓< // < орнұнан түрегелді↓> ///
- 2) <Біж жаңбырдан ғорғанып ↑< // < табалдырыктан ұзай алмадық↓> ///
- 3) <Оншақты кісі жолдас ертіп↑< // < Абай Қарамолаға аттамбақ↓> ///
- 4) <Баласының қолұнан / етікті жұлұбалып↑ < // < есіккеғарай «лақтырыб жіберді↓> ///
- 5) <Ол шақпағын шағыб жіберіп↑< // < лап еткізіп отшақты↓> ///
- 6) <Мырс етіп / күлүб жібере жаздап↑< // < әрең отұрған жайыбар↓> ///
- 7) <Жалпы жұрт Күлзүйпаны Әбдірахман / қайтсе де алады деп↑< // < өздерінше сөзду бітіргенг' ұқсайды↓> ///

Как видно из примеров, деепричастные обороты выступают как зависимые конструкции к своим основным предложениям, передавая самые различные смысловые оттенки: причина, время, способ действия, цель и т. д.

Интонационные характеристики таких конструкций отличаются стабильностью: деепричастные обороты, предваряя предложение, выделяются в отдельную синтагму с восходящим мелодическим контуром и значительной паузой, отделяющей от основного предложения. Во втором, пятом и седьмом предложениях в составе препозитивного деепричастного оборота имеются общие подлежащие, их употребление свидетельствует о том, что автор хочет сосредоточить на нем внимание читателя, поэтому они выделяются в отдельную ритмическую группу в составе синтагмы, образуя небольшую волну в общем волнообразном рисунке всего предложения.

Таким образом, деепричастные обороты образуют самостоятельную синтагму, соответствующую интоне не завершенности, тогда как основное предложение относится к интоне завершенности.

К предложениям, осложненным примыкающими оборотами, относятся также условные обороты, которые, по мнению Х. М. Есенова, занимают второе место по частоте употребления после деепричастных оборотов (1992, с. 141). В таких предложениях наличествует только одно общее подлежащее для оборота и главного предложения, в обратном случае (при наличии двух подлежащих) речь будет идти о гипотактической конструкции.

Приведем примеры на предложения с условными оборотами:

1) *Мектептен оқу оқысаң, білім алсаң адам боласың* (С. Сейфуллин).

2) *Мына таудан әрі ассаң, ағып жатқан өзенді көресің* (Қазақ ертегілері).

3) *Егер ондай тойға шақырылса, Рахмет бармауға бекінді* (С. Мұқанов).

4) *Қызмет басындағы адамды көрсе, шырғалып соның маңынан шықпайды* (Б. Майлин).

5) *Атқан асығына тигізе алмаса, екінші балаға кезек береді* (С. Мұқанов).

6) *Жақсымен жолдас болсаң, жетерсің мұратқа; жаманмен жолдас болсаң қаларсың ұятқа* (Ы. Алтынсарин).

7) *Ынтымақты болсаң, ел билейсің, ынтымақсыз болсаң, неңді билейсің* (М. Әуезов).

1) <Мектептен оқу оқысаң↑< // <білімалсаң↑< // адам боласың↓> ///

2) <Мына таудан әр'ассаң ↑< // <ағыбжатқан өзенді көресүң ↓>///

3) <Егер ондай тойға шақырылса ↑< // <«Рахмет бармауға бекінді↓> ///

4) <Қызмет басындағы адамды көрсө ↑< // < шырғалып сонұң маңынан шықпайды↓> ///

5) <Атқан асығына тигіз'алмаса↑< // <екінші балаға кезекпереді↓> ///

6) <Жақсымен жолдас болсаң ↑< // < жетерсің мұратқа↓> // < жаманмен жолдас болсаң↑< // <қаларсын ұятқа↓> ///

7) <Ынтымақты болсаң↑< // < ел бйлейсің↓> // < ынтымақсыз болсаң↑< // < неңді бйлейсің↓>///

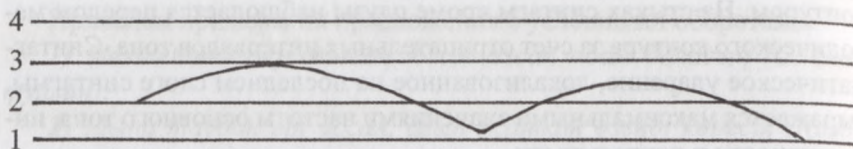
Значение условия в таких осложненных конструкциях проявляется из взаимосвязи их компонентов. Глаголы в условном наклонении отличаются разнообразием выражаемых смысловых оттенков, кроме условного значения они могут выражать временные, уступительные и сравнительные значения.

Условные обороты, так же как и другие примыкающие конструкции, образуют отдельную синтагму с восходящим мелодическим

контуром. На стыках синтагм кроме паузы наблюдается перелом мелодического контура за счет отрицательных интервалов тона. Синтагматическое ударение, локализованное на последнем слоге синтагмы, выражается максимальными значениями частоты основного тона, интенсивности и длительности.

В общем, смыкающим именным и причастным оборотам и примыкающим деепричастным и условным оборотам присущи схожие интонационные модели. Двусинтагменные и многосинтагменные осложненные предложения имеют волнообразный интонационный рисунок. В выделении синтагматического ударения участвуют все просодические средства речи: тональные, динамические, временные. Различие в интонировании смыкающих и примыкающих оборотов заключается в том, что смыкающие именные причастные образуют беспаузальное семантико-интонационное целое с управляемым словом, а примыкающие деепричастные и условные обороты в устной речи от главного предложения отделяются паузой, а на письме – запятой. Кроме того, примыкающие обороты имеют свойство собирать вокруг себя зависимые слова, в результате чего по объему они часто превосходят смыкающие обороты. Независимо от объема синтагмы на произнесение оборотов, как правило, необходимо одно и то же время звучания. Это связано с тем, что длинные синтагмы обычно произносятся в более ускоренном темпе по сравнению с короткими. Слова под синтагматическим ударением характеризуются максимальными значениями частоты основного тона, интенсивности и длительности. Анализируемые обороты представляют собой интонеми незавершенности.

Таким образом, в результате экспериментально-фонетического анализа различных видов осложненных предложений было выявлено, что их интонационные характеристики отличаются стабильностью. Мелодические кривые реализуются на втором и третьем тональных регистрах: незавершенные синтагмы, начинаясь на втором тональном уровне, доходят до третьего, образуя небольшую волну, конечная синтагма постепенно опускается до первого уровня. Многосинтагменные предложения образуют волнообразный рисунок, передающий специфику казахской интонации. Интонационную модель осложненных предложений можно выразить следующим образом:

Интонационные характеристики сложных предложений

Как было сказано, в обзоре литературы при исследовании интонационных характеристик сложных предложений мы опирались на труды известных казахских лингвистов Н. Т. Сауранбаева, М. Балакаева и Т. Кордабаева. Примеры, подвергнутые экспериментально-фонетическому анализу, частично брались из их работ. Интонация сложных предложений, согласно известной классификации, рассматривалась в различных типах сложносочиненных предложений (бессоюзных и с союзами), сложноподчиненных предложений, а также предложений смешанного типа.

Интонационные характеристики сложносочиненных предложений

Сложные предложения, состоящие из двух или нескольких простых самостоятельных предложений, называются сложносочиненными (Қазіргі қазақ тілі, 1954, с. 520; Балакаев, Кордабаев, 1961, с. 198). Несмотря на то, что такие предложения состоят из «равноправных» частей, они образуют структурно-синтаксическое и смысловое единство, средством связи отдельных его частей служит интонация. В казахском синтаксисе сложносочиненные предложения делятся на два вида: бессоюзные и с союзами.

Рассмотрим сначала бессоюзные сложносочиненные предложения:

1) Құнанбай округті басқаратын приказдың бастығы, Майбасар оның орынбасары болатын (М. Әуезов).

2) Кетерде Боржабай маған амандасқан жоқ, мен оған амандасқан жоқпын (С. Мұқанов).

3) Нияз телміріп ұзақ қарады, Ләззат оның көз шарасынан бар сырын ұғып тұрғандай еді (Т. Ахтанов).

4) Күн жауып кетті, оны елеген ешкім болған жоқ (Т. Ахтанов).

- 1) <Құнамбай округті басқаратын / приказдың бастығы↑< // <Майбасар оңұң оғұмбасары болатын↓> ///
- 2) <Кетерде / Боржабай маған амандасқан жоқ↓> // <мен оған амандасқан жоқпұн↓> ///
- 3) <Нийаз телміріб ұзақ қарады ↑// Ләззәт оңұң көш шарасынан ↑// бар сырын ұғұп тұрғандай еді >↓///
- 4) <Күн жауұп кетті ↓> // <он' елеген ешкім болған жоқ↓> ///

Синтаксическая цельность бессоюзных сложносочиненных предложений обуславливается взаимосвязанностью значения и структуры входящих в их состав частей и выражается теми или иными просодическими средствами. Вот что пишет о них Н. Т. Сауранбаев: «Екі сөйлем ешбір дәнекерсіз, мағына жағынан құрмаласып айтылғанда, олардың арасында дауыс тынбайды, үзілмейді, екеуі бір демнің екі салалы ағысымен жалғас айтылады. Бірінші сөйлем жоғары айтылады да, екінші сөйлем бәсең айтылады, бірақ дем үзілмейді... паузамен бөлінбей бір фонациямен айтылады» (Сауранбаев, 1982, с. 81).

Т. Қордабаев, специально занимавшийся проблемами бессоюзных сложносочиненных предложений, отмечает: «Жалғаулықсыз салалас сөйлемнің қалыптасқан, тек өзіне ғана тән баяндауыш формасы жоқ. Қалыпты тиянақты жай сөйлем баяндауышы қызметінде қолданылатын сөз топтарының қай-қайсылары болса да, жалғаулықсыз салаластың алдыңғы компонентінің баяндауыштары, көбінесе, *еді, екен, емес* етістіктерін көмекшіге алып тұрады. Бұл көмекшілер кейбір жағдайда өз құрамына еніп тұрған жай сөйлемдерге тиянақсыздық мән беріп, екі сөйлемнің арасын құрмаластырушы дәнекер тәрізденіп тұрады»... Далее он продолжает эту мысль: «Салалас құрмалас сөйлем компоненттерінің мағыналық жағында болатын тиянақсыздық олардың интонация жағынан да тиянақсыз болуын туғызады және онымен ұштасып, сол арқылы өзінің тиянақсыздығын айқындақырай түседі» (Қордабаев, 1961, с. 2000). Отдельные предложения, входя в состав бессоюзного сложносочиненного предложения, обладают интонационной и смысловой законченностью, другие же теряют свою самостоятельность, т. к. не связаны друг с другом с помощью вспомогательных слов. Например:

1) Сол өзеннің екі жағында бұрын екі деревня бар екен, қазір біреуінің орнында екі үйдің мұржасы ғана тұр (Ә. Әбішев)

2) Өзімнің қамызып жүрген күнім еді, төбем көкке екі елі ғана жетпеді (С. Мұқанов).

3) Өмірдегі көп күннің бәрі бірдей емес; бір күн елеусіз өте шығады да, // кейбір күн өлгенше есінде қалады (Х. Ерғалиев).

4) Тәңірберген бір рет тіл қатып еді, Еламан үндемеді (Ә. Нұрпейісов).

5) Ол басқа айғырға қарай ұмтылып еді, Бақы тізгінге жармаса кетті (Х. Есенжанов).

1) <Сол өзеннің екі жағында↑< // <бұрын екі деревня бар екен↓> // <қазір біреуінің орнында↑< // <ек' үйдің мұржасы ғана тұр↓> ///

2) <Өзімнің қамызып жүрген күнім еді↑> // <төбем көкке ек' елі ғана жетпеді↓> ///

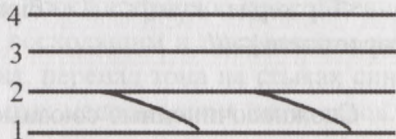
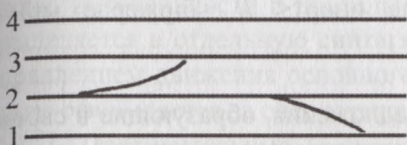
3) <Өмірдегі көпкүннің бәрі / бірдей емес↓> // <бір күн елеусіз өте шығады да ↑< // <кейбір күн өлгенш' есінде қалады↓> ///

4) <Тәңірберген бір 'рет тіл қатып еді↓> // <Еламан үндемеді↓> ///

5) <Ол басқ' айғырға қарай / ұмтылұп еді↓> // <Бақы тізгінге жармаса кетті↓> ///

Из приведенных двух типов бессоюзных сложносочиненных предложений видно, что интонационно они отличаются друг от друга. В первых типах предложений части, входящие в их состав, находятся в смысловой и интонационной зависимости, что выражается в их интонационном рисунке. Первая синтагма произносится с восходящим мелодическим контуром с незначительной паузой, иногда она может вообще отсутствовать, тогда пограничным сигналом выступают только тональные и динамические параметры. Во вторых типах предложений из-за присутствия вспомогательных слов при сказуемых части бессоюзного сложносочиненного предложения более самостоятельны, что также проявляется в их интонационных данных. Первая синтагма имеет нисходящий мелодический рисунок, после нее регистрируется значительная пауза. Вспомогательные глаголы произносятся замедленно, с утиханием интенсивности. Между синтагмами наблюдается

перепад интервалов тона за счет отрицательных мелодических интервалов. В целом интонация бессоюзных сложносочиненных предложений представляет собой большие (на синтагмах) и малые (на ритмических группах) волны, последние слова синтагмы акцентируются посредством просодических средств.

Н. Т. Сауранбаев в своих работах различает два типа бессоюзных сложносочиненных предложения с однородными членами, заключающих в себе сообщение об одновременно или совместно совершающихся явлениях, событиях, фактах, так называемые *жсайылыңқы* и *сыйысыңқы* (Қазіргі қазақ тілі, 1954, с. 524–525). В первом типе бессоюзных сложносочиненных предложений (*жсайылыңқы*) имеется общий глагол, повторяющийся в каждом простом предложении. Например:

Жүнді су көтереді, жүйрікті ду көтереді, қайғыны ер көтереді, қорлықты дария көтереді, арысты ай көтереді, өлімді сай көтереді (фольклор).

<Жүнді су көтереді↓> // <жүйрікті ду көтереді↓> // <қайғыны ер көтереді↓> // <қорлықты дария көтереді↓> // <арысты ай көтереді↓> // <өлімді сай көтереді↓> ///

Данное бессоюзное сложносочиненное предложение состоит из шести простых предложений с общим для них сказуемым, повторяющимся в одинаковой форме, что, по мнению Сауранбаева, придает предложению поэтическую окраску.

Такие синтаксические конструкции произносятся с интонацией перечисления, когда каждая синтагма оформляется одинаковыми просодическими средствами: мелодическими, темпоральными и динамическими, отделяясь друг от друга паузой.

В бессоюзных сложносочиненных предложениях второго типа (*сыйсыңқы*) имеется всего одно сказуемое, находящееся в конце предложения. Такие синтаксические конструкции представляют собой сокращенные варианты первых типов (*жайылыңқы*). Например:

Бір жерде күш, бір жерде өнер, бір жерде мінез көрсетіледі.

<Біржерде күш↑< // <біржерде өнер↑< // <біржерде мінез көрсетіледі↓>///

Сложносочиненные союзные предложения, образующие в своем сочетании структурно-синтаксическое и смысловое единство, соединяются посредством союзов и интонации. Сочинительные союзы в сложносочиненном предложении, являясь средством связи его частей, одновременно выступают как показатели отношений между ними. В казахском синтаксисе различают несколько типов союзных сложносочиненных предложений: 1) соединительные (*ыңғайлас*), 2) противительные (*қарсылықты*), 3) причинно-следственные (*себеңсалдар*), 4) талғаулы, 5) кезектес (*Балакаев, Қордабаев, 1961, с. 207*).

1. Присоединительные (*ыңғайлас*) сложносочиненные предложения соединяются при помощи союзов *әрі, да, де, та, те*, в которых выражается временная связь двух или нескольких явлений, действий, событий – их последовательность и одновременность. Например:

1) *Сөз осымен бітті де, Алышымбай үйіне қайтты* (Ә. Әбішев).

2) *Менде документ жоқ, әрі үйлердің адресі жоқ* (С. Мұқанов).

3) *Арада көп күн салмай-ақ ауа райы бір қалыпқа тоқырады да, аспан түйдек-түйдек салқын қоңыр бұлттан арылды* (Х. Есенжанов).

4) *Сіздің қолыңыз босай қоймас және босағанмен бұл жұмыс сізге ауыр тиер* (С. Мұқанов).

5) *Қашқын ұзап кетті және Кертөбелге жетер мұнда ат жоқ* (Ғ. Мұстафин).

1) <Сөз осымен бітті де↑< // <Алышымбай үйіне қайтты↓> ///

2) <Менде документ жоқ↓> // <әрі үйлердің адресі жоқ↓> ///

3) <Арада көпкүн салмай-ақ↑< // <ауарайы бірғалыпқа тоқырады да↑< // <аспан түйдек-түйдек салқынқоңұр бұлттан арылды ↓> ///

4) <Сіздің колүңүз босайгоймас↓> // <және босағаммен / бұлжұмұс сізге ауұртійер ↓>///

5) <Қашқын ұзапкетті↓> // <және Кертөбөлге жетер мұнда атшоқ↓>///

В данных примерах союзы независимо от места положения акцентируются посредством максимальных значений частоты основного тона, интенсивности и длительности. Каждое простое предложение выделяется в отдельную синтагму с восходящим и нисходящим направлением движения основного тона, перепад тона на стыках синтагм оформляется за счет отрицательных мелодических интервалов.

2. Противительные (*қарсылықты*) сложносочиненные предложения употребляются с противительными союзами *бірақ, дегенмен, ал, алай да, әйтсе де, сонда да, сөйтсе де, сөйткенмен, деген*. Связь таких простых предложений обусловлена противительными значениями отношениями. Противительные союзы, находясь между двумя компонентами, предваряют второй компонент сложносочиненного предложения. Например:

1) *Қуып жеткен Көккептер қоянды екі-үш рет шалып еді, бірақ қояны құрғыр ауызға түсе қоймады (С. Мұқанов).*

2) *Біз ұзақ жолдан сонша қажып келген едік, сөйтсе де ауыл адамдарына сыр бермеуге тырыстық (М. Әуезов).*

3) *Бұлар асығыңқырап отыр еді, сонда да Тәрбиенің дастарқан жаюына қарсы болған жоқ (С. Мұқанов).*

4) *Заты жуас, момын жігіт еді, сөйтсе де күйеуінің бұл жолғы ісінің түрі басқа (Ә. Нұрпейісов).*

5) *Мен үйіме қайтып келдім, дегенмен оның жаудыраған қара көздері есімнен кетпей қойды (І. Есенберлин).*

1) <Құуұбжеткен көккептер↑> // <қойанды ек' -үш 'рет шалыбеді↑> // <бірақ қойаны ғұрғұр ауұзға түсе ғоймады↓> ///

2) <Біз ұзақ жолдан сонша қажып келген едік↓> // <сөйтсе де ауыл адамдарына сырбермеуге тырыстық↓>

3) <Бұлар асығыңқырап отүреді ↓> // <сондада Тәрбіенің дастархан жайұуұна қарсы болғанжөк↓> ///

4) <Заты жұуас↑< // < момұн жігітеді↓> // <сөйтсөде күйеууұнұн бұлжолғ' ісінің түрү баска↓> ///

5) <Мен үйүме ғайтып келдім↓> // <дегеммен онұн жаудыраған карағөздөрі ↑< // <есімнең гетпей ғойдү ↓>///

Приведенные предложения произносятся с противительной интонацией. Та часть предложения, в которой находится противительный союз, по смыслу и интонационно противопоставляется предыдущей части. Противопоставляемые части образуют восходящие и нисходящие интонационные члены предложения. Первый компонент может состоять из нескольких синтагм, характеризующихся легким подъемом тона в конце каждой синтагмы, после последней (синтагмы) наблюдается перелом мелодического контура за счет отрицательных интервалов тона. Противительный союз аккумулирует на себе максимальные показатели просодических средств, после чего интонационная кривая падает до минимальных значений.

3. Причинно-следственные (себеп-салдар) сложносочиненные предложения образуются посредством союзов *өйткені, себебі, сол себепті, сондықтан, неге десең*, которые предваряют второй компонент сложносочиненных предложений. Например:

1) *Малбағар мұны көрмек түгіл естімеген еді, сондықтан ол бұған біраз таңданды* (С. Мұқанов).

2) *Әбіш қазіргі мінезі туралы ашылған жоқ, өйткені көп сөз етуді лайық көрмеді* (М. Әуезов).

3) *Бұл араның малы қыс жұтауға тиісті емес, себебі ондаған көлдің төңірегіне жайыла шалғын өседі* (С. Мұқанов).

4) *Қыс аяғы ұзаққа созылатын түрі бар, сондықтан жайылысты күтіп пайдалану керек* (М. Әуезов).

1) <Малбағар мұнұ көрмөк түгүл↑< // <естімеген еді↓> // <сондұқтан ол бұғам бірэз таңданды ↓>///

2) <Әбіш қазіргі мінезі тұралы / ашылғанжоқ↓> // <өйткенү көп сөз етүүд' "лайық көрмөдү↓> ///

3) <Бұл араның малы қышшұтауға тійіст'емес↑> // <себебі ондағангөлдүң төңүрегіне жайыла шалғын өсөдү↓> ///

4) <Қысайағы ұзаққа созулатын түрүбар↓> // <сондықтан жайылысты гүтүп пайдалануу герек↓>///

В интонационном плане причинно-следственные отношения выражаются интонационной самостоятельностью компонентов. Первый компонент состоит из нескольких синтагм, предшествующие союзу синтагмы произносятся с легким подъемом тона в конце каждой синтагмы. Последнее слово заключительной синтагмы первого компонента предложения характеризуется длительностью, после которой регистрируется значительная пауза. Второй компонент представляет собой самостоятельную синтагму с нисходящим мелодическим контуром. На союзах локализуются максимальные значения частоты основного тона, длительности и интенсивности.

4. Разделительные (*талғаулы*) сложносочиненные предложения образуются посредством союзов *не, немесе, әйтпесе, болмаса, е, әлде*, выражающих значение чередований событий, явлений или перечисления взаимоисключающих событий. Например:

1) *Қашқалақтап жоламай жүрген өзің, әйтпесе сені де үлде мен бүлдеге орай салудан ештеңем кетпейді* (С. Мұқанов).

2) *Я мен барамын, әйтпесе ақсақалдың өзі келер* (Ә. Әбішев).

3) *Маған жолға жеткендей қаржы жіберсін, болмаса мен бара алмаймын* (А. Тоқмағамбетов).

4) *Не мен жатырқаған шығармын, не сен өзгерген шығарсың, рас танымай тұрмын* (С. Мұқанов).

5) *Сен қазір жұмысқа кіріс, // немесе мен сені / бұл маңайдан қуамын* (Ә. Әбішев).

1) <Қашқалақтап жоламай жүрген өзүң↓> // <әйтпесе сені де үлдө мем бүлдөге орай салудан ештеңем гетпейді ↓> ///

2) <Ійә мем барамын↓> // <әйтпесе ақсақалдың өзү гелер↓> ///

3) <Маған жолға жеткендей / қаржы жіберсін↓> // <болмаса мем бар' алмаймын↓> ///

4) <Не мен жатырқаған шығармын↑< // <не сен өзгерген шығарсың↓> // <«рас танымай тұрмұн↓> ///

5) <Сенгәзір жұмұса гіріс↓> // <немесе мен сені / бұл маңайдан құауың↓> ///

Интонационные характеристики таких предложений представляют собой волнообразные повторяющиеся рисунки: переход от одной синтагмы к другой очень плавный, каждая синтагма имеет свой интонационный контур, причем последнее слово является наиболее сильным, а гласный – наиболее долгим. Стыки между синтагмами оформляются перепадами интервалов тона, незначительными паузами, только перед союзами регистрируется длительная пауза, передающая разделительный характер связи компонентов предложения.

5. Сложносочиненные (*кезектес*) предложения, передающие чередование событий, образуются с помощью союзов *бірде, біресе, кейде*. Такие предложения с повторяющимися союзами часто характеризуются параллелизмом структуры входящих в них простых предложений, выражающих чередование, смену действий. Например:

1) *Ел іші сапырылысып жатқан әскер: біресе қызыл келеді, біресе ақтың әскері келеді (Б. Майлин).*

2) *Раушан бірде ақтарыла салатындай сондайлық жақын көрінеді, бірде ол салқын тартып алыстап кетеді (Т. Ахтанов).*

3) *Жәутіктің ойы кейде бұлттан шыққан қырандай жарқ етіп бой тастайды, кейде ол құйылып алдына қайтып келеді (Х. Ергалиев).*

1) <Еліші сапырлысыб жатқан әскер↓> // <біресе қызылгеледі ↑ // <біресе ақтың әскері геледі↓> ///

2) <Раушан бірде ақтарыла салатындай↑< // <сондайлық жақынгөрүнеді↓< // <бірде ол салқынтартып алыстапкетеді↓> ///

3) <Жәутіктің ойұ / кейде бұлттан шыққан ғырандай↑< // <жарк етіп бой тастайды↑< // <кейд' ол құйұлұп алдына ғайтып келеді↓> ///

В приведенных примерах каждая синтагма имеет свой автономный мелодический рисунок с восходящим и нисходящим направлением движения основного тона, длительная пауза отмечается перед повторяющимися союзами. Внутри первых синтагм первого и второго предложений имеются ритмические группы, характеризующиеся

легким тональным подъемом. После ритмической группы нет резкого скачка тона, нет и паузы, мелодический переход мягкий, незаметный. На союзах локализуются пиковые значения тональных, динамических и временных параметров.

В общем, сложносочиненные предложения, состоящие из двух или нескольких компонентов, составляют тесное грамматическое и смысловое единство, объединенное противительными, причинно-следственными, присоединительными и другими связями. В союзных предложениях компоненты равноправны и соединены сочинительной связью посредством союзов и интонации. Бессоюзные предложения объединяются с помощью интонационных средств, которые в какой-то мере возмещают отсутствие такого важного формального показателя связи, как союзы. Наши эксперименты подтверждают закон компенсации интонационных и грамматических средств, сформулированных А. М. Пешковским: в бессоюзных предложениях наиболее ярко проявляются интонационные средства, в союзных интонационные средства компенсируются грамматическими (союзами). Независимо от места локализации союзы акцентируются тональными, динамическими и временными параметрами.

Таким образом, многообразные смысловые и синтаксические отношения во всех видах сложносочиненных предложений могут передаваться просодическими средствами. Причем посредством интонации выражаются только общие семантико-синтаксические отношения. Было бы неправильно говорить об интонации в причинно-следственных или присоединительных сложносочиненных предложениях, поскольку интонация показывает только общие характеристики, свойственные данной категории. Синтаксические и интонационные единицы не симметричны: синтаксических единиц больше интонационных, поэтому несколько синтаксических единиц могут соответствовать одной интоне. Сложносочиненные предложения могут передаваться тремя интонемами. В двухсинтагменных предложениях первая синтагма соответствует **интоне не завершенности**, вторая – **интоне завершенности**. Если предложение состоит из нескольких синтагм, то срединные синтагмы относятся к **интоне вставки**.

*Интонационные характеристики
сложноподчиненных предложений*

Сложноподчиненные предложения имеют две соотнесенные части, выражающие определенное грамматическое значение, – главную и придаточную. Часть предложения, грамматически подчиняющая себе другую, называется главной частью (*басыңқы*), подчиненная часть предложения – придаточной частью (*бағыныңқы*). В зависимости от того, какие синтаксические функции выполняет придаточное предложение по отношению к главному, в казахском языке выделяют следующие типы придаточных предложений: 1) с придаточными временными (*мезгіл бағыныңқылы*), 2) с придаточными причинными (*себеб бағыныңқылы*), 3) с придаточными обстоятельственными (*қимылсын*), 4) с придаточными цели (*мақсат бағыныңқылы*), 5) с придаточными противительными (*қарсылықты бағыныңқылы*), 6) с придаточными условными (*шартты бағыныңқылы*), 7) с придаточными сравнительными (*салыстырмалы бағыныңқылы*). (Қазіргі қазақ тілі, 1954, с. 534–540; Балакаев, Қордабаев, 1961, с. 226–234).

1. В сложноподчиненных предложениях с придаточной временной частью события сопоставляются во времени. События, описываемые в предложении, могут протекать одновременно и последовательно, что выражается различными глагольными формами:

1) Абай есікке жақындай бергенде, оның қарсы алдынан Қазақбай шықты (М. Әуезов).

2) Абай үйге кіргенде, Әбіш конверттегі бар қағазды оқып шықты (М. Әуезов).

3) Күртік қар ығысып нығайған сайын, Хасан тынышсыздана берді (Ғ. Мүсірепов).

4) Бұл арадағы майдан біткен соң, ол топ жылқының соңынан / шаба жөнелді (М. Әуезов).

5) Құнанбай аттанып кеткенге дейін, // мұндай ауылдар құрақ ұшып // қалбақ қағып жүреді (М. Әуезов).

6) Мен майданнан қайтқалы, // сен бір рет келіп // жолыққанды білмедің (Ғ. Мүсірепов).

7) Колхоз бастығы Нұртаза келе, // жиналған жұрт отыра бастады (Ғ. Мүсірепов).

1) <Абай есікке жақындай бергенде↑< // <онұң қарс' алдынан Қазакбай шықты↓> ///

2) <Абай үйге гіргенде↑< // <Әбіш конверттегі / барғағазды оқұпшықты↓> ///

3) <Күртүкқар / ығысып нығайғансайын↑< // <Хасан тынышшыз- дана берді↓> ///

4) <Бұл арадағы майдан біткенсоң↑< // <ол тобжылкының соңұнан / шабажөнөлдү↓> ///

5) <Құнанбай аттанып кеткеңге дейін↑< // <мұндай ауұлдар құрағұшұп↑< // <қалбақ қағыбжүрөдү↓> ///

6) <Мен майданнаңайтқалы↑< // <сем бір'рет келіп↑> // <жолұққанды білмедің↓> ///

7) <Колхозбастығы Нұртаза геле↑< // < жыйналғанжұрт отұрабастады ↓> ///

Приведенные примеры состоят из нескольких синтагм, имеющих самостоятельную интонационную структуру. Придаточная часть предваряет предложение, образуя отдельную синтагму с восходящим направлением движения основного тона, после чего сигнализирует значительная пауза. Синтагматическое ударение, маркированное темпоральными, тональными и динамическими средствами, локализуется на последнем слове синтагмы, которое приходится на глагольную форму. Вторая часть предложения, выражающая главную мысль, может состоять из одной или нескольких синтагм в зависимости от смысловой интерпретации. Общий интонационный контур этой части представляет собой восходяще-нисходящее движение без резких перепадов тона, конечная синтагма произносится с завершенной интонацией.

2. В сложноподчиненных предложениях с причинной придаточной частью указывается причина или обоснование действий, событий, о котором говорится в главной части. Придаточный компонент часто объединяется с главным посредством аффикса *-дықтан* и вспомогательного слова *соң*. Например:

1) Абай өзін күлкі қып қатты тойтарып тастағандықтан, Майыр енді бәсеңдеп сөйлейтін болды (М. Әуезов).

2) Алышымбай кірісем деген соң Майырдың да ектей қоятын жері жоқ (М. Әуезов).

3) Жандаралдың қандай байлау жасайтыны мәлім болмағандықтан, Лосовский өз сырын аша алмайды (С. Мұқанов).

4) Ысқақтар жасы кіші болғандықтан, Абай сәлем беріп келіп аттарынан түсті (М. Әуезов).

5) Никифоров олардың тарағанын көріп, өзі де сескеніп қалды. (М. Әуезов).

6) Айтұшысы жоқ болған соң, бұл сөздің Тәкежанға дарымайтынын Абай өзі де сезіп келген (М. Әуезов).

1) <Абай өзін күлкі қып / қатты тойтарып тастағандықтан ↑ < // < Майыр енді / бәсеңдеп сөйлейтін болды ↓ > ///

2) <Алышымбай кірісем деген соң ↑ < // < Майырдың да / ектей қоятын жері жоқ ↓ > ///

3) <Жандаралдың қандай байлау жасайтыны / мәлім болмағандықтан ↑ < // < Лосовский / өзі сырын аша алмайды ↓ > ///

4) <Ысқақтар жасы кіші болғандықтан ↑ < // < Абай сәлем беріп келіп ↑ < // < аттарынан түсті ↓ > ///

5) <Никифоров олардың тарағанын көріп ↑ < // < өзін де сескеніп қалды ↓ > ///

6) <Айтұшысы жоқ болған соң ↑ < // < бұл сөздің Тәкежанға дарымайтынын / Абай өзі де сезіп келген ↓ > ///

Данные предложения в зависимости от формы и содержания делятся на синтагмы и ритмические группы. Придаточные и главные компоненты образуют восходящие и нисходящие кривые двучленной фразы. Каждая из компонентов может состоять из двух и более синтагм. Внутри длинной синтагмы объединяется несколько ритмических групп. На стыках компонентов кроме паузы наблюдается перелом мелодического контура за счет отрицательных интервалов тона. Первая зависимая часть образует большую мелодическую волну,

внутри которой регистрируются небольшие подъемы, вторая часть постепенно идет на спад с незначительными модуляциями. Максимальные значения частоты основного тона, интенсивности и длительности локализуются на последнем слове зависимого компонента.

3. В сложноподчиненных предложениях с обстоятельственными придаточными действия и явления, о которых говорится в главной части, раскрываются в зависимой части. В придаточной части таких предложений в качестве сказуемых употребляются глагольные формы, образованные посредством причастных аффиксов *-най, -май, -дай*, а также деепричастного аффикса *-п*.

1) *Өдек үй ішінің қамын күйеуіне айтпай, өзі басқарып кетті* (М. Әуезов).

2) *Есептің арғы жағы айтылмай, отырғандар күлісіп кетті* (Ғ. Сланов).

3) *Біреу аржағында аузына сөз салып тұрғандай, бала іркілмей сөйлеп берді* (М. Әуезов).

4) *Мағаш Кәкітайды алға қарай итере түсіп, өзі соның артынан ала жүрді* (М. Әуезов).

5) *Үй төбесі кенет ашылып кетіп маңайы нұрға толған тәрізденді* (Б. Майлин).

6) *Дауысы ауылдың үстіндегі бар шуды басып, Базаралы алғыр қырандай саңқылдайды* (М. Әуезов).

1) <Өдек үйішінің ғамын күйеуүн' айтпай↑< // < өзү басқарыпкетті ↓>///

2) <Есептің арғы жағы айтылмай ↑< // <отұрғандар күлүсүпкетті↓>///

3) <Біреу аржағында / аузына сөссалып тұрғандай↑< // <бала іркілмей сөйлөпперді ↓>///

4) <Мағаш Кәкітайды / алғағарай ійтеретүсүп↑< // <өзү сонүн артынан алажүрдү↓> ///

5) <Үйтөбесү кенет ашылып кетіп ↑< // <маңайы нұрға толған тәрізденді↓> ///

6) <Дауұсұ ауұлдың үстіндегі бар шұудұ басып ↑< // < Базаралы алғырғырандай саңкылдайды↓> ///

Такие типы предложений произносятся как двучленные фразы с восходящей и нисходящей мелодической кривой. В зависимости от длины каждый член может состоять из синтагмы, объединяющей ритмические группы. В большинстве случаев при переходе от одной синтагмы к другой изменяется темп речи: зависимая часть, как правило, произносится быстрее главной. Наблюдается контрастирование по мелодическому диапазону: главная мысль характеризуется более широкими тональными диапазонами. Максимальные значения тональных, динамических и темпоральных параметров локализуются на последнем слове первой синтагмы.

4. В сложноподчиненных предложениях с придаточным цели придаточная часть указывает на цель, назначение действия, совершаемого в главной части. Придаточный компонент в таких предложениях часто заканчивается на вспомогательные слова *үшін* и *деп*. Например:

1) *Жолдасы көріп қалмау үшін Өтеп басқа бөлмеге барып тасаланды* (Ә. Әбішев).

2) *Жолдастарының хал-жайын білейін деп, Иван көршілес вагонға бармақ болды* (А. Тоқмағамбетов).

3) *Күзетші сезіп қалмау үшін, біз жыраның ішімен еңбектеп кеттік* (С. Көбеев).

4) *Дәуіт ұшып кетпеу үшін, Қарлығаш оның қанатын қырқып қояды* (С. Мұқанов).

5) *Ат тұяғының дүбірі естілмесін деп, бұлар ауылдың ық жағына қарай, бұрыла жүрді* (М. Әуезов).

1) <Жолдасы гөрүп калмауүшүн ↑< // <Өтеп басқа бөлмеге / барып тасаланды↓> ///

2) <Жолдастарының хал-жайын білейіндеп↑< // <Иван көршілес вагонға / бармақполдұ↓> ///

3) <Күзөтшү сезіп калмауүшүн↑< // <біз жыраныңішімен еңбектепкеттік↓> ///

4) <Дәуіт ұшұп кетпеуішүн ↑< // < Қарлығаш онұң қанатын / кыркыпқойады↓> ///

5) <Ат тұяғының дүбүрү естілмесіндеп↑< // < бұлар ауылдұн ығжағына ғарай / бұрұла жүрдү↓> ///

Вышеприведенные предложения произносятся интонацией двучленных фраз. Контрастирование компонентов наблюдается по всем трем акустическим параметрам. Временное соотношение проявляется в разном темпе произнесения анализируемых частей: главная часть реализуется в более медленном темпе, что свидетельствует о ее большем смысловом весе. Тональные диапазоны также сигнализируют о разном семантическом содержании компонентов, что проявляется в их разном значении. Динамические показатели уменьшаются к концу фразы, что соответствует закономерностям казахской речи. Первая синтагма имеет восходящий мелодический контур, с отрицательными интервалами тона, второй синтагме присущ постепенный нисходящий тональный рисунок. Пиковые значения акустических параметров локализуются на вспомогательных словах в конце первой синтагмы.

5. Сложноподчиненные предложения с условной придаточной частью содержат указание на условие, от которого зависит осуществление действия в главной части сложноподчиненного предложения, при этом сказуемое в условном наклонении согласуется с подлежащим в лице. Например:

1) *Асбасшы Хасенді алсақ, оның он екі нұт салмағы бар* (Ғ. Мүсірепов).

2) *Құнанбай жүрісі баяуласса, Абайдың Аймаңдайы жол жорғасына салады* (М. Әуезов).

3) *Барлық адам жабылып кетсе, бұл үй тез бітер еді* (Ғ. Мұстафин).

4) *Керегі белсенді болса, осы сенің өзіңді соның жанына белсенді қылып беремін* (Б. Майлин).

5) *Бұл әңгімені анау қайын жұрт білсе, ағайын алалығы туып кетуі де мүмкін* (М. Әуезов).

6) *Бірлік болмай тірлік болмас, ынтымақ болмай іс оңбас* (Мақал).

7) Бастық оңбайынша, колхоз оңбайды (С. Мұқанов).

- 1) <Аспашшы Хасенд' алсақ↑ < // < онұң онекіпұт салмағыбар ↓ > //
- 2) <Құнамбай жүрүсү байауласа↑ < // < Абайдың Аймандайы / жол жорғасына салады ↓ >
- 3) <Барлығыдам жабылыпкетсе↑ < // < бұлүй тезбітереді ↓ > //
- 4) <Керегі белсенді болса↑ < // < осұ сенің өзүңдү / сонұң жанына белсенді ғылып перемін ↓ > //
- 5) <Бұл әңгімені / анау қайынжұрт пілсе ↑ < // < ағайын алалығы тұуұп кетүүу де мүмкүн ↓ > //
- 6) <Бірлік болмай↑ < // < тірлікполмас ↓ > // < ынтымақполмай↑ < // < іс онбас ↓ > //
- 7) <Бастығонбайынша ↑ < // < колхоз оңбайды ↓ > //

В данных примерах главная и придаточная части образуют самостоятельные синтагмы. Смысловая зависимость частей проявляется в их интонационных характеристиках. Первая синтагма произносится с повышением на сказуемом в условном наклонении (*алсақ, баяуласа, кетсе, болса, білсе, болмай, оңбайынша*), которое является смысловым и интонационным центром. На стыках синтагм наблюдается перепад мелодики за счет отрицательных интервалов тона. Значительная пауза между синтагмами и их темпоральные показатели свидетельствуют о смысловом различии анализируемых сегментов. Тональные уровни и диапазоны также сигнализируют о семантико-интонационном контрастировании частей. Динамические максимумы и минимумы приходятся на конечные слова обеих синтагм. Вторая часть независимо от количества синтагм характеризуется постепенным понижением тона и других просодических средств до минимального значения.

6. В сложноподчиненных противительных предложениях содержание, заключенное в придаточной части, противопоставляется тому, что утверждается в главной части. Противопоставление в таких пред-

ложениях выражается посредством аффиксов и вспомогательных слов *мен, де, да, ша*. Например:

1) *Аяз қатты болғанмен, күн ашық, шыңылтыр еді (М. Әуезов).*

2) *Ол ішінен жегідей жегісі келгенмен, Шаһиза қажырлылық қылды (М. Әуезов).*

3) *Бұл пікірге Масақбай қарсы болғанмен, басқарманың өзге мүшелері оны қабылдайды (С. Мұқанов).*

4) *Өзі құс салып аңшылық қылып көрмесе де, Абай қаршыға салған үлкендердің қасына көп еріп еді (М. Әуезов).*

5) *Сол жылдарда Күнту басқа жаққа шығып кетсе де, Оразбай оны бір аяғынан іліп қалды (М. Әуезов).*

6) *Әкенің өзі айтып бермесе, Абай аналардың қуанышпен қарсы алған көңілдерін мұңайтқысы келмейді (М. Әуезов).*

7) *Оқушылардың біріншісі байыппен сөйлесе, екіншісі асыға сөйлейді (М. Иманжанов).*

8) *Бұл жұмысты сен оған тапсырғанша, өзің істеп таста (Ғ. Мүсірепов).*

1) <Аяз қатты болғанмен↑< // <күн ашық ↑< // <шыңылтыр еді↑> ///

2) <Ол ішінен жегідей жегісі гелгеммен↑< // <Шәһиза қажырлылық қылды ↓> ///

3) <Бұл пікірге / Масақбай қарсы болғанмен↑< // <басқарманың өзге мүшелері / оны қабылдайды ↓> ///

4) <Өзі құс салып / аңшылық қылып көрмесе де↑< // <Абай қаршығасалған үлкендердің қасына көберібеді ↓> ///

5) <Сол жылдарда / Күнту басқажаққа шығыпкетсе де↑< // <Оразбай оны бір аяғынан іліпқалды ↓> ///

6) <Әкенің өзү айтыппермесе ↑< // <Абай аналардың / қуанышпенғарс' алған көңүлдерін / мұңайтқысы гелмейді ↓> ///

7) <Оқушұлардың біріншісі байыппен сөйлөсе↑< // <екіншісі асыға сөйлейді ↓> ///

8) <Бұл жұмұстұ / сен оған тапсырғанша ↑< // <өзүң істеп таста ↓> ///

Об интонации противительных предложений писал Н. Т. Сауранбаев: «Қайшылас сабақтастағы сөйлемдердің үлкен қасиеттерінің бірі – олар өте тұрақты интонациямен айтылады. Олардың өзара құрмаласу тәсілдері түрліше болғанмен, интонациясы бірдей. Әрқашан сабақтастағы алдыңғы сөйлем соңғы сөйлемнен бөлек айтылады, оның үстіне баяндауышқа қосылып, қайшылық мәнді білдіретін *-мен* қосымшасы мен *-да* қосалқысы ерекше екпінмен айтылады» (Қазіргі қазақ тілі, 1954, с. 547). Как правильно отмечает ученый, такие типы предложений в интонационном плане характеризуются большой стабильностью. Каждая синтагма представляет собой самостоятельный мелодический контур, та, которая противопоставляется по смыслу главной части, характеризуется восходящим направлением движения основного тона до максимального значения, после чего наблюдается перелом мелодического контура, сопровождающийся изменением динамических и темпоральных параметров. Противопоставление синтагм по смыслу проявляется в их просодических показателях: придаточная часть, несущая вспомогательную мысль, произносится быстрее главной части, в которой сосредоточена основная мысль. О семантико-интонационном противопоставлении анализируемых частей свидетельствуют и различные величины тональных уровней, диапазонов.

В сравнительных сложноподчиненных предложениях придаточная часть поясняет содержание главной части при помощи сравнения. В таких предложениях в структуре придаточной части нередко употребляются вопросительные местоимения *қандай*, *қанша*, *қалай*, тогда как в структуре главной части – соответственно *сондай*, *сонша*, *солай*. Например:

1) *Сіздің үйдегі Сәду ағай маған қандай жақын болса, Келдібай да сондай бауырым еді* (Ә. Әбішев).

2) *Басқалар қандай қуанса, ол да сондай қуанған еді* (Ә. Әбішев).

3) *Күннің ұзақтығы қанша болса, оның еңбек сағаты да сонша* (М. Әуезов).

4) *Өзгелер қалай жүрсе, мен де солай жүремін* (С. Мұқанов).

1) <Сіздің үйдегі Сәдуағай↑< // <маған қандай жақымболса ↑<//
<Келдібай да сондай бауұрұм еді ↓>///

2) <Басқалар қандай ғұуанса↑< // < ол да сондай ғұуаңған еді↓> ///

3) <Күннің ұзақтығы қаншаболса↑ < // < оның еңбексағаты да сонша↓> ///

4) <Өзгөлер қалайжүрсө ↑< // < мен де солайжүрмөмүн↓> ///

В придаточных компонентах сказуемые выражаются причастиями в прошедшем времени посредством аффиксов -дай, -дей.

1) Осы қуаныш қуатын арттыра түскендей, Сырбай кетпенін жылдамырақ сілтеді, нығырақ ұрды (С. Мұқанов).

2) Қамыс құрақ басын ақырын жел желпіп, судыратып кеткендей, қысқа сыбыр қазақ тобын түгел айналып шықты (М. Әуезов).

3) Кең бөлменің ауасы жетпегендей, оның демі тарылып кетті (С. Мұқанов).

4) Сондай өмір өзіне еліктіргендей, Дәулет ауылдағыдан әлдеқайда сауықшыл боп кеткен сияқты (С. Мұқанов).

1) <Осұ ғұуаныш / құуатын арттыра түскендей ↑< // <Сырбай кетпенін жылдамырақ сілтеді ↑< // < нығырағ ұрдү↓> ///

2) <Қамысқұрақпасын / ақырын желжелпіп ↑< // < сұдұратып кеткендей↑< // <қысқа сыбыр қазақтобұн / түгел айналып шықты↓> ///

3) <Кең бөлмөнүн ауасы жетпегендей↑< // < онүн демі тарылыпкетті↓> ///

4) <Сондай өмүр өзүн' еліктіргендей↑< // < Дәулет ауылдағыдан Әлдеқайда сауықшыл боп кеткен сыйақты↓> ///

В приведенных примерах главные и придаточные части образуют отдельные синтагмы. Незавершенные синтагмы характеризуются восходящими направлениями частоты основного тона, максимальные значения мелодических временных и динамических параметров локализуются в конце последней незавершенной синтагмы, после которой регистрируется значительная пауза. Дифференциация придаточной и главной части проявляется в различных показателях темпоральных и тональных просодических средств. Анализируемые части произносятся в различном темпе и реализуются в разных мелодических регистрах. Слова, выража-

ющие сравнительное значение, акцентируются всеми просодическими характеристиками речи: частоты основного тона, длительности и интенсивности. Придаточная в зависимости от позиции относится к интоне незавершенности или вставки, а главная часть по своим акустическим параметрам соответствует интоне завершенности.

При объединении в сложное предложение трех и более простых предложений по способу подчинения возможны два типа отношений между объединяемыми предложениями: последовательное и параллельное (Балакаев, Қордабаев, 1961, с. 250–253). При последовательном подчинении первое предложение является главным, и к нему присоединяется цепь простых предложений, из которых каждое является придаточным по отношению к предшествующему. Например:

1) *Саяхатшылар тақалған сайын, Көкшенің сұлулығы айқындалып, Оқжетпес көзге еркін шалына бастады* (М. Иманжанов).

2) *Қолы демеу алғандықтан, аяғы басқан жеріне шегедей қадалып, Жарқын ілгерілеп келеді* (М. Иманжанов).

3) *Қыстың қысқа күні түс жағына келгенде, барлық жылқышы түсіріліп, ат атаулы алынып, Абылғазының айтқаны түгелдей орындалады* (М.Иманжанов).

1) <Саяхатшылар тақалған сайын↑< // <Көкшенің сұлулық? айқындалып↑< // <Оқжетпес көзге еркін шалына бастады↓> ///

2) <Қолу демеу алғандықтан↑< // <аяғы басқан жеріне шегедейғадалып↑< // <Жарқын ілгерілеп келеді↓> ///

3) <Қыстың қысқа күнү / түшшағына гелгенде ↑< // <барлық жылқышы түсүрүліп↑< // <ат атаулы алынып ↑<// Абылғазының айтқаны түгелдей орындалды ↓>///

Придаточные предложения в таких типах предложений произносятся с однородной интонацией перечисления. Функциональная однозначность синтагм проявляется в сходстве мелодических контуров и выделением последнего слова посредством максимальных просодических средств. Перечислительная интонация свидетельствует о незавершенности мысли, что передается восходящим направлением движения основного тона, причем восходящий мелодический контур

синтагм расположен по нарастающей волне. На стыках синтагм наблюдается изменение не только тональных, но и временных и динамических параметров.

При соподчинении придаточные предложения относятся к главному, дополняя его или поясняя, составляя логико-смысловые компоненты. Например:

1) *Самайына ақ кіріп, шеңбері кеңіп, Ушаков толысуға айналған* (Ғ. Мүсірепов).

2) *Шашының ағы көбейіп, бет-аузындағы әжімдері де тереңдеп, бір түннің ішінде ол босап кетіпті* (Ғ. Мүсірепов).

3) *Байжан әбден ұзап кеткен соң, әйелдер шаруаларына кірісуге үйге қарай беттегенде, Ақмола жолының үстінде қарайған жалғыз адам көрінеді* (Ғ. Мүсірепов).

1) <Самайына ақкіріп↑ < // < шеңбері кеңіп↑ < // < Ушаков толысуға' айналған↓> ///

2) <Шашының ағы көбейіп ↑ < // < бет-аузындағы әжімдері де тереңдеп ↑ < // < бір түннің ішінде / ол босап кетіпті↓> ///

3) <Байжан әбден ұзап кеткен соң↑ < // < әйелдер шаруаларына кірісуге үйге қарай беттегенде ↑ < // < Ақмола жолының үстінде қарайған жалғыз адам көрінеді↓> ///

Соподчиненные члены таких сложных предложений образуют отдельные синтагмы, отделяемые друг от друга паузой. Интонация перечисления зарегистрирована и в этих типах соподчинения, с той небольшой разницей, что однородные члены перечисления, неся одинаковую информационную нагрузку по отношению к главному предложению, характеризуются одинаковыми по мелодике однотонными контурами с подъемом тона на последнем слове синтагмы, сопровождающемся также усилением интенсивности и длительности.

В зависимости от общего содержания и стиля речи используются самые разнообразные типы соединения простых предложений в сложные. В составе сложных предложений предикативные части могут соединяться между собой сочинительными и подчинительными связями (Қазіргі қазақ тілі, 1954, с. 554). Например:

Ол әйелден бала көп туган да, бірақ олар өле беріп, жалғыз бала қалған (С. Мұқанов).

<Ол әйелден бала көптүуған да↑< // < бірағ олар өлөберіп < // <жалғызбала ғалған↓> ///

В данном предложении, состоящем из трех простых, первые два находятся в сочинительной связи, второе и третье – в подчинительной. Предложение состоит из трех синтагм, первые две произносятся с незавершенной интонацией, последнее – с интонацией конца. Союзы *да* и *бірақ* аккумулируют на себе максимальные значения тональных, динамических и временных параметров. На первом стыке кроме удлинённой паузы наблюдается резкий перепад мелодических интервалов, сопровождающийся и изменением интенсивности и длительности, что сигнализирует об информативной значимости союзов. Изменения просодических параметров на втором стыке синтагм происходит менее заметно. Конечная синтагма, выражающая главную мысль, произносится в более замедленном темпе по сравнению с предыдущей.

Приведем еще одно предложение такого типа, состоящее уже из четырех компонентов. Например:

Шөптің бойы биік болады да, қашқан ақ қоян мен түлкі болса, шөптер көрсетпейді, аңдар қалай қашқанын иттің жобасынан ғана байқаймыз (С. Мұқанов).

<Шөптүн бойұ бйік болады да↑< // <қашқан аққойам мен түлкү болса↑< // <шөптөр көрсөтпейді↑> // <аңдар қалайғашқанын / йіттің жобасынаңғана байқаймыз↓> ///

В этом примере компоненты сложного предложения соединены и сочинительной, и подчинительной связью. Предложение состоит из четырех синтагм, отделенных друг от друга паузой. На стыках синтагм наблюдается перелом мелодического контура, сопровождающегося резким изменением динамических и временных просодических параметров. Контрастирование компонентов сложного предложения проявляется в различной величине тональных диапазонов и уровней. Временная дифференциация анализируемых частей проявляется

также в различном темпе их произнесения. Обнаружена тенденция усиления интенсивности к концу незавершенных синтагм. Союз *да* акцентируется всеми тремя акустическими характеристиками речи.

В целом сложные предложения смешанного типа имеют следующие интонационные характеристики: компоненты предложения выделяются в отдельную синтагму со значительной паузой. Наблюдается интонационная дифференциация частей предложения по всем акустическим параметрам речи. Тональное контрастирование анализируемых частей проявляется в различных показателях диапазонов и интервалов на стыках синтагм. Незавершенные синтагмы характеризуются восходящим направлением движения основного тона, конечной синтагме присуще ступенчатое понижение тона до минимального значения. Увеличение динамических параметров к концу незавершенных фраз является закономерностью казахской интонации. Темпоральный компонент сигнализирует о семантическом весе компонентов. Смысловая весомость главной части предложения передается замедленным темпом произнесения. Союзы и союзные слова, несущие существенную информативную нагрузку независимо от места локализации, акцентируются всеми акустическими параметрами речи: тональными, динамическими и временными. Много-синтагменные предложения образуют волнообразные мелодические рисунки, о которых в своих работах упоминал А. Байтурсинов. На фоне длинных синтагм иногда посредством ритмического удара выделяются ритмические группы. Конечные синтагмы многосинтагменных фраз представляют собой интоны завершенности, начальные и срединные синтагмы описываются просодическими средствами интоном незавершенности и вставки.

Интонационные характеристики сложного синтаксического целого

В последние десятилетия объектом лингвистических исследований все чаще становятся отрезки речи, выходящие за пределы предложения. При этом их анализ производится с разных точек зрения: синтаксической, лексической, фонетической. Переход от анализа изолированного предложения к анализу целого текста наблюдается и в области

интонологии, что расширяет возможности изучения функционального потенциала интонации и выявление ее содержательной стороны.

В научной литературе лингвистику текста часто определяют как науку, изучающую «язык в действии» (language in use), занимающуюся поиском общих закономерностей, с целью построения системы грамматических категорий текста с содержательными и формальными единицами разного объема и сложности (Новое в зарубежной лингвистике, 1978, с. 10). По В. Дресслеру, текст понимается как структура любого законченного и связного, независимого и грамматически правильного письменного текста или устного высказывания на этическом уровне и как актуальная реализация этого высказывания на этическом уровне. Ученый отмечает универсальную роль интонации при оформлении текста: «В отношении письменных текстов можно опираться на внутреннее проговаривание или чтение пишущего или читающего, тем более что существование интонации, указывающей на продолжение текста, может считаться универсалией. При этом для письменных и устных текстов является доказуемым отсутствие сегментных, а не суперсегментных средств (коннекторов) сверхфразовой связи в начале или в конце текстов. {...} Начальное и конечное предложения не маркированы в отношении коннекторов, которые не соотносятся с серединой текста. Немаркированным является также более отчетливое понижение тона в конце текста. Напротив, маркированной, как и сегментные коннекторы, является супraseгментная связь, которая состоит в интонации продолжения текста» (Новое в зарубежной лингвистике, 1978, с. 114).

Интонолог Т. М. Николаева считает, что развитию лингвистики текста способствовало изучение фразово-просодических структур, при этом ценными оказались следующие положения:

1. Фразовая просодия показывает коммуникативный тип высказывания.

2. Фразовая просодия отличает произнесение с особым выделением какого-либо слова внутри высказывания от нейтрального произнесения высказывания без внутреннего выделения элементов.

3. Фразовая просодия различает и типы внутреннего выделения (*Маша* / уже уехала не равно по произнесению *Маша* уже уехала, а не Саша и не равно *Поразительный* она человек!).

4. Фразовая просодия членит высказывание дальше – на некоторые минимальные единицы.

5. Фразовая просодия показывает отношения между этими единицами.

Из названных положений для лингвистики текста, по мнению автора, особенно важно последнее: поиск отношений между высказываниями, а не просто список показателей их связи. Отмечается, что в устном высказывании возможно установить набор единиц минимальной протяженности, каковыми являются синтагмы – первичные единицы устного высказывания (Новое в зарубежной лингвистике, 1978, с. 13).

О синтагме – универсальной семантико-интонационной и синтаксической единице – достаточно было сказано в предыдущих главах. В синтагме реализуются просодические средства речи, наделяя ее семантическим содержанием. Именно посредством синтагмы передается сложный характер взаимоотношений между интонацией, синтаксисом и семантикой. Являясь минимальным отрезком речи (текста), она представляет собой центр пересечения различных современных теорий: теории коммуникации, речевых актов, психолингвистики, прагмалингвистики. Просодические характеристики синтагмы, представляющие собой пучок содержательно автономных параметров, дают возможность более тонкого анализа семантики устного высказывания, текста.

Функциональный потенциал интонационных средств расширяется при переходе от анализа изолированного высказывания к анализу связного текста. Анализ функционирования просодических средств в рамках лингвистики текста позволяет обнаружить влияние интонационной структуры текста, высказывания на интонационные контуры составляющих его элементов, выявить дифференцирующую роль просодических параметров в семантической и прагматической организации текста, описать свойства интонации в реализации межфразовой связи, в выделении информативных отрезков по степени важности, а также в выполнении функции эстетического воздействия на человека.

При изучении различных свойств текста наибольший интерес вызывает **коммуникативный аспект** текста и его **прагматика**. Исследование текстов (дискурсов) с привлечением в зону интересов интонологии социальных и психологических свойств индивида дает возможность оценить процесс коммуникации и речевое поведение

человека в естественных условиях. При прагмалингвистическом, основанном на разностороннем подходе к элементам текста, при конкретной коммуникативной ситуации, полнее и глубже реализуется анализ интонационных данных.

Семантическое содержание интонационных компонентов позволяет обратиться к прагматическому фактору, к **теории пресуппозиции**. В лингвистической литературе о пресуппозициях написано достаточно. Различают семантические, прагматические пресуппозиции. Определяют их как наличие у коммуникантов предварительных знаний о ситуации общения, о предыдущих речевых высказываниях, речевом контексте, в котором разворачивается общение, предшествующих акту коммуникации. Пресуппозиции регулируют отношения между коммуникантами задолго до момента начала коммуникативного акта. Вступая в коммуникативный акт, оба партнера ожидают, что у них имеются некоторые общие «сведения о мире», которые дадут им возможность держаться в процессе коммуникации известных обоим ориентиров и границ (Клюев, 1998, с. 60).

Просодические средства, участвующие в оформлении текстов (дискурсов), передавая различные семантические значения, могут быть показателями различных типов пресуппозиций. Членение высказывания посредством просодических элементов предопределяет наличие и место локализации пресуппозиции. Например, в зависимости от акцентной выделенности слов можно описать пресуппозицию следующего высказывания:

Қарлығаш биыл емтиханды «беске» тапсырды.

Қарлығаш // биыл емтиханды «беске» тапсырды.

Пресуппозиция: *Кроме Карлығаш экзамен на «пять» в этом году никто не сдал.*

Қарлығаш биыл // емтиханды «беске» тапсырды.

Пресуппозиция: *В прошлом году она была не так успешна.*

Қарлығаш биыл емтиханды // «беске» тапсырды.

Пресуппозиция: *Раньше у нее были другие оценки.*

Пресуппозиция отсылает к фактам, известным слушающим, это еще не иллокуционный акт, а лишь база для него. Пресуппозиция высказывания меняется при изменении его членения. Членение высказывания вкупе с акцентным выделением определяют пресуппозицию. Иллокуционный акт, представляя собой утверждение высказывания,

как свидетельствуют примеры, выделяется посредством просодических средств.

Авторитет в области теории речевой коммуникации Дж. Сирль считает, что ударение и интонация служат индикаторами иллокутивных сил, создающих речевой акт (*Searle, 1959, с. 40, 70*). Сирль различает несколько типов речевых актов, как требование, утверждение, совет, благодарность, предупреждение, вопрос, приветствие, поздравление, регулирующие отношения между коммуникантами. При этом утверждение в пропозиции представляет собой речевой акт, заключающийся в том, чтобы придать пропозиции истинностное значение.

Если обратиться к теории актуального членения, то можно заметить, что это, не что иное, как рема, т. е. то, что утверждается (*assertion*), а она, как известно, всегда акцентируется акустическими параметрами речи. Коммуникативной пресуппозицией обещания, по мнению Сирля, является то, что адресант выражает соответствующую пропозицию, обозначив в ней свое будущее действие, желательное для адресата.

Комментируя предложенную Сирлем систематизацию речевых актов, нацеленных на то, чтобы «слова соответствовали миру» и чтобы «мир соответствовал словам», Е. В. Ключев замечает, что приспособление мира к словам осуществляется адресантом, а задача адресата состоит в том, чтобы приспособить предоставляемые в его распоряжения слова к миру, вернуться к тому же самому референту, который спровоцировал адресанта на произнесение слов (*Ключев, 1998*).

Изучение теории речевых актов может явиться стимулом в развитии современных направлений языкознания, связанных с разносторонним исследованием звучащей речи на суперсегментном уровне со всеми его интра- и экстралингвистическими характеристиками.

В выражении различных типов речевых актов в зависимости от ситуации речи значительная роль отводится просодическим средствам. Представляется, что универсальные для всех языков речевые акты могут различаться посредством дифференциальных просодических признаков, следует отметить, что на основе экспериментальных данных было выявлено, что некоторые речевые акты (требование, совет, утверждение, вопрос) по своим различительным акустическим параметрам соответствуют интонамам, выявленным на материале казахского языка.

Таким образом, анализ просодических средств с прагматической точки зрения позволяет определить соотношение семантических и интонационных характеристик, описать глубинный характер взаимодействия интонационных единиц с другими коммуникативными единицами.

Рассмотрим интонационные характеристики сверхфразовых единств, сложных синтаксических целых, представляющих собой сочетание нескольких тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающих более полное по сравнению с отдельным предложением развитие мысли, создающих единую интонацию, смысл и структуру. Сложные синтаксические целые выражают такую сложную мысль, которую невозможно выразить в рамках изолированных простых и сложных предложений. Такие сложные конструкции исследовались на материале различных языков. К. Н. Велиев, изучавший сложные синтаксические конструкции на материале азербайджанского языка, пишет: «Завершенность мысли и интонации с точки зрения формы и содержания возможна только в пределах единицы, которая больше предложения. Структурное и семантическое своеобразие текста, в который предложение входит как организующая единица, изучает лингвистика текста» (Велиев, 1990, с. 17).

Всякая тема может достичь своего развития только при объединении нескольких предложений в единое целое. Предложения в сложных синтаксических целых объединяются посредством лексических, грамматических и интонационных связей. Сложное синтаксическое целое строится по определенной модели: зачин, развитие темы и концовка. Зачин – это предложение, начинающее сложное синтаксическое целое, в нем сообщается тема, которая должна получить развитие в последующих предложениях. После зачина в нескольких предложениях, связанных друг с другом, идет развитие темы. Концовкой завершается сложное синтаксическое целое. Предложения, объединенные развитием одной мысли, могут соединяться такими типами связи, как **цепная** (ілікпелі), **параллельная** (жарыспалы) и **присоединительная** (жалғаспалы).

Цепная связь отражает последовательное движение, развитие мысли в связной речи. Синтаксический характер связи выражается в структурной соотнесенности двух соседних предложений. При цепной связи мысль развивается линейно, последовательно, каждое последующее предложение развивает предшествующее. Оно осуществляется с

помощью повторяющихся слов в различных грамматических формах и функциях, местоименных слов, заменяющих названия ранее упомянутых явлений и встречается в рассуждениях, описаниях. Например:

1. Қыстаудың қасында үлкен **тоғай** болатын. 2. Ол **тоғайда** тораңғыл, **жыңғыл**, жиде ағашы және нар қамыстар өсетін. 3. Көп жылдық **жыңғылдар** үлкен терек ағаштар сияқты жуан, бұтақтары көп тармақты, көлемді болады. 4. **Жыңғылды** қыста сексеуіл сияқты отын есебінде пайдаланады. 5. **Оның** жылуы сексеуілден кем түспейді. 6. **Тоғайда** түрлі жабайы аңдар жүреді. 7. **Оның** ішінде жабайы шошқа, қасқыр, қарсақ, қояндар болатын. 8. Құстардан **онда** қырғауыл көп болатын. 9. Қыстың күні **тоғайға** аңшылар шығатын.

1. ↑<Қыстаудың қасында // үлкен тоғай болатын ↓> ///. 2. <Ол тоғайда тораңғыл ↑< // <жыңғыл ↑< // <жйд' ағашы ↑< // <және нарғамыстар өсетін ↓> ///. 3. ↑<Көпжылдық жыңғылдар < // <үлкен терегағаштар сыйақты жууан ↑< // <бұтақтары көп тармақты ↑< // <көлемді болады ↑> ///. 4. ↑<Жыңғылды ғыста < // <сексеуіл сыйақты ↑< // <отын есебінде пайдаланады ↓> ///. 5. ↑<Оның жылуы < // <сексеуілден кем түспейді ↓> ///. 6. ↑<Тоғайда түрлі жабай' аңдар жүреді ↓> ///. 7. ↑<Оның ішінде жабайы шошқа ↑< // <қасқыр ↑< // <қарсақ ↑< // <қояндар болатын ↓> ///. 8. ↑<Құстардан онда қырғауыл көп болатын ↓> ///. 9. ↑<Қыстың күні тоғайға аңшылар шығатын ↓> ///.

Отдельные предложения, организующие данный текст, объединяются вокруг общей темы «тоғай» (лес) и развивают ее. Тема сложного синтаксического целого сообщается в зачине (первое предложение). В последующих (втором, третьем, четвертом, пятом, шестом, седьмом, восьмом) предложениях происходит развитие темы. В последнем, девятом предложении реализуется концовка. Данное сложное синтаксическое целое состоит из повествовательных предложений, в которых реализуется интонаема завершенности. Наблюдается постепенное понижение уровня мелодического завершения в каждом предложении. В последнем предложении реализуется нисходящий тон низкого уровня завершения (т. е. полного падения). Пауза, являясь

смыслоразличительным и делимитативным фактором, сигнализирует о границе предложений, а самая длительная пауза (пауза конца) завершает текст. Общие семантические слова, повторяющиеся в предложениях, с помощью которых осуществляется цепная связь, акцентируются, маркируясь всеми тремя акустическими параметрами речи: частотой основного тона, интенсивностью и длительностью.

Таким образом, данное сложное синтаксическое целое предстает в виде расчлененного текста, в котором относительно самостоятельные предложения находят свое полное завершение в конце всего единства. Текст сегментируется посредством пауз, сопровождающихся изменениями мелодического контура и другими просодическими параметрами. При этом членение такого текста допускает видоизменения и модификации в зависимости от целей и желания говорящего. Сложное синтаксическое целое данного типа представляет собой наиболее нейтральный в стилистическом отношении, наиболее распространенный вид синтаксической и просодической организации связных единиц текста.

Параллельная связь, как и цепная, заключается в структурной соотнесенности соединяемых предложений. Однако характер этой соотнесенности иной. Предложения не «цепляются» одно за другое, в них дается описание ряда одновременно происходящих или сменяющихся явлений, которые перечисляются или сопоставляются. Такие сложные синтаксические целые характеризуются обычно обобщающим по содержанию первым предложением, однотипно построенными последующими предложениями, раскрывающими отдельные стороны общего содержания. Например: 1. *Жаз шықты.* 2. *Күн әбден жылынып, малышлар жайлауға кетті.* 3. *Малдарды өріске шығарып, ауылдан алыс айдап салады.* 4. *Бақташылар өрістегі малды күнібойы бағып, сұғарып, кешке ауылға айдап келеді.* 5. *Сол уақытта бұзауын көрген сиырлары мәңіреп, ауыл даңғазы болды.*

1. <Жашшықты ↑>///. 2. <Күн Әбден жылынып ↑<// <малшылар жайлауға гетті↓> ///. 3.< Малдарды өрүскешығарып↑ < // < ауылдан алыс айдап салады↓> ///. 4.< Бақташылар өрүстегі малды↑< // <күнүбойұ бағып ↑< // < сұғарып↑< // <кешке ауылға айдап келеді↓> ///. 5.↑< Сол уақытта / бұзаууңгөргөн сыйырлары мәңүреп↑< // <қозұсұна телінген қойлары маңырап ↑< // <ауұл даңғазы болды↓> ///.

В данном примере в первом предложении реализуется зачин, во втором, третьем, четвертом предложениях – развитие темы, в пятом – концовка. Текст состоит из простых и сложных предложений, некоторые из них осложнены однородными членами. В предложениях реализуется интонаема незавершенности (в первом компоненте сложного предложения, в однородных членах предложения), а также интонаема завершенности (во втором компоненте сложного предложения, в простых повествовательных предложениях). Начало и конец сложного синтаксического целого звучат медленно. Предложения основной части произносятся в ускоряющемся темпе, с растущим диапазоном последовательно расположенных восходящих и нисходящих контуров. Конец каждого предложения характеризуется относительно равномерным понижением тона и интенсивности. Паузы выполняют свою соединительную функцию между однородными членами предложения, между компонентами сложного предложения. К концу текста вместе с замедлением темпа наблюдается значительное понижение тона и интенсивности, а конечная пауза, завершающая текст, сигнализирует о его законченности.

Присоединительная связь в сложном синтаксическом целом наиболее характерна для разговорной речи. От цепной и параллельной присоединительная связь отличается отсутствием структурной соотнесенности между соединяемыми предложениями и специальных лексико-грамматических средств выражения связи между предложениями. Присоединительная связь чаще всего характерна для диалогов, в которых высказывания объединяются по смыслу с помощью просодических средств. Диалог как лингвистическое явление возникает чаще всего в ходе спонтанной устной речи, в результате речевого взаимодействия собеседников, вступающих в разговор для достижения коммуникативных целей в условиях ситуации речевого общения. Обмен высказываниями происходит в единстве семантического, структурного, прагматического аспектов. Прагматическая направленность диалога определяет структурно-грамматическую специфику высказываний, для которых характерна эллиптичность, незавершенность. Например:

1. – *Бүгін саяжайга барамыз.*
2. – *Қай уақытта барамыз?*
3. – *Бір сағаттан кейін.*
4. – *Қалай барамыз? Автобуспен бе?*

5. – Жоқ, көршінің машинасымен.
6. – Сен Маратты тез шақыршы!
7. – Саяжайда бүгін не істейміз?
8. – Жеміс ағаштарын, бақшаны сұғарамыз.
9. – Алма термейміз бе?
10. – Піскенін тереміз.
11. – Қияр мен помидорды ше?
12. – Олардың да піскенін аламыз.
13. – Себет пен қалталарды алыңдар да тез ә-ә жиналыңдар!
14. – Кешке бір-ақ келеміз.

1. – <Бүгүн сайажәйға барамыз↓> ///.
2. – ↑<Қай уақытта барамыз↓> ///?
3. – <Бір сағаттангейін↓> ///.
4. – ↑<Қалай барамыз> ///? <Автобуспем бе↑> ///?
5. – <Жоқ↓> // көршүнүнң машинасымен ↓>///.
6. – <Сем Маратты тешшақыршы ↓> ///!
7. – ↑<Сайажайда бүгүн не'стейміз ↓>///?
8. – <Жеміс ағаштарын↑> // <бақшаны сұғарамыз↓> ///.
9. – <Алма термейміз бе↑> ///?
10. – <Піскенін тереміз↓> ///.
11. – <Қыйар мен помидорды ше↑> ///?
12. – <Олардың да піскенін аламыз↓> ///.
13. – <Себет пен қалталард' алыңдар да ↑> // <тез жыйналыңдар↓> ///!
14. – <Кешке бір-ақ келеміз ↓>///.

Для успешного диалога между собеседниками должны быть необходимые условия и предпосылки. Иначе говоря, у адресанта и адресата, вступающих в коммуникативный акт, должна быть общая тема для разговора. Содержание и тональность общения обычно зависят от адресанта, иницилирующего речевую коммуникацию, и от общих речевых presuppositions. С общими presuppositions тесно связаны

так называемые **фреймы**, речевые ситуации, на фоне которых происходят коммуникативные акты. В данном диалоге тема развивается вокруг поездки на дачу (*саяжсайга бару*). Зачин реализуется в первом предложении, а концовка в последнем, четырнадцатом. Развитие темы происходит со второго по тринадцатое предложение. В диалоге представлены разные коммуникативные типы (повествовательные, вопросительные, побудительные). Диалогическое единство обеспечивается связью вопросно-ответных реплик, объем которых зависит от личности собеседников, с их конкретной коммуникативно-речевой стратегии и тактики. Участники диалога в данной конкретной ситуации используют минимум вербальных средств, восполняя словесную информацию за счет невербальных средств общения – интонации, мимики, жестов.

В данном примере реализуются многие интонемы: интонома специального вопроса, интонемы категоричного и вежливого побуждения. Некоторые слова (*қай, қалай, тез, бір-ақ*) акцентируются с помощью максимальных значений частоты основного тона, интенсивности и длительности. Темп произнесения предложений зависит от их типа. Так, интонома побуждения реализуется в замедленном темпе, интонома общего вопроса – в среднем темпе произнесения. Что касается амплитуды интенсивности, то она средняя для всех интоном, кроме интономы категоричного побуждения, характеризующейся высокой амплитудой интенсивности и интономы завершенности, имеющей затухающую амплитуду интенсивности и представляющей собой концовку текста. Нисходящий тон низкого уровня завершения, понижение интенсивности и громкости конечного предложения в сочетании с длительной паузой являются сигналом окончательного завершения сложного синтаксического целого как законченного просодического явления.

В анализируемом диалоге (**дискурсе**) мы имеем типичную прагмалингвистическую ситуацию, когда адресант пытается показать необходимость поездки на дачу, при этом у него в голове имеется полная картина того, чем будут заниматься на даче. Прагматика, изучающая язык в действии вместе с интонацией, играет важную роль в речевом акте. Посредством компонентов интонации в зависимости от речевой ситуации можно передавать различные смысловые оттенки, цели, намерения. Между адресантом и адресатом в коммуникации происходит обмен сведениями, информацией, совершаемых коммуникантами навстречу друг

другу, при этом просодические средства выполняют существенную роль в выражении различных коммуникативных функций.

Являясь приметой устной речи, интонация реализуется в речевой коммуникации, выполняя различные смысловозначительные функции. Особенно ярко суперсегментные средства проявляются в **спонтанной** неподготовленной диалогической речи, где адресант и адресат ведут беседу на свободную тему. Спонтанная речь имеет свои специфические черты, например, при порождении высказывания, часто происходит перебивание одного собеседника другим, в результате чего обычное синтагматическое членение переплетается с хезитационным. Сегментация данного дискурса, зависящая от контекста и ситуации общения, осуществляется посредством психологических пауз и других просодических компонентов. В данном тексте встречаются **вокализованные паузы** (а-а) и паузы **хезитации**, являющиеся показателями спонтанной речи.

Интонационные средства являются одним из основных показателей прагмалингвистических отношений в речевой коммуникации. В неподготовленной речи из-за вариативности дифференциальных различительных признаков часто наблюдается нейтрализация интоном. Прагматическая пресуппозиция на уровне суперсегментной фонетики выступает как предусловие удачной коммуникации. Функции компонентов интонации в реализации универсальных общелингвистических законов экономии и компенсации особенно ярко проявляются на материале казахской спонтанной речи. Универсальный принцип экономии французского лингвиста Андре Мартине конкретизируется на темпоральных параметрах, а закон компенсации А. М. Пешковского подтверждается тональными характеристиками спонтанной речи.

Таким образом, анализ небольшого отрывка, представляющего собой образец спонтанной речи, показывает, что дискурсное описание текстов на суперсегментном уровне с учетом психолингвистических и социолингвистических факторов является перспективным и требует специального исследования.

ИНТОНАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Общие сведения

Интонационная природа поэтической речи находит свое выражение в стихотворном ритме. **Ритм** как компонент интонации придает ей определенную окраску. В лингвистической литературе под ритмом понимают «систематическую повторность одинаковых противоположностей», «соразмерность, периодичность в течение стихотворной речи, в котором приобретают значение параллели, контрасты и переходы, а также самые различные звуковые повторы, смена созвучий, их сочетание, чередование и прочее» (*Всеволодский-Гернгросс*, 1922, с. 104). «Ритмическое строение стиха, — пишет З. Ахметов, — не условность, не простое ограничение, а тот стержень, который соединяет все разнообразное звучание слов в общую гармонию. Это взаимодействие слов и фраз в их определенном построении рождает мелодию стиха. Размер реально претворяется в живом непрерывном, многообразном, изменяющемся ритмико-интонационном движении стихотворной речи. Он возникает только в самой поэтической речи, а вне ее существует лишь в мысленном отвлечении. Ритмичность поэтической речи, кажущаяся чем-то противоположным ритму обычной речи, есть на самом деле наиболее концентрированное проявление интонационной, звуковой выразительности языка» (*Ахметов*, 1964, с. 13–14).

Особенности и закономерности стихосложения зависят от свойств и структуры каждого языка. «Метрическая система стихосложения опирается на противопоставление долгих и кратких гласных, присущее греческому и латинскому вокализму, но чуждое русскому. А силлабо-тоника опирается на противопоставление ударных и безударных слогов, резкое в русском языке, как и в германских» (*Никонов*, 1973, с. 6).

В. В. Радлов отмечает, что в тюркских языках функцию ударения выполняет сингармонизм: «Задача резко выделяемого ударения в индоевропейских языках, в тюркских языках выпадает на долю гармонии гласных, {...} в то время как в индоевропейских языках словесные ударения являются морфологическим моментом, в урало-алтайских языках оно является лишь средством благозвучия, то есть

оно здесь имеет лишь задачу придать монотонно звучащему ряду слогов чередование, приятное для уха, еще резче обозначить связь агглютинирующих слов» (*Radloff*, 1883. р. 97–98; *Радлов*, 1870, с. 22–24).

Казахское стихосложение по своему характеру относится к силлабической системе стихосложения. Вот что пишет по этому поводу З. Ахметов, специально занимавшийся проблемами стихосложения: «Қазақ поэзиясында өлең ырғағының тірегі – буын, яғни, ырғақ буын санымен өлшенеді. Мұндай буын санына негізделген силлабикалық өлең жүйесі қазақ поэзиясынан басқа барлық түркі тілдес қырғыз, өзбек, татар, түрікмен, әзірбайжан, башқұрт секілді халықтардың тілінде, сонымен бірге француз, чех, итальян сияқты халықтардың тілінде де қолданылады» (*Ахметов*, 1995, с. 205).

Таким образом, особенности казахского стихосложения, по своей сущности отличающиеся от русского и других европейских языков, коренятся в просодической системе с его сингармонизмом и невыраженным словесным ударением. В казахском языке, так же как и во французском, слова, слоги образуют одно фонетическое слово с единым ритмическим ударением. Л. В. Щерба, всесторонне исследовавший фонетическую систему французского языка, отмечает: «Серьезное отличие французского ударения от русского, немецкого, английского состоит в том, что разница между ударенными и неударенными слогами в этих последних языках разительная, а во французском малозаметная: все слоги кажутся невнимательному наблюдателю примерно равноударными. {...} Во французском мы никоим образом не можем говорить о словесном ударении, а должны говорить лишь о фразовом ударении, которое в дальнейшем мы будем называть ритмическим ударением» (Щерба, 1948, с. 83, 88). Это утверждение ученого целиком и полностью подходит и для казахского языка.

Сходство в просодических системах казахского и французского языков впервые заметил А. Байтурсинов, об этом было сказано в предыдущих главах. В обоих языках словесное ударение слабо выражено и не имеет фонологического смыслоразличительного значения, как в русском языке. В казахском и французском языках в потоке речи знаменательные и служебные слова объединяются в укрупненные фонетические единства с ритмическим ударением, маркирующим конец ритмической группы. Ритмические группы, выделяющиеся из потока речи при помощи просодических, интонационных средств, не совпа-

дают в казахском и русском языках. В русском языке каждое слово несет на себе ударение на том или ином определенном слоге, что позволяет выделять в звучащей речи отдельные слова. Поэтому не случайно говорят о подвижном, разноместном словесном ударении в русском языке, сопровождающемся контрастными модуляциями голоса, расширенными диапазонами тона. Казахской речи свойственно ритмико-синтагматическое ударение, характеризующееся плавными волнообразными контурами.

Значительный вклад в развитие теории стиха внес А. Байтұрсынов, его ценные замечания о ритмической организации казахского стиха явились базой для развития просодической системы казахского стихосложения. Исследуя ритмический строй казахской стихотворной речи, ученый ввел такие понятия, как *тармақ*, *шумақ*, *айшық*, *бунақ*, *жорғақ*, и всесторонне описал их. «Дауыс ырғағы сөзді бірдей-бірдей буынға бөледі. Өлең сөйлемдерінде сөз ырғақтарының үстіне өлең ырғақтары қосылады. Өлең ырғағы жорға жүрісінің тайпалуы сияқты, бұл ырғақ сөйлемдердің ішіндегі буын санының бірдейлігімен, кестелерінің реттілігімен, сөздердің әуездес ұқсастығымен келетін ырғақ» (Байтұрсынов, 1989, с. 189).

Рассматривая систему казахского стихосложения в сопоставлении с европейскими языками, А. Байтұрсынов обращает внимание на **силлабический строй** стиха, который основывается на числе слогов в строке «француз я поляк тіліндегі сөздерден өлең жасап шығаратын табиғи жол біздің қазақ тілінің де табиғи жолы болып шығады. Олай болса, біздің қазақ тілінде өлең шығарудың да негізгі шарты буын санын бірдей орнына келтірумен орындалады» (Байтұрсынов, 1989, с. 190). Такое стихосложение относится к языкам со слабо выделенным словесным ударением, когда все слоги воспринимаются на слух примерно одинаково, ясно и четко, и только слог под ритмическим ударением характеризуется некоторой протяженностью во времени.

В казахском языке, как и в других тюркских языках, просодической доминантой является сингармонизм, а не словесное ударение, поэтому в казахском стихосложении определенное количество слогов в строке является необходимым условием существования ритма.

Учение А. Байтұрсынова о ритмической группе, которую он называл «бунақ», «жорғақ», были развиты в теории стихосложения казахского языка. «Бунақ дегеніміз өлеңді айтқанда сезілетін дауыс

толқынының соқпасының арасы. {...} Сөз табиғи негізінде қамыс сияқты бунақ-бунақ буыны бар нәрсе болып шығады. Буын ырғағынан өлең ырғағын айыру үшін бұл ырғақты жорғақ деп атаймыз» (*там же*, с. 189, 192).

А. Байтұрсынов обратил внимание также на закономерности, упорядочивающие внутреннюю структуру стихов. «Өлең кестесі айшық деп аталады. Айшықтың әрбір тақтасы шумақ деп аталады. Жұрттың бір ауыз өлең дейтіні шумақ болады. Әр шумақта бірнеше тармақ болады. Тармақ дегеніміз өлеңнің әрбір жолы. Тармақ ішінде бірнеше бунақ болады» (*там же*, с. 192). «Тармақ», по А. Байтұрсынову, обозначает строку, «шумақ» соответствует куплету песни, а «бунақ» – это не что иное, как ритмическая группа. «Тармақ» представляет собой семантико-интонационное целое, соответствующее универсальной лингвистической единице – синтагме.

Синтагма иногда соответствует ритмической группе, но чаще всего в больших поэтических формах она состоит из нескольких «бунақ». Относительная самостоятельность строки «тармақ» достигается за счет его интонационного рисунка, когда она соответствует определенным интонемам, в которых сочетаются не только фонетико-фонологические свойства, но и семантико-синтаксические. Реализуясь в различных вариантах интономы, строка несет определенное смысловое значение в зависимости от контекста и ситуации: завершенность, незавершенность, вопрос, побуждение и т. д. Самостоятельность строки, ее границы определяются не только изменением направления движения основного тона, мелодической кривой, но также просодической паузой и переломом мелодического контура на стыке строк.

Исследуя ритмическое построение речи в казахской поэзии на примере произведений Абая и Магжана Жумабаева, А. Байтұрсынов говорит о симметричном чередовании трех- и четырехсложных ритмических групп в строке: «Бір тармақтың басында үш буынды бунақ келсе, басқа тармақтарда да солай келу тиіс» (*там же*, с. 201). О том, что ритмическая группа в казахских стихах не должна превышать трех-четырёх слогов, говорится и в работах З. Ахметова: «Внутренняя ритмичность стихотворной речи достигается в казахской поэзии благодаря повторяющемуся чередованию соразмерных или же одинаковых коротких речевых отрезков – слоговых групп, которые, обладая отно-

сительной ритмической самостоятельностью, отчетливо выделяются в процессе живого произношения стиха» (Ахметов, 1964, с. 99).

Самыми употребительными в казахской поэзии являются семи-восьми-одиннадцатисложные стихи: песни, жыр, толгау – большие поэтические формы, а четырех-пяти-шестисложные стихи – малые поэтические формы, встречаются в основном в пословицах, поговорках.

Интонационная природа поэтической речи находит свое выражение в стихотворном ритме. Ритм как компонент интонации придает ей определенную окраску. Основной единицей стихотворного ритма является **строка** (*тармақ*). Казахский стих определяется как силлабический, с одинаковым количеством слогов в стихотворной строке. Соблюдение в каждой стихотворной строке известного количества слогов является необходимым условием осуществления ритма. В пределах длинной строки возможно выделение интонационных единиц – ритмических групп и синтагм. В малых поэтических формах (пословицах, поговорках) ритмическая группа, синтагма и строка совпадают по объему, в больших поэтических формах строка, как правило, состоит из нескольких ритмических групп.

Ритмическое членение казахской речи, которое передается с помощью ритмического ударения, играет важную роль в передаче смысла высказывания, и от правильной его расстановки зависит значение передаваемой информации. Основными просодическими компонентами выделенности в казахском языке, как показывают экспериментально-фонетические данные, служат длительность и частично мелодика. Рассмотрим интонационные характеристики малых и больших поэтических форм по отдельности.

Интонационные характеристики малых поэтических форм

К малым поэтическим формам, как уже говорилось, мы относим пословицы и поговорки, назидательные слова, являющиеся лучшими образцами народного творчества, охватывающие различные жизненно-бытовые, социальные и другие животрепещущие темы, касающиеся традиций, обрядов, духовных ценностей общества. Шлифуюсь в устах народа, они приобретают лингвистическую форму с

соответствующими синтаксическими и интонационными характеристиками. Как говорит М. Ауезов: «Ауызша әдебиеттің ішінде елдің белгілі ұғымын білдіретін, түсінігін көрсететін сөздің барлығы – жалпақ елдің сыбағасына тиеді» (Ауезов, 1927).

В малых поэтических формах наиболее употребительны произведения, заключающие в себе не более двух-четырех строк. Двустушия и четырехстишия имеют, как правило, от четырех до восьми слогов. В таких пословицах и поговорках встречаются различные типы предложений: повествовательные, повелительные, вопросительные; по структуре – полные, неполные, распространенные, нераспространенные, оформляясь различными интонациями.

1. Рассмотрим трех-четырёхсложные двустрочные пословицы, каждая строка которых состоит из одной или двух «бунак»:

1) *Ақыл жастан*

Асыл тастан.

<Ақыл // жастан< //

<Асыл // тастан> ///

2) *Ел көркі мал*

Өзен көркі тал.

<Елгөркү // мал< //

<Өзен гөркү // тал> ///

3) *Әрекет көп*

Берекет жоқ.

<Әрекет көп> //

<Берекет жоқ> ///

4) *Атадан ақыл*

Ағадан нақыл.

<Атадан // ақыл< //

<Ағадан // нақыл> ///

5) *Ынтымақты ел*

Сарқылмас көл

5) <Ынтымақт' ел< //

<Сарқылмас көл > ///

6) *Нарды сөкпе //*

Нанды теппе.

6) <Нарды сөкпе > //

<Нанды теппе> ///

7) *Көбікті төкпе //*

Көпті сөкпе.

7) <Көбүктү төкпө<

<Көпті сөкпө> ///

В приведенных двустрочных пословицах каждая строка представляет простое, нераспространенное предложение в составе бессоюзного сложного предложения, при этом в первых пяти пословицах строки оформлены повествовательными предложениями, в последних двух – побудительными. В данных примерах синтагма (ритмическая группа) совпадает по объему со стихотворной строкой, являясь указателем строчного и одновременно интонационно-синтаксического членения. Граница строки диктует обязательную действительную паузу – перерыв в звучании. Соблюдение стихотворного размера предполагает строгое совпадение строчных пауз по длительности. Определенная длительность пауз влияет на выразительный эффект стиха. Последний слог конечных синтагм акцентируется за счет наибольшей длительности, а неконечные синтагмы маркируются максимальными значениями частоты основного тона и длительности.

В первых пяти пословицах первая строка характеризуется восходящей мелодической кривой, начиная со второго мелодического уровня, доходящего до третьего, вторая строка имеет нисходящий мелодический контур, начинающийся со второго мелодического уровня и доходящий до первого. Между первой и второй строкой кроме паузы отмечается перелом мелодического контура за счет отрицательных интервалов тона. В неконечных синтагмах реализуется интонаема незавершенности, а конечные синтагмы оформляются интономой завершенности.

В двух последних побудительных предложениях глаголы в повелительной форме акцентируются за счет динамических и временных средств. Мелодические интервалы начала и конца этих фраз значительны, о побудительном значении этих предложений свидетельствуют также расширенные тональные диапазоны. Общим строкам соответствуют восходяще-нисходящие направления движения основного тона со второго мелодического регистра, доходящего до третьего с понижением до полутонного в первой строчке и до первого во второй строчке. По всем просодическим характеристикам и семантико-грамматическому значению данным предложениям соответствует **интонаема категоричного побуждения**.

2. Четырех-пятисложные четырехстрочные пословицы-поговорки, каждая строка которой соответствует одной ритмической группе.

1) *Жалғыз ағаш*
Орман болмас,
Жалғыз кірпіш
Қорған болмас.

2) *Сөйлей білмеген*
Сөзді қор етер,
Тіге білмеген
Бөзді қор етер.

1) <Жалғыз ағаш< /
 <Ормам болмас> //
 <Жалғыз кірпіш< /
 Қорғам болмас >///

2) <Сөйлөй білмеген </
 <Сөзді қоретер<//
 <Тіге білмеген</
 <Бөзді қоретер>///

3) *Жүрместен бұрын*
Жолыңды байқа,
Киместен бұрын
Тоныңды байқа.

4) *Малы жоқ деп*
Ерден түңілме,
Егіні жоқ деп
Жерден түңілме.

3) <Жүрместем бұрұн< /
 <Жолүңдү байқа>///
 <Кійместем бұрұн< /
 <Тонүңдү байқа>///

4) <Малы жоқ теп< //
 <Ерден түңүлме> ///
 <Егіні жоқ теп< //
 <Жерден түңүлме>///

В приведенных примерах последнее слово первой строчки рифмуется с последним словом третьей строчки, а последнее слово второй строчки повторяется в четвертой (*болмас-болмас, білмеген-білмеген, қор етер-қор етер, бұрын-бұрын, байқа-байқа, түңілме-түңілме*). Ритмичность речи в этих стихах проявляется не только в рифме, но и в одинаковом количестве слогов в строке. Четырех-пятисложные стихи оформляются короткими, лаконичными фразами. Смысловое единство строки проявляется в его интонационном оформлении, выражающем различную степень завершенности мысли. Каждая пословица представляет интонационно-смысловое целое с восходяще-нисходящим направлением движения основного тона. Здесь уместно вспомнить слова А. Байтұрсынова о ритме «жорғақ» поэтической речи: «Өлең ырғағы жорға жүрісінің тайпалуы, тенселуі сияқты екінші өнді ырғақ болады. Бұл ырғақ сөйлемдердің ішіндегі буын санының бірдейлігімен, кестелерінің реттілігімен, сөздердің әуездес ұқсастығымен келетін ырғақ» (Байтұрсынов, 1989, с. 189).

Первые две четырехсложные пословицы состоят из двух простых предложений: *Жалғыз ағаш // орман болмас; жалғыз кірпіш // қорған болмас* или *сөйлей білмеген // сөзді қор етер; тіге білмеген // бөзді қор*

етер. В первых двух пословицах первая и третья строка, состоящие из группы подлежащего (*жалғыз ағаш, жалғыз кірпіш, сөйлей білмеген, тіге білмеген*), образуют одну ритмическую группу, соответствующую синтагме. Вторая и четвертая строка, состоящие из группы сказуемого (*орман болмас, қорған болмас, сөзді қор етер, бөзді қор етер*), также образуют одну ритмическую группу-синтагму. Каждая строка, соответствующая синтагме, характеризуется восходящим и нисходящим направлениями движения основного тона. Краткие межсинтагменные паузы после восходящей синтагмы свидетельствуют о незавершенности мысли. Значительная пауза после нисходящей синтагмы сигнализирует о завершении мысли.

Третья и четвертая пословицы состоят из двух обобщенно-личных предложений. Первая и третья строки состоят из группы обстоятельства (*жұрместен бұрын, киместен бұрын, малы жоқ деп, егіні жоқ деп*), вторая и четвертая строки – из группы сказуемого (*жолыңды байқа, ерден түңілме, жерден түңілме*). Ритмические группы, совпадающие с синтагмами, соответствуют стихотворной строке. Каждая строка-синтагма характеризуется восходящими и нисходящими тональными контурами с перепадом мелодической кривой на стыках синтагм, реализующейся между вторым и третьим тональными уровнями. Вместе они образуют волнообразное ритмико-интонационное единство с длительной паузой конца. Некоторые слоги акцентируются за счет максимальных значений тональных, динамических и темпоральных параметров.

3. Реже встречаются пословицы, оформляющиеся одной стихотворной строкой, образующих две синтагмы, ритмические группы. Отдельные слова, слоги рифмуются внутри стихотворной строки. Например:

1) *Ауылы бірдің – ауызы бір.*

1) <Аулы бірдің < // аузыбір> ///

2) *Өз елім – өлең төсегім.*

2) <Өз елім < // өлең төсегім> ///

3) *Ырыс алды – ынтымақ.*

3) <Ырыс алды < // ынтымақ> ///

4) *Бірлік болмай – тірлік болмас.*

4) <Бірлік полмай < // тірлік полмас> ///

Стихотворная строка этих пословиц состоит из семи-восьми слогов. Со структурно-синтаксической точки зрения в первых трех предложениях строка составляет простое повествовательное предложение с группой подлежащего (*ауылы бірдің, өз елім, ырыс алды*) и группой сказуемого (*ауызы бір, өлең төсегім, ынтымақ*). Четвертая пословица состоит из причинно-следственного сложноподчиненного предложения, в котором главное – *тірлік болмас*, придаточное – *бірлік болмай*. Все четыре пословицы, состоящие из двух синтагм, ритмических групп характеризуются восходящим и нисходящим направлениями движения основного тона, реализующимися на втором, третьем и первом мелодических уровнях. Межсинтагменные паузы факультативны, последний слог незавершенной синтагмы самый длительный, высокий и громкий. О завершенности конечной синтагмы сигнализируют постепенное понижение тональных и динамических параметров с удлинением конечного слога. Первая синтагма всех четырех пословиц, соответствующая интоне не завершенности, отделяется от второй синтагмы, характеризующейся интоной завершенности за счет отрицательных мелодических интервалов.

4. Семи-восьмисложные пословицы, состоящие из двух, четырех строчных куплетов (шумақ) встречаются довольно часто. Например:

1) *Елдің іші – береке,
Көптің іші – мереке.*

2) *Аз да бітер, көп те бітер,
Татулыққа не жетер?*

1) <Елдің іші< // < береке> //
< Көптің іші< // < мереке> ///

2) <Аз да бітер> // < көп те бітер > //
<Татулыққа / не жетер> ///?

3) *Ерді – намыс өлтірер,
Қоянды – қамыс өлтірер.*

4) *Жұрт көргендей, қалаң болсын,
Жұрт білгендей, балаң болсын.*

3) <Ерді / намыс өлтірер< //
< Қоянды / қамыс өлтірер> ///

4) <Жұрт көргендей / қалаң болсын> //
< Жұрт білгендей / балаң болсын> ///.

В первой, второй и четвертой пословицах каждая строка состоит из двух ритмических групп, одной, двух синтагм. После первой четырехсложной ритмической группы наблюдается изменение мелодического контура, сопровождающееся небольшой по величине межсинтагменной паузой (во втором и четвертом пословицах), обозна-

ченной на письме запятой. Третья пословица также состоит из двух ритмических групп, только первая ритмическая группа состоит не из четырех, а из двух слогов, после которой регистрируется перелом мелодического контура. В первой и во второй пословицах переход от одной ритмической группы к другой осуществляется за счет перепадов интервалов тона, пауза между ними не обязательна несмотря на то, что между ритмическими группами на письме присутствует знак тире. Последние слоги первых ритмических групп акцентируются посредством максимальных значений частоты основного тона, длительности и интенсивности.

С синтаксической точки зрения каждая строка первой третьей и четвертой пословицы образует простое предложение в составе бессоюзного сложного предложения. Вторая пословица состоит из сложного (первая строка) и вопросительного предложения (вторая строка). Каждое предложение, соответствующее стихотворной строке, объединяется общей идеей, передающейся интонационными средствами. Направление движения основного тона синтагм начинается со второго мелодического уровня, доходящего до третьего, после чего регистрируется перепад мелодической кривой вследствие отрицательных интервалов тона. Последний слог незавершенной синтагмы маркируется максимальными тональными и темпоральными параметрами со значительной межсинтагменной паузой. Вторая строка характеризуется волнообразным мелодическим контуром с увеличением длительности межфразовой паузы и понижением общего мелодического контура до первого тонального уровня. В общем наблюдается восходящее и нисходящее направления движения основного тона, передающих незавершенность (в первой строке), завершенность (во второй строке) мысли, выражающихся соответствующими интонемами. Только во второй пословице вторая стихотворная строка – синтагма представляет вопросительное предложение, произнесенное интономой специального вопроса. Если расположить двустрочные пословицы в одну линию, то получится волнообразный мелодический рисунок с повышением и понижением тонального уровня (на втором, третьем и первом уровнях) с конечным синтагматическим ударением, сигнализирующим об окончании сложной мысли.

Жұрт көргендей // қалаң болсын // Жұрт білгендей // балаң болсын.

Жұрт көргендей // қалаң болсұн, // Жұрт білгендей // балаң болсұн.

Здесь мы видим сочетания незавершенных и завершенных инто-
нем, образующих волнообразный интонационный рисунок.

5. Семи-восьмисложные четырехстрочные пословицы рифмуются не только благодаря одинаковому количеству слогов в строке, но и периодически повторяемостью однотипных слогов, слов в куплете. Например:

1) *Болмас елдің баласы
Бірім-бірі табалар.
Болар елдің баласы
Бірім-бірі ағалар.*

2) *Көрген сайын сіз десіп
Сыйласқанға не жетсін.
Шашылғанды бірлесіп
Жинасқанға не жетсін.*

1) <Болмас елдің баласы< //
<Бірім-бірі табалар> ///
< Болар елдің баласы< //
< Бірім-бірі ағалар> ///

2) < Көрген сайын < / сіз десіп < //
<Сыйласқанға </ не жетсін> ///
<Шашылғанды< / бірлесіп< //
<Жыйнасқанға< / не жетсін> ///

3) *Жақсылық қылсаң халыққа
Бір қайырымын аларсың.
Жамандық қылсаң халыққа
Жапанда жалғыз қаларсың.*

3) <Жахсылық қылсаң / халыққа< //
<Бір ғайрымын / аларсың> ///
<Жамандық қылсаң / халыққа < //
< Жапанда жалғыз / ғаларсың> ///

Каждая строка в приведенных пословицах представляет одну синтагму, которая, в свою очередь, объединяясь по парам, составляет одно предложение. Внутри синтагм встречаются словесные, звуковые повторы, поддерживающие ритмическое членение стихов (*табалар, ағалар, елдің-елдің, баласы-баласы, десіп-бірлесіп, сыйласқанға-жинасқанға, не жетсін-не жетсін, аларсың-қаларсың, жақсылық-жамандық, халыққа-халыққа*).

Четыре синтагмы, образуя два предложения, выражают одно смысловое целое, поэтому длительная пауза конца регистрируется в конце каждого куплета (шумақ). Все синтагмы-строки характеризуются восходящим и нисходящим направлением движения основного тона, образуя однообразную волнистую синусоиду. На конечных слогах незавершенных синтагм локализуются максимальные значения темпоральных, динамических и тональных параметров. Завершенные синтагмы характеризуются понижением мелодических и динамических значений, сопровождающихся удлинением конечного слога. Повторяющийся восходяще-нисходящий мелодический контур, соответствующий интонациям незавершенности и завершенности, характеризуется симметричностью волн в силу одинакового количества слогов в стихотворной строке. Повышающаяся и понижающаяся интонация напоминает, по словам А. Байтурсынова, поступь иноходца (*жорғақ жүрісінің тайпалуы*).

6. Реже встречаются семи-восьмисложные трехстрочные пословицы. Например:

1) *Ел жасымен көрікті*
Тау тасымен көрікті
Аяқ асымен көрікті.

2) *Батыр болсаң – жауды қайтар*
Шаруа болсаң – малды қайтар
Шешен болсаң – дауды қайтар.

1) <Ел / жасымен көрікті> //
<Тау / тасымен көрікті> //
<Аяқ / асымен көрікті>///

2) <Батыр болсаң< // жауды ғайтар> //
<Шаруа болсаң <// малды ғайтар >//
<Шешем болсаң< // дауды ғайтар>///

Первое трехстишие состоит из трех простых предложений, каждая из которых образует две ритмические группы. По сравнению с предыдущими семисложными стихами, состоящими из двух ритмических групп по четыре и три слога, ритмические группы приведенных пословиц распределены иначе: Группа сказуемого (*жасымен көрікті, басымен көрікті, асымен көрікті*) составляет одну шестисложную ритмическую группу, подлежащее (*ел, тау, аяқ*) – другую односложную ритмическую группу, между которыми наблюдаются незначительные изменения акустических параметров. В данных примерах такое неординарное ритмическое деление стихотворной строки диктуется семантическим содержанием предложений. Такое гибкое и подвижное распределение слогов обусловлено смыслом пословиц. При переходе от одной ритмической группы, состоящей из одного слога ко второй, наблюдается ускорение темпа, поскольку

чем больше слогов в сегменте, тем скорость произнесения будет выше. Все три предложения, соответствующие одной строке, характеризуются восходяще-нисходящей мелодической кривой с незначительной межстрочной паузой и длительной паузой конца, сопровождающейся постепенным понижением направления движения основного тона до первого мелодического уровня.

Вторая трехстрочная пословица с синтаксической точки зрения состоит из условных сложноподчиненных предложений. Каждая строка соответствует двум ритмическим группам-синтагмам, разделяющимся между собой незначительными паузами, межстрочная пауза отделяет друг от друга предложения. Все три предложения выражают единую сложную мысль, которая передается и интонационными показателями. Стройное, симметричное построение поэтической речи создается за счет одинакового количества слогов в ритмических группах (по четыре слога в каждой группе), обеспечивающего плавное равномерное звучание.

Первый компонент сложноподчиненных предложений характеризуется восходящим направлением движения основного тона, расположенного между вторым и третьим мелодическим уровнями; второму компоненту присущ нисходящий мелодический контур, реализующийся между третьим и полуторным мелодическими уровнями (в первом и втором предложении) и между вторым и первым мелодическими уровнями (в третьем предложении). Первая неконечная синтагма стихотворной строки соответствует интоне не завершения, вторая – интоне завершения.

7. Одиннадцати-двенадцатисложные пословицы обычно бывают двустрочные. Такие пословицы встречаются намного реже лаконичных четырех-пяти или семи-восьмисложных, что, по-видимому, связано с тем, что сохранить в памяти такие длинные пословицы бывает труднее. В таких объемных пословицах и выражение мысли бывает более глубоким. Например:

1) *Шеберді шебер қолынан таниды*
Батырды батыр жоңынан таниды.

1) <Шеберді шебер / қолынан таныйды> //
 <Батырды батыр / жоңұнан таныйды>///

2) *Хас сұлуды қаралысында сынама*
Хас батырды жаралысында сынама.

2) <Хас сұлуду / қаралысында сынама >//
< Хас патырды / жаралысында сынама >///

В приведенных примерах в конце строки повторяются одинаковые слова (*таниды-таниды, сынама-сынама*), придающие четкость и выразительность. Межстрочная ритмическая пауза подчеркивает устойчивую конечную рифму и звуковое созвучие стиха. Незначительные межсинтагменные паузы на стыках в середине строки выполняют роль пограничных сигналов.

В первой одиннадцатисложной пословице каждая строка состоит из двух синтагм, объединенных в одно простое предложение. Первые синтагмы, состоящие из пяти слогов, характеризуются восходящим направлением движения основного тона, после чего наблюдается перелом мелодического контура за счет отрицательных интервалов тона. Вторые синтагмы, состоящие из шести слогов, имеют восходяще-нисходящие мелодические контуры. Увеличение конечной паузы с понижением общего мелодического контура до первого уровня свидетельствует об окончании мысли.

Во второй двенадцатисложной пословице строки состоят из двух синтагм, объединенных в простые повелительные предложения. Неконечные четырехсложные синтагмы характеризуются восходящей мелодической кривой с переломом тонального контура на стыках синтагм. Конечным восьмисложным синтагмам присущ восходяще-нисходящий мелодический контур. В силу неодинакового количества слогов в первой и второй синтагме отмечается дифференциация по темпу их произнесения: первая короткая синтагма характеризуется замедленным темпом по сравнению со второй.

Последние слоги неконечных синтагм в обеих пословицах, а также конечные слоги (*ма-ма*) второй пословицы в побудительном наклонении акцентируются за счет максимальных значений частоты основного тона, длительности и интенсивности. Неконечные синтагмы всегда соответствуют интоне не завершенности, конечные синтагмы в первой пословице оформляются интоной завершенности, во второй – интоной категоричного побуждения.

Интонационные характеристики больших поэтических форм (песен, толғау, жыр)

К большим поэтическим формам мы относим песни, толғау, жыр, состоящие более чем из двух куплетов (*шумақ*). Стихи, состоящие из нескольких куплетов, бывают семи-восьмисложные и одиннадцатисложные. Семи-восьмисложные стихи, как говорят исследователи, распространены во всех видах казахских поэтических произведений. Такая форма построения стиха создает легкий, динамический ритм и несет в себе большие выразительные возможности. Сочетание в строке ритмических частей, равных по числу слогов, способствует тому, что стихотворная речь принимает ритмически плавное течение, отличающееся своей размеренностью (Ахметов, 1964, с. 82).

С синтаксической точки зрения в таких стихах встречаются различные по цели высказывания и структурные типы предложений: повествовательные, вопросительные, побудительные, восклицательные, простые, сложные предложения, сложносинтаксическое целое. В зависимости от грамматических форм и содержания предложения характеризуются различными интонационными показателями, проявляющимися в сложном сочетании просодических средств, соответствующих выявленным интонемам казахского языка.

1. Рассмотрим семисложные стихи, состоящие из нескольких куплетов. Например:

Дала мен қала
Дала менен қалаға
Ортақ өскен баламын
Менің үшін бәрібір
Шарабың мен шалабың.

Дала болып тыныстап,
Маужырап дем аламын
Қала болып жұмыстан
Қалжырап бір қаламын.

Қала кезде басшымын
Жұмыстымын дер едім
Дала кезде ащының
Дәмін татып көремін.

Қарыз алсам біреуден
Қала құсап аламын
Қарыз берсем біреуге
Дала құсап беремін.

Етек-жеңім ашылып
Дала құсап жатам да
Ертеменен асығып
Қала құсап оянам (Қадыр Мырзалиев).

<Дала менен / ғалаға <//
<Ортағ өскем / баламын >///
<Менін үшүм / бәрібір < //
<Шарабың мен / шалабың> ///

<Дала болұп / тыныстап <//
<Маужырап дем / аламын >///
<Қала болұб / жұмұстан < //
<Қалжырап бір / қаламын >///

<Қала кезде / башшымын < //
<Жұмұстамын / дередім> ///
<Дала гезде / ашшының < //
<Дәмін татып / көрөмүн>///

<Қарыз алсам / біреуден < //
<Қала ғұсаб / аламын> ///
<Қарыз берсем / біреуге <//
<Дала ғұсап / перемін> ///

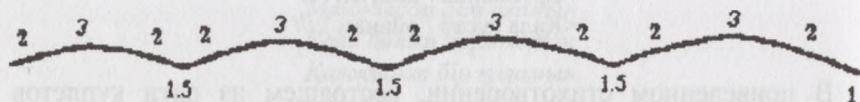
<Етек-жеңім / ашылып <//
<Дала ғұсаб / жатам да < //
<Ертеменен / асығып <//
<Қала ғұсаб / оянам >///

В приведенном стихотворении, состоящем из пяти куплетов (шумақ), в четырех из них спаренные строки соответствуют простому повествовательному предложению, а последний куплет представляет сложносочиненное предложение, каждый компонент которого объединяет по две строки. Каждая строка образует самостоятельную

синтагму, состоящую из двух ритмических групп со структурой четыре слога + три слога, считающихся наиболее употребительными ритмическими формами в казахской поэзии, создающими строгую периодичность ритма. Ритмические группы, занимающие конечное положение в строке, так же как и срединные, рифмуются посредством повторяющихся слогов и слов (*тыныстан-жұмыстан, ағамын-қаламын, дала-қала, болып-болып, құсап-құсап*), создавая слоговое созвучие рифмы. Стабильность ритмических форм и размеров придает стихотворению особую легкость и выразительность.

Семантико-интонационные единицы синтагмы, реализующиеся в строке, характеризуются восходящими и нисходящими направлениями движения основного тона. На стыках синтагм кроме небольшой межсинтагменной паузы отмечается перелом мелодического контура за счет отрицательных тональных интервалов. Каждый куплет (шумақ) представляет единое смысловое целое с длительной конечной паузой, сопровождающейся понижением тонального регистра до первого уровня. Просодические средства (частота основного тона, интенсивность и длительность) во взаимодействии друг с другом участвуют в выражении семантико-синтаксических значений. Восходящие синтагмы, оформляющие незаконченную мысль, соответствуют интонемам незавершенности, нисходящие, обозначающие конец мысли, реализуются в интонемах завершенности.

Таким образом, интонационно-ритмическое строение семисложных стихотворений отличается большой стабильностью: слоговые группы соотносятся друг с другом не только в рамках одной поэтической строки, но и всего куплета в целом, обеспечивая многократную повторяемость соразмерных одинаковых речевых отрезков, реализующихся на втором, третьем, полутонном, первом тональных регистрах. Интонационная схема анализируемого стихотворения будет выглядеть следующим образом:

2. Семи-восьмисложные стихи, состоящие из четырнадцати строк:

*Ғылым таппай мақтанба,
Орын таппай баптанба,*

Құмарланып шаттанба,
Ойнап босқа күлуге.

Бес нәрседен қашық бол,
Бес нәрсеге асық бол
Адам болам десеңіз.

Тілеуің, өмірің алдында,
Оған қайғы жесеңіз.
Өсек, өтірік, мақтаншақ
Бес дұшпаның білсеңіз.

Талап, еңбек, терең ой
Қанағат, рақым, ойлап қой
Бес асыл іс көнсеңіз (Абай).

<Ғылым таппай / мақтамба> //
<Орұн таппай / баптамба > //
<Құмарланып / шаттамба < //
<Ойнап посқа / күүлүүгө> //

<Бес нәрседен / қашықпол> //
<Бес нәрсеге / асықпол < //
<Адам болам / десеңіз> //

<Тілеууң < // < өмүрүң алдында < //
<Оған ғайғы / жесеңіз> //
<Өсек < // < өтүрүк < // < мақтаншақ < //
<Бес дұшпаның / білсеңіз> //

<Талап < // < еңбек < // < тереңой < //
<Қанағат < // < рақым < // < ойлапқой < //
<Бес асыліс < // < көнсөңүз> //

Примером строгого соблюдения интонационного ритма является вышеприведенное стихотворение Абая, в котором слоговой ритм сопровождается также и конечной рифмой, создающей устойчивую звуковую гармонию. Группировка строк в этом произведении обусловлена семантико-синтаксическим членением поэтической речи, состоящей из пяти предложений, включающих по четыре (первый

куплет), три (второй куплет), два (третий куплет), два (четвертый куплет) и три (пятый куплет) поэтической строки. По цели высказывания встречаются побудительные и повествовательные предложения, при этом стихотворная строка может состоять из одной или двух синтагм. Однородные члены, образующие самостоятельные синтагмы, произносятся с интонацией перечисления. В интонационном оформлении данного поэтического произведения участвует большинство просодических средств. Синтагмы в зависимости от семантико-синтаксического содержания и стабильности акустических параметров соответствуют интонемам категоричного побуждения, незавершенности, завершенности. Мелодические пики интонемы категоричного побуждения доходят до четвертого тонального уровня.

Незначительные межсинтагменные паузы являются выразителями упорядоченной ритмической структуры, придающей строгость и четкость стихам. Удлинение межфразовых пауз в сочетании с другими интонационными компонентами сигнализируют о завершении мысли. Последние слоги синтагм акцентируются максимальными значениями просодических параметров. Некоторые слова в зависимости от смысла выделяются посредством логического ударения (*мақтанба, баптанба, шаттанба*).

Семи-восьмисложные стихотворения не всегда делятся на куплеты (шумақ), примером этого может послужить следующее стихотворение Абая:

*Балалық өлді білдің бе ?
Жігіттікке келдің бе?
Жігіттік өтті көрдің бе?
Кәрілікке көндің бе?
Кім біледі, сен кәпір
Баяндыдан сөндің бе?
Баянсызға төндің бе?
Әлде айналып, кім білер,
Боталы түйе секілді
Қорадан шықпай өлдің бе?*

<Балалығ өлдү > // <білдің бе> /// ?

<Жігіттікке / келдің бе > /// ?

<Жігіттіг өттү> // <көрдүн бе> /// ?

<Кәрілікке / гөндүң бе>///?
 <Кім біледі <//< сенгәпір< //
 <Байандыдан / сөндүң бе >///?
 <Байансызға / төндүң бе> ///?
 <Әлд' айналып< //< кімбілер< //
 <Боталы түйе / секілді< //
 <Қорадан шыкпай / өлдүң бе>///?

В этом стихотворении каждая строка представляет единое целое как с синтаксической точки зрения, так и со стороны семантико-интонационной, соответствуя универсальной интонационной единице – синтагме, состоящей из двух ритмических групп (за исключением пятой и восьмой строки). Интонационная самостоятельность поэтической строки достигается за счет ее смысловой целостности, отражающей различную степень выражения мысли. Нетрудно заметить, что каждая синтагма оформляется интономой общего вопроса, соответствующими ей просодическими характеристиками. Пятая и восьмая строки состоят из двух синтагм благодаря вставкам (*сен кәпір*, *кім біледі*), оформляющимися соответствующимися интонаемыми вставки. Первой синтагме пятой строки присущи интонационные характеристики специального вопроса (*кім біледі*). Сказуемые вопросительных предложений, являющиеся интонационными центрами фраз, маркируются пиковыми значениями частоты основного тона, длительности и интенсивности. Синтагмы реализуются в высоких мелодических регистрах и расширенных тональных диапазонах, что свидетельствует об эмоциональной насыщенности поэтического произведения.

Рассмотрим семисложный жыр, состоящий из восьми строк (тармак), в котором Толе би дает бата (наставления) Казбек бию:

Атасызға ата бол!
Батасызға бата бол!
Арып-ашқан кәріптің
Жел жағына жота бол!
Панасызға пана бол!
Кек сақтамас бала бол!
Дос сүйініп қас сыйлар
Асу бермес дана бол!

<Атасызға / ата бол> ///!
 <Батасызға / бата бол> ///!
 <Арыб-ашқан / кәріптің< //
 <Жел жағына / жота бол> ///!
 <Панасызға / пана бол> ///!
 <Кек сақтамас / бала бол> ///!
 <Дос сүйініп< // қас сыйлар< //
 <Асу бермес / дана бол> ///!

Данный семистрочный жыр состоит из шести повелительных предложений, каждый из которых заканчивается словом *бол*. Такая конечная рифма играет важную роль в ритмическом построении стиха, являясь пограничным сигналом строки. Вот что писал о конечной рифме авторитет в области поэтической речи Б. В. Томашевский: «Рифма в стихе определяется не только фактом созвучия двух слов; рифмой, в подлинном смысле этого слова, является лишь такое созвучие, которое определяет собой конец стиха и, следовательно, осуществляется словами, замыкающими стих, как определенную звуковую ритмическую и интонационную единицу» (Томашевский, 1959, с. 178). Кроме конечной рифмы наблюдается начальная (атасызға, батасызға, панасызға) и внутренняя рифма (*ата, бата, жота, пана, бала, дана*). Если внутренняя и начальная рифмы лишь изредка применяются в отдельных произведениях, то конечная рифма, имеющая универсальный характер, отличается исключительной устойчивостью и сохраняется на всем протяжении стихотворного поэтического произведения (Ахметов, 1964, с. 111).

Каждая строка стихотворения соответствует универсальной семантико-интонационной единице – синтагме, кроме седьмой строки, состоящей из двух синтагм. Некоторые синтагмы образуют одну фразу, например, первая, вторая, пятая и шестая синтагмы произносятся с интономой категоричного побуждения, реализуясь на всех четырех мелодических уровнях с широкими тональными диапазонами. Спаренные синтагмы образуют сложные предложения, первый компонент которых оформляется интономой незавершенности, с сопровождающими ее просодическими характеристиками, второй компонент по своим интонационным данным, как и предыдущие синтагмы, соответствует интонеке категоричного побуждения. Логические ударения локализуются на внутренних рифмующих слогах (*ата, бата,*

жота, пана, бала, дана), маркируясь максимальными значениями просодических средств.

3. В следующем семи-восьмисложном четырехстрочном поэтическом произведении Абая, состоящем из четырех куплетов, ярко проявляется интонационная специфика казахской поэтической речи, данной А. Байтурсиновым – «кілемнің басына түсетін өрнек сияқты»:

Әсемпаз болма әрнеге
Өнерпаз болсаң, арқалан
Сен де бір кірпіш дүниеге
Тетігін тап та, бар қалан!

Қайрат пен ақыл жол табар,
Қашқанға да қуғанға,
Әділет, шапқат кімде бар,
Сол жарасар туғанға

Бастапқы екеу соңғысыз,
Біте қалса қазаққа
Алдың – жалын артың – мұз,
Барар едің қай жаққа?

Ақырын жүріп, анық бас,
Еңбегің кетпес далаға,
Ұстаздық қылған жалықпас
Үйретуден балаға.

<Әсемпаз болма / әрнеге> ///
<Өнерпаз болсаң < // < арқалан> ///
<Сен де біргіріпші / дүнүйеге< //
<Тетігін тап та< // < бар / қалан> ///!

<Қайрат пен ақыл / жолтабар< //
<Қашқанға да< // < қуғанға> ///
<Әділет< // < шапқат / кімде бар< //
<Сол жарасар / туғанға> ///

<Бастапқы екеу / соңғысыз< //
<Біте ғалса / қазаққа < //
<Алдың< // < жалын< // < артың < // < мұз< //
<Барар едің / қайжаққа?> //

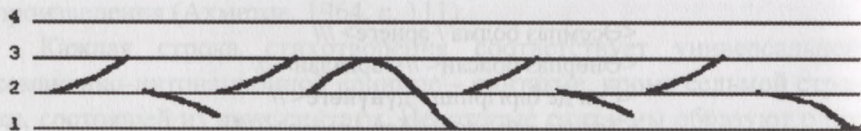
<Ақырын жүрүп <//< анықпас> //

<Еңбегің гетпес / далаға> //

<|стаздық кылған / жалықпас< //

<Үйрөтүүдем балаға>///

Интонационная характеристика данного поэтического произведения отличается большой стабильностью: каждая стихотворная строка соответствует одной синтагме, при этом нечетные синтагмы имеют восходящее направление движения основного тона, а четные – нисходящее. На стыке синтагм регистрируется незначительная пауза, обозначающая конец строки, перепад мелодического контура оформляется отрицательными мелодическими контурами. Конечная рифма дополняет четкое ритмическое строение, объединяя по парам слоги нечетных (*әрнеге-дүниеге, жол табар-кімдер бар, анық бас-жалықпас*) и четных (*арқалан-бар қалан, қуғанға-туғанға, қазаққа-қай жаққа*) строк-синтагм. Удлиненная конечная пауза сигнализирует о завершенности сложной мысли, выраженной в одном четверостишии. Конечные слоги строк-синтагм акцентируются максимальными значениями просодических параметров. Кроме интоном не завершенности и завершенности в этом стихотворении встречается и интонома специального вопроса (*Барар едің қай жаққа?*). Среднечастотный уровень синтагм реализуется на втором, третьем, полуторном и первом мелодических регистрах. Интонационный рисунок конечных двух куплетов (шумақ) можно представить следующим образом.

Семи-восьмисложные жыры, как правило, не делятся на куплеты (шумақ). Границы фраз-строк (тармақ) маркируются знаками препинания. В таких многострочных жырах встречаются сложные предложения, состоящие из нескольких простых предложений, выражающих сложную мысль. Группа предложений, объединившись между собой, в структурное единство, являются формой выражения общей идеи. Такие сложносинтаксические целые характеризуются своим интонационным орнаментом. Например:

- 1) Асыл туган Ақжүніс
- 2) Күнді бұлт құрсайды.
- 3) Күнді байқап қарасам,
- 4) Күн жауарға ұқсайды.
- 5) Айды бұлт құрсайды.
- 6) Айды байқап қарасам,
- 7) Түн туарға ұқсайды.
- 8) Көңілдерін еріткен
- 9) Көлдегі қулар шулайды.
- 10) Шулағанға қарасам,
- 11) Көктен сұңқар суылдап,
- 12) Соғылғанға ұқсайды.
- 13) Бойды байқап қарасам,
- 14) Қол-аяғым созылып,
- 15) Ауызы-мұрным суынып,
- 16) Хақтың маған бұйрығы
- 17) Тайанғанға ұқсайды (Ер Тарғын).

- 1) <Асыл тұған / Ақжүнүс <//
- 2) <Күндү бұлт / құрсайды>///
- 3) <Күндү байқап / қарасам <//
- 4) <Күн жауарға / ұқсайды>///
- 5) <Айды бұлт / құрсайды>///
- 6) <Айды байқап / қарасам < //
- 7) <Түн тұарға / ұқсайды>///
- 8) <Көңүлдерін / еріткен < //
- 9) <Көлдөгү құулар / шұулайды>///
- 10) < Шұулағанға / қарасам <//
- 11) <Көктен сұңқар / сұуұлдап < //
- 12) <Соғұлғанға / ұқсайды>///
- 13) <Бойдұ байқап / қарасам < //
- 14) <Қол-айағым / созұлұп < //
- 15) <Аузы-мұрнұм / сұуұнұп <//
- 16) <Қақтың мағам / бұйрұғұ <//
- 17) <Тайаңғанға / ұқсайды>///

В данном семнадцатистрочном жыре каждая строка, состоящая из двух ритмических групп (бунак), образует одну синтагму. Весь стихотворный текст жыра пронизан поэтической формой звукового созвучия. Конечная рифма, переплетаясь со структурой текста, явля-

ется одним из главных составляющих ритмического строения приведенного произведения. Повторы отдельных слов и словосочетаний сопровождают текст от начала до самого конца, придавая стиху художественную выразительность (*ұқсайды, байқап қарасам, күн-түн, күнді-түнді-айды* и др.).

Данный стихотворный текст, представляющий собой сложное синтаксическое целое, состоящее из семи предложений, характеризуется однородным, стабильным ритмико-интонационным рисунком. Рифмическое строение стиха тесно связано с семантико-интонационным членением стихотворной речи. Отмечается симметричное деление на ритмические группы (бунак), при этом первая ритмическая группа состоит из четырех слогов, вторая – из трех. Такая структурная стабильность ритмических групп свидетельствует об их относительной семантико-интонационной самостоятельности. Переход от одной ритмической группы к другой сопровождается не только некоторым изменением мелодического контура, но и увеличением длительности слогов, что приводит к замедленному темпу произнесения конечных сегментов.

Такое четкое и замедленное произнесение концовки строки широко используется в сценическом искусстве для придания поэтическому произведению еще большей выразительности с целью эстетического воздействия на слушателя. Отдельные слова несут на себе логические ударения, выделяясь просодическими средствами; фразовое ударение маркируется на последнем слоге строки-синтагмы, акцентируясь тоналными, темпоральными и динамическими параметрами. Восходящие и нисходящие направления движения основного тона синтагм сопровождаются незначительными межсинтагменными паузами и мелодическими интервалами. Схематично интонационные узоры данного поэтического произведения можно представить следующим образом.

Следующее семи-восьмисложное произведение Махамбета представляет большой интерес с точки зрения структурного строения стиха, сопровождающегося неординарным ритмико-интонационным рисунком:

- 1) Ереуіл атқа ер салмай
- 2) Егеулі найза қолға алмай
- 3) Еңқу-еңқу жер шалмай
- 4) Қоңыр салқын төске алмай
- 5) Тебінгі терге шірімей
- 6) Терлігі майдай ерімей
- 7) Алты малта ас болмай
- 8) Өзіңнен туған жас бала
- 9) Сақалы шығып жат болмай
- 10) Ат үстінде күн көрмей
- 11) Арып-ашып шөл көрмей
- 12) Ер төсектен безінбей
- 13) Ұлы төске ұрынбай
- 14) Түн қатып жүріп, түс қашпай
- 15) Тебінгі теріс тағынбай
- 16) Темір жастық жастанбай
- 17) Қу толағай бастанбай
- 18) Ерлердің ісі / бітер ме?!

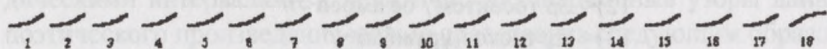
- 1) <Ереуіл атқа / ерсалмай< //
- 2) <Егеулі найза / қолғ'алмай< //
- 3) <Еңқуу-еңқуу / жершалмай <//
- 4) <Қоңыр салқын / төск' алмай< //
- 5) <Тебінгі терге / шірімей <//
- 6) <Терлігі майдай / ерімей <//
- 7) <Алты малта / асполмай <//
- 8) <Өзүңнен туған / жаспала< //
- 9) <Сақалы шығып / жатполмай< //
- 10) < Ат үстінде / күнгөрмөй< //
- 11) < Арыб-ашып / шөлгөрмөй <//
- 12) < Ер төсектем / безімбей< //
- 13) < |лұ төскө / ұрұмбай <//
- 14) < Түнғатыб жүрүп // түсқашпай <//
- 15) < Тебінгі теріс / тағымбай <//
- 16) < Темір жастық / жастанбай< //
- 17) < Қуу толағай / бастамбай <//
- 18) < Ерлердің / ісі бітер ме> ///?!

Приведенное поэтическое произведение, отличающееся большой устойчивостью ритма (жорғақ), является ярким примером по-

вторяющейся конечной рифмы, созвучности слогов и ритмико-интонационного построения текста, характерного для образной, стихотворной речи.

Каждая строка этого замечательного жыра соответствует одной синтагме, которая, в свою очередь, делится на две ритмические группы. При этом конечная ритмическая группа неизменно имеет трех-слоговой состав, хотя предыдущая может быть как четырехсложной, так и пятисложной. Такое правило строго соблюдается во всех жырах независимо от их объема.

С синтаксической точки зрения это произведение представляет собой сложноподчиненное предложение с семнадцатью придаточными условными. Придаточным предложениям соответствует интонаема незавершенности с синтагматическим ударением на последнем слоге строки, последнее восемнадцатое главное предложение реализуется как интонаема общего вопроса. Для данного произведения характерна четкая артикуляция слога, причем последний слог каждой синтагмы удлинняется вдвое, кроме того, на нем происходит повышение тона и громкости. Каждая синтагма, характеризующаяся одинаковыми тоновыми диапазонами, реализующимися между вторым и третьим регистрами, заканчивается межстрочной паузой, величина которой одинаково соблюдается на протяжении всего жыра. Конечный слог синтагмы энергично рифмуется, создавая четкое звуковое созвучие. Все семнадцать строк имеют одинаковый рисунок с вогнуто-восходящим мелодическим контуром, только восемнадцатая строка характеризуется выпукло-восходящим мелодическим контуром. Такой стремительно-летающий ритм может быть свойственен только казахскому жыру (желдірме).

Данный пример является ярким образцом повторяющегося симметричного орнамента, о котором в свое время тонко заметил А. Байтұрсынов.

5. Многострочные семи-восьмисложные жыры по своему синтаксическому строению могут состоять из нескольких простых и сложных фраз, объединенных в сверхфразовое единство выражающих единое смысловое целое:

Мұны көріп Қамбардың
Жоқшылық кірді есіне.
Қымызы бар деп ақ үйдің
Түсемін барып несіне?
Қырындап өтіп барады
Сұңқарын тұтып бетіне.
Қара қасқа тұлпары,
Жерді тартып табаны
Алшаңдап басып асықпай,
Ауылдың шықты шетіне.
Бұлттан шыққан айға ұқсап
Тұр еді Назым нұрланып
Атлас көйлек үстінде
Көк арбаға сүйеніп,
Шыбықтай белі бұралып.
Сүйретіп алтын шашбауын
Ордаға барып кіреді,
Боз жорға аттай ырғалып.
Аһ ұрғанда ауызынан
Түтіні шығып сұлудың
Жүрегі кетті от жанып.
«Қара атты Қамбар қарамай,
Не себептен кетті? – деп
Ашуы келді долданып.
«Ақша бетім қарайып
Қалды ма, деп, – апырмай?»
Шар айнасын қолға алып,
Сұңқардай көзі сүзіліп,
Жыламай көңілі бұзылып,
Айнаға көзін тұр салып (Қамбар батыр).

<Мұнұ гөрүп / Қамбардың> //
<Жоқшұлұқ / кірді есіне>///
<Қымызы бар деп / ағүйдүң> //
<Түсөмім барып / несіне>///
<Қырындап өтүп / парады> //
<Сұңқарын тұтүп / петіне>///
<Қара ғасқа / тұлпары> //
<Жерді тарпып / табаны> //
<Алшаңдап пасыб / асықпай> //

<Ауұлдұң шықты / шетіне>///
 <Бұлттан шыққан / айғ' ұқсап <///
 <Тұр еді Назым / нұрланып< ///
 <Атлас көйлег / үстінде< ///
 <Көғарбаға / сүйөніп< ///
 <Шыбықтай белі / бұралып>///
 <Сүйретіп алтын / шашпауұң< ///
 <Ордаға барып / кіреді< ///
 <Божжорға аттай / ырғалып>///
 <Аһ ұрғанда / ауызынан <///
 <Түтүнү шығып / сұлуудұң< ///
 <Жүрөгү гетті / отшанып>///
 <»Қар' атты Қамбар / карамай<///
 <Не себептең / гетті»- деп <///
 <Ашұуу гелді / долданып>///
 <»Ақша бетім / қарайып< ///
 <Қалды ма деб </// <апырмай< /// ?»
 <Шар айнасын / қолға алып <///
 <Сұңкардай гөзү /сүзүлүп <///
 <Жыламай көңүлү /бүзүлүп<///
 <Айнаға гөзүн /тұр салып>///

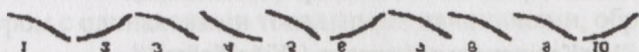
Приведенный тридцатистрочный жыр состоит из двух сложных синтаксических целых, из которых первое десятистрочное целое по содержанию посвящено Қамбар батыру, второе – красавице Назым.

Каждая строка, состоящая из двух ритмических групп, образует отдельную синтагму, объединенных одной мыслью в несколько предложений. Первое сложное синтаксическое целое объединяет в десяти строках четыре предложения, второе – двадцатистрочное целое состоит из шести предложений. Интонационно-ритмическая структура данного поэтического текста представляет сложное взаимодействие просодических средств, определяемых содержанием произведения.

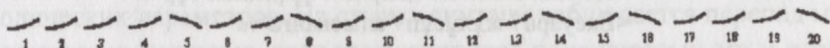
Конечная рифма трехсложной ритмической группы реализуется за счет слоговых повторов, придавая завершенность и ритмическую целостность строки за счет звукового созвучия (*есіне, несіне, бетіне, шетіне; барады, табаны, тұлпары* в первом ССЦ; *нұрланып, бұралып, ырғалып, от жанып, долданып, тұр салып*, во втором ССЦ). Являясь основной составляющей ритмического строения казахского стиха, конечная рифма пронизывает весь текст жыра, при-

давая легкость и живость произведению. Вместе с конечной рифмой большую роль в оформлении стиха играют одинаковые по величине межсинтагменные паузы. Удлиненные конечные паузы приходятся на конец каждого сложного синтаксического целого, сигнализируя о завершенности сложной мысли. Все компоненты интонации во взаимодействии и во взаимосвязи участвуют в оформлении различных структурно-семантических типов предложений.

Первое ССЦ, состоящее из десяти синтагм, образует четыре предложения, три из которых объединяют по две синтагмы, а четвертое – четыре синтагмы. Восходящие и нисходящие мелодические контуры, оформляющие синтагмы, соответствующие строкам, образуют следующий интонационный орнамент.

Второе ССЦ, состоящее из двадцати синтагм, образует шесть предложений, при этом первое предложение объединяет пять синтагм, второе, третье, четвертое – по три синтагмы, пятое – две синтагмы, шестое – четыре синтагмы. Восходяще-нисходящий мелодический контур второго ССЦ можно представить следующим образом.

В приведенных рисунках каждый сегмент интонационного контура соответствует синтагме, представляя симметричное вогнуто-нисходящее и выпукло-нисходящее направление движения основного тона.

6. Одиннадцатисложные многострочные поэмы, состоящие из нескольких куплетов:

1) Келіп қалдым тағы да Жидебайға,
Жидебайда жүргем жоқ тіпті жайға
Қарауылдың басынан қарап тұрған,
Сәлем бердім іліп ұлы Абайға.

2) Абай көзін тастап тұр алыстарға,
Шырайында бояу бар намыстанған.
Қатқыл сөйлеп қазір де ұрысқалы тұр,
Екеуара жұлысып алысқанға.

3) Мен қайсар боп өзімше өскен едім,
Сонда дағы Абайдан сескенемін.
Бұл не қылған өлмейтін ғажайып жан,
Бастап отыр әлі өзі өскен елін.

4) Мен деймін-ау кім едім, мен дейтұғын?
Айта саптын бір сөзді сенбейтұғын.
Әуезовтің өзі де қымсынады,
Тірі жанның ырқына көнбейтұғын.

5) Қарауылдың басында ұлы ақын тұр,
Күнге бізден ол ақын тым жақын тұр.
Жиыrmасыншы ғасырдың жас ұрпағы
Аяғының астына төгіпті гүл (Ә.Тәжібаев).

1) <Келіп қалдым / тағы да / Жйдебайға<//
<Жйдебайда / жүргем жоқ / тіпті жәйға > //
<Қарауылдұң / басынан / қарап тұрған<//
<Сәлем бердім / ійіліп / ұл' Абайға>///

2)< Абай гөзүн / тастап тұр / алыстарға<//
<Шырайында / бойау бар / намыстанған>///
<Қатқыл сөйлөп / қазір де / ұрұскалы тұр<//
<Екеуара / жұлұсұп / алысқанға>///

3) <Мең ғайсарбоп / өзүмше / өскөн едім>//
<Сонда-дағы / Абайдан / сескенемін>///
<Бұл неғылған / өлмейтін / ғажайыб жан<//
<Бастап отыр / әлі өзі / өскөн елін>///

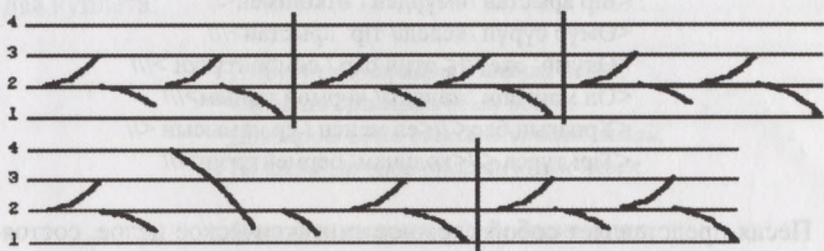
4) <Мен деймін-ау> // <кімедім / мен дейтұғын>//?
<Айта саптын / бірсөзүі / сембейтұғын>///
<Әуезовтің / өзү де / қымсынады> //
<Тірі жанның / ырқына / көмбөйтұғын>///

5) <Қарауылдұң /басында / ұл' ақын тұр>//
< Күнге бізден / олақын / тым жақын тұр>///
<Жййрмасыншы /ғасырдың / жасұрпағы< //
< Айағының /астына / төгүптү гүл >///

Приведенное поэтическое произведение, посвященное одной теме «Приветствие великому Абаю», представляет сложное синтаксическое целое, состоящее из пяти куплетов (шумак). Каждая строка составляет синтагму, состоящую из трех ритмических групп, сочетающих слоговые группы типа: четыре + три + четыре, что создает строгую периодичность ритма. Такое сочетание ритмических групп повторяется в каждой строке, придавая соразмерность и симметричность стиху.

Четкое, стабильное произношение конечной рифмы (жорғак), сопровождающееся слоговым созвучием, наблюдается на всем протяжении произведения (*Жидебайға, ұлы Абайға, тіпті жайға, алыстарға, алысқанға, намыстанған, өскен едім, сескенемін, өскен елім* и др.).

Нечетные синтагмы характеризуются восходящим направлением движения основного тона, четные – нисходящим мелодическим контуром с одинаковыми тональными диапазонами, образуя симметричные повторяющиеся интонационные рисунки, свойственные поэтической речи, о которых в свое время писал А. Байтурсынов (*кілемнің басына түсетін өрнек*). Последние слоги строк выделяются посредством синтагматического ударения, маркируясь максимальными значениями основного тона и длительности. Семантико-интонационное членение поэтического текста происходит за счет межсинтагменных пауз и изменения мелодических, темпоральных и динамических просодических параметров. На стыках синтагм наблюдается перепад мелодических контуров, сопровождающихся положительными и отрицательными интервалами тона.

Как видно из приведенного рисунка, первый, второй, третий и пятый куплеты имеют одинаковые интонационные кривые, оформляясь интонемами незавершенности и завершенности, только интонационная структура четвертого куплета осложнена присутствием интоном специального вопроса и вставки.

Одиннадцатисложный стих, один из самых распространенных видов стиха, встречающийся в больших поэтических формах. Приведем песню М. Макатаева, посвященную своему отцу:

*Әке, сенің жасыңнан асып барам,
Кезі-кезі келгенде тасып та алам,
Кезі-кезі келгенде жасып та алам,
Мына өмірге, бәрібір, ғашық балаң.*

*Құр алақан емеспін қуаныштан,
Қуаныштар алдымда құрағ ұшқан
Бір арыстан өмірден өткенімен,
Өмір сүріп келеді тірі арыстан.*

*Өкінбе, әке, отың бар сөнбейтұғын,
Ол мәңгілік жанады көрмей тыным
Ұрпағың бар, ел менен ер намысын,
Тірі тұрса, қолынан бермейтұғын.*

(М. Мақатаев)

<Әке<// <сенің жасыңнан / асып парам>///
<Кезі-кезі /елгенде/ тасып т' алам <//
<Кезі-кезі /елгенде/ жасып т' алам< //
<Мын' өмүрге /бәрібір//ғашық палаң>///
<Құр алақан / емеспін / қууаныштан<//
<Қуаныштар /алдымда/ құрағ ұшқан> ///
<Бір арыстан /өмүрден / өткөнімен<//
<Өмүр сүрүп /келеді/ тір' арыстан>///
<Өкүмб' әке<//< отұң бар / сөмбөйтұғұн >///
<Ол мәңгілік /жанады/ көрмөй тыным>///
<Ұрпағың бар< //<ел менен / ер намысын <//
<Тірі тұрса <//<қолұнам/ бермейтұғұн>///

Песня представляет собой сложное синтаксическое целое, состоящее из нескольких предложений, в которых присутствуют и однородные члены, и обращение, и вводный элемент, оформляющиеся соответствующими интонациями и их вариантами. Каждая строка образует синтагму, объединяющую по три ритмические группы. Интонационное членение песни обусловлено не только физиологически, семантико-синтаксически, но и художественно-эстетически и образными установ-

ками автора. Последний слог синтагмы в строке значительно удлиняется за счет синтагматического ударения. Отсутствие «скачков» в пределах синтагмы и плавный переход от синтагмы к синтагме обеспечивает плавность мелодического движения, музыкальность перелива тонов на стыке синтагм, что отражается в общем интонационном рисунке казахского стиха, который, по словам А. Байтурсынова, напоминает узоры на национальном казахском ковре (*өрнек*).

Примером одиннадцатисложного четырехстрочного многокуплетного поэтического произведения может послужить поэма С. Сейфуллина «Көкшетау», приведем из нее отрывок «Окжетпес»:

*«Көк торғын Көкшетауды мұнар басқан,
Бастары көкке бойлап бұлттан асқан
Бір шың бар етегінде тіп-тік найза
Адамзат жасағандай құйған тастан».*

<Көкторғын / Көкшетауды /мұнар басқан< //
<Бастары / көкке бойлап / бұлттан асқан>///
<Біршың бар / етегінде / тіп-тік найза<//
<Адамзат жасағандай / құйған тастан>///

Так начинается первое четверостишие⁷³ куплетной поэмы, в которой на протяжении всего произведения отмечается стабильная ритмическая структура с четкой конечной рифмой, проявляющейся в слоговых, звуковых повторях. В подтверждение этого приведем еще два куплета:

*Шіреніп садақтарын шыңға кезеп,
Сығалап орамалға оғын безеп.
Дағдарды оғын ешкім жеткізе алмай,
Ысқыртып садақтарын кезек-кезек.*

*Ешқайсы сыннан сөйтіп өтпеген соң,
Қыз қайтсін «өзің таңдау ет» деген соң,
«Оқжетпес» деген атақ алыпты шың,
Атқан оқ нақ басына жетпеген соң.*

<Шіреніп / садақтарын / шыңға гезеп<//
<Сығалап / орамалға / оғұм безеп<//

<Дағдарды / оғұн ешкім / жеткіз' алмай<//

<Ысқыртып / садақтарын / кезек-кезек>///

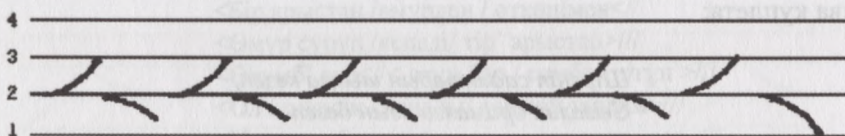
<Ешқайсы / сыннан сөйтүп / өтпеген соң<//

<Қызғайтсін / «өзүң тандау ет»/ деген соң<//

<«Оғжетпес» / деген атақ / алыпты шың<//

<Атқанок / нақ басына / жетпеген соң>///

Каждая строка поэмы соответствует синтагме, состоящей из трех ритмических групп. Нечетные синтагмы характеризуются восходящим направлением движения основного тона, четные имеют нисходящие мелодические контуры. На стыках синтагм кроме незначительной паузы отмечаются перелом мелодического контура, оформляющиеся положительными и отрицательными интервалами тона. Синтагмы независимо от мелодической формы характеризуются одинаковыми тональными диапазонами и реализуются в средних тональных уровнях. Конечный слог строки акцентируется синтагматическим ударением посредством тональных, темпоральных и динамических параметров. Каждый куплет (шумақ), состоящий из двух спаренных синтагм, представляет восходяще-нисходящий однородный мелодический контур, повторяющийся на протяжении всего поэтического произведения. Такой интонационный повторяющийся симметричный орнамент, о котором писал в своих работах А. Байтұрсынов, можно представить следующим образом.

Таким образом, поэтическая речь в казахском языке, как и в других тюркских языках, основана на силлабическом строе, когда стабильное количество слогов в строке является необходимым условием существования ритма, что связано с просодической системой языка. Ритмико-синтагматическая природа казахского ударения с конечной рифмой, являющейся постоянным условием существования ритмической структуры, сближает казахский силлабический строй с французским.

Ритмические группы (бунак), объединяясь между собой посредством одинакового сочетания слогов, оформляют строку (тармак), которая, как правило, соответствует семантико-интонационной и синтаксической единице – синтагме. Сочетание строк (тармак) объединяется в куплеты (шумақ), на котором реализуются тональные, динамические и темпоральные компоненты интонации во взаимосвязи и взаимовлиянии.

Малые поэтические формы (поговорки-пословицы) представляют собой повторяющиеся восходяще-нисходящие интонационные рисунки *жорға жүрісінің тайпалуы*.

Большие поэтические формы (поэмы, жыры, толғау) с синтаксической стороны состоят из сложных предложений, сложных синтаксических целых, по цели высказывания представлены различными коммуникативными типами (повествовательные, побудительные, вопросительные), оформляющиеся выявленными интонемами казахского языка. Интонемы и их варианты реализуются на всех типах синтагм, образуя интонационные орнаменты в зависимости от семантико-структурных особенностей фраз. Направление движения частоты основного тона, тональные диапазоны и уровни, мелодические интервалы, интенсивность, пауза, темп, тембр, локализация ударений и другие просодические средства участвуют в интонационно-ритмическом построении поэтических произведений. Интонационные контуры больших поэтических форм, повторяясь на строках (тармак) и куплетах (шумақ), представляют симметричные волнообразные рисунки-орнаменты, напоминающие, по словам А. Байтурсынова, узоры на казахском национальном ковре.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Изыскания в области интонации раскрывают большие возможности в исследовании новых направлений языкознания, связанных с лингвистикой текста (дискурса), с прагмалингвистикой, когнитивной лингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией. Интонология как раз является той дисциплиной, в которой сосредоточены самые современные тенденции и течения лингвистической науки, обеспечивающей многоуровневый анализ языковых явлений, открывая тем самым широкие перспективы перед исследователями. Являясь приметой звучащей речи, интонация тесно связана с ораторским искусством, с теорией декламации, со сценическим мастерством. Не случайно еще древние греки и римляне обращали внимание на некоторые элементы интонации и заложили основу ее изучения в рамках ораторского искусства.

Будучи объектом внимания и изучения разных специалистов, интонология охватывает многие области знания, как смежные, так и относительно далекие: литературоведение, стилистику, сценическое и ораторское искусство, психологию, физику, информатику, культурологию, антропологию, этнологию и т. д. Но только благодаря лингвистическим исследованиям интонация достигла своего теоретического осмысления и сформировалась как наука.

Наука об интонации прошла несколько этапов развития вместе с самой лингвистической наукой. Оставаясь долгое время на периферии языкознания, в настоящее время она заняла свое достойное место среди других лингвистических дисциплин. Развиваясь на фундаментальных понятиях, методах и приемах смежных наук, интонология сама способствовала углублению, расширению и совершенствованию новых направлений научных знаний в русле их интегративности и междисциплинарной координации. И более того, с зарождением интонологии некоторые факты языка получили свое адекватное освещение, оформившись концептуально в научные теории и породив новые фундаментальные идеи, высветив такие лингвистические явления и понятия, которые долгое время оставались вне поля зрения.

В нашей интонологической концепции компоненты интонации, ее единицы, функции рассматривались во взаимосвязи и взаимодействии, составляя целостную интонационную систему языка, пред-

ставляющей совокупность интоном, различающихся по выражаемым ими функциям и значениям, а также просодическими средствами, дифференцирующими различные типы высказываний с определенными коммуникативными и модально-эмоциональными оттенками, участвующими в членении текста на смысловые сегменты и передающими характер отношений между ними.

Проблемы и методы изучения казахской интонации, представляющей собой самостоятельный уровень языковой структуры, рассматривались с позиции системно-функционального подхода, предполагающего исследование многообразия внутренних свойств и значений, передаваемых интонацией, ее связей и отношений с другими явлениями языковой системы, частью которой она является. Языковая система, состоящая из ряда взаимосвязанных подсистем, приобретает новые свойства и признаки при интегрировании новых элементов. Комплексный, системно-функциональный подход к явлениям просодики обеспечивает, на наш взгляд, всестороннее и всеобъемлющее исследование свойств речи в области суперсегментной фонетики и формирование лингвистического кругозора, позволяющего оценить язык во всем многообразии его проявлений.

Думается, что результаты данной работы могут существенно углубить, дополнить и в отдельных случаях скорректировать уже известные положения о роли и значении интонационного уровня, привлекая данные еще не изученной интонационной системы казахского языка и позволят по-новому интерпретировать некоторые вопросы общей теории интонации. В нашей работе мы старались охватить как можно больше фактов и явлений, касающихся проблем суперсегментной фонетики, однако некоторые интересные, на наш взгляд, вопросы были рассмотрены лишь фрагментарно, не получив подробного освещения; детальное изучение — это задача будущего.

Дальнейшие изыскания в области интонологии могут вестись в русле типологического исследования интонации родственных и неродственных языков с целью выявления типологических и универсальных черт в их интонационном строе. Следует отметить, что проблемы, связанные с исследованием языковых универсалий, всегда занимали видное место в лингвистике и изучались на всех уровнях языковой системы. Меньше всех изучены универсалии в области интонации, хотя некоторые лингвисты высказывают мнение, что инто-

национный уровень по своей сути должен быть универсальным. Некоторые общие черты интонации различных языков объясняются, по-видимому, интернациональным характером мышления всех людей, а интонация по сравнению с другими лингвистическими явлениями больше связана со смыслом. Как показало наше исследование, казахская интонация по формальным признакам имеет свои специфические особенности, отличающие ее от других языков. Типологические работы в области интонации несомненно представляют ценность и в теоретическом плане – развитии универсалии и интонологии и в практическом: преподавании и обучении иноязычной интонации.

Перспективным, на наш взгляд, является также фоностилистическое направление в исследовании фактов суперсегментного, просодического уровня, нацеленное на всестороннее изучение разновидностей стилей и жанров современной устной речи и на выявление закономерностей функционирования просодических средств в различных сферах и ситуациях общения с описанием интонационных характеристик различных функциональных стилей. Фоностилистический подход к изучению просодических средств дает возможность представить подлинную картину интонационного строя языка с многообразием существующих вариантов интоном, реализующихся в определенных функциональных стилях речи.

Изучение различных функциональных стилей на просодическом уровне тесно связано с повышением культуры публичной речи в области интонации родного языка. Выразительная речь на лекциях, выступлениях, радио, телевидении с соблюдением правил интонирования имеет не только эстетическое значение, сколько способствует адекватному восприятию смысла сказанного. Неправильное интонирование, искажая смысл высказываний, может привести даже к нарушению коммуникации. Вот почему следует знать правила и законы интонации родного языка, изучая богатейшие возможности интонации в передаче различных нюансов смысла посредством просодических средств. В этой связи необходимо овладеть орфоэпическими нормами интонационного оформления речи и пользоваться по необходимости интонационной транскрипцией.

Особый интерес представляют интонационные исследования, связанные с членением речевого потока, с выявлением принципов построения речи: на какие части она делится, как эти части соеди-

няются друг с другом и какие просодические средства, участвующие в сегментации, являются семиологически релевантными. Эти вопросы в общих чертах рассматривались в нашей работе в соответствии с конкретными задачами; в будущем стоит обратить внимание на детальное исследование интонационной организации текста (дискурса) с описанием не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на выбор суперсегментных средств в целостной просодической характеристике речи в русле теории речевой деятельности, прагма – и социолингвистики, что отвечало бы современным тенденциям развития языкознания.

Выявление приемов и способов членения речевого потока с последующей интеграцией просодических сегментов являются базой в разработке теоретических принципов автоматического распознавания и синтеза речи. В настоящее время на основе теоретических данных, полученных в результате изучения интонационной организации казахской речи, с выявлением специфики семантико-интонационного членения речевого потока по степени важности сегментов, а также с описанием набора интонационных единиц, ведутся работы по распознаванию и синтезу просодических характеристик речи.

Наряду с синхроническим описанием интонационных систем назрела необходимость диахронического изучения суперсегментного уровня языка. Такие исследования, на наш взгляд, следует связать с исторической фонетикой, фонологией, исторической грамматикой, теорией публичной речи, ораторским искусством. Эта трудная и вместе с тем интересная работа требует специальных изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакумов С. И.* Методика пунктуации. М., 1954.
- Абдурахманов Г. А.* Изучение синтаксиса тюркских языков. Ташкент, 1970.
- Алексеев И. Е.* Типология структурно-коммуникативных и интонационных систем высказывания в якутском языке. Автореф. дис. ... док. филол. н. Алма-Ата, 1994.
- Аманжолов С.* Қазақ тілі ғылыми синтаксисінің қысқа курсы. Алматы, 1940.
- Аманжолов С. А.* Қазақ әдеби тілі синтаксисінің қысқаша курсы. Алматы, 1994.
- Амиров Р. С.* Особенности синтаксиса казахской разговорной речи. Алма-Ата, 1972.
- Антипова А. М.* Направления исследований по интонации в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1986. № 1.
- Античные авторы об искусстве оратора: Аристотель о стиле ораторской речи; Цицерон о ритме ораторской речи // Об ораторском искусстве. М., 1958.
- Аралбаев Ж.* Қазақ фонетикасы бойынша этюдтер. Алматы, 1988.
- Артемов В. А.* К вопросу об интонации русского языка // Ученые записки 1-го МГПИИЯ, 6, 1953.
- Артемов В. А.* Психология обучения иностранным языкам. М., 1969.
- Артемов В. А.* Экспериментальная фонетика. М., 1956. С. 82.
- Аханов К.* Грамматика теориясының негіздері. Алматы, 1972.
- Ахметов З.* Абайдың ақындық әлемі. Алматы, 1995.
- Ахметов З.* Казахское стихосложение. Алма-Ата, 1964.
- Әуезов М.* Әдебиет тарихы. Қызылорда-Ташкент, 1927.
- Әуелбаева Ш., Қабиева Қ.* Қазақ тілі. Алматы, 1972.
- Базарбаева З. М.* Типологическое исследование интонации вводных единиц. Алма-Ата, 1991.
- Базарбаева З. М.* Қазақ тілінің интонациялық жүйесі. Алматы, 1996.
- Базарбаева З. М.* Қазіргі қазақ тілі интонациясының негіздері. Алматы, 2002.
- Баймуратова И. А.* Қазақ тіліндегі интонация тәсілі арқылы жасалған сұраулы сөйлемдер. Алматы, 2003.
- Байтұгаева Г. И.* Сложные определительные конструкции в современном казахском языке. Алма-Ата, 1962.
- Байтұрсынов А.* Тіл тағылымы. Алматы, 1991.

Байтұрсынов А. Шығармалары: өлеңдер, аудармалар, зерттеулер. Алматы, 1989.

Балакаев М., Қордабаев Т. Қазіргі қазақ тілі. Синтаксис. Алматы, 1961.

Балакаев М. Қазіргі қазақ тіліндегі жай сөйлем синтаксисінің негізгі мәселелері. Автореф. дис. ... д. филол. н. Алма-Ата, 1950.

Балакаев М. Сауатты жазудың негізі шарты – тыныс белгілерін дұрыс қоя білу // «Екпінді» газеті, апрель, Семей, 1941.

Балакаев М. Сөйлем мүшелерінің сөйлемдегі орын тәртібі // Изв. АН КазССР. Сер. филол. 1946. Вып. 4 (29).

Балақаев М., Қордабаев Т. Қазіргі қазақ тілі. Синтаксис. Алматы, 1961.

Бельтюков В. И. Программа овладения детьми произношением звуков речи (К вопросу о соотношении социальных и биологических факторов) – В.П. 1979, № 4.

Блохина Л. П. Просодические характеристики речи и методы их анализа. М., 1980.

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М., 1935.

Боллинджер Д. Интонация как универсалия // Принципы типологического анализа языков различного строя: Сборник статей под ред. Б. А. Успенского. М., 1972.

Болтабаева Х. Узбек тилида мураккаблашган содда гаплар. Ташкент, 1969.

Бондаренко Л. П. К вопросу о хезитационном членении речи // Вестник ЛГУ. 1976. Вып. 4, 20.

Брызгунова Е. А. Фонологический метод в интонации // Интонация. Киев, 1978.

Будагов Р. А. Очерки по языкознанию. Изд. АН СССР. М., 1953.

Бурнакова К. Н. Ритмомелодемы хакасских простых нераспространенных предложений. Автореф. дис. ... к. филол. н. Алма-Ата, 1982.

Веденина Л. Г. Пунктуация французского языка. М.: Высшая школа, 1975.

Велиев К. Н. Сложное синтаксическое целое и его поэтические конституэнты в эпическом тексте // Советская тюркология, № 6, Баку, 1990.

Виноградов В. В. Грамматика современного русского языка. М., 1952.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Тр. Ин-та рус. языка. Т. 1. М.-Л., 1950.

Виноградов В. В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

Виноградов В. В. Современный русский язык. Кн. 2. М.-Л., 1938.

Витт Н. В. Выражение эмоциональных состояний в речевой интонации. Автореф. дис. ... к филол. н. М., 1965.

Всеголовский-Гернгросс В. Н. Теория русской речевой интонации. Петроград, 1922.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1934.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Гвоздев А. Н. К вопросу о фонологических средствах русского языка // Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1982.

Герцог О. Ф. Ритмомелодика простого предложения теленгитского диалекта алтайского языка. Автореф. дис. ... к. филол. н. Алма-Ата, 1988.

Гордина М. В., Быстров И. С. Фонетический строй вьетнамского языка. М.: Наука, 1984.

Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980.

Даулетов М. Хэзирги каракалпак тилинде коспаланган жай гаплар. Но-кис, 1976.

Джунисбеков А. Гласные казахского языка. Алма-Ата, 1972.

Джунисбеков А. Просодика слова в казахском языке. Алма-Ата, 1987.

Джунисбеков А. Сингармонизм в казахском языке. Алма-Ата, 1980.

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1949.

Дозорец Ж. А. Эксперимент по определению связи между ритмом дыхания и паузами в речи // Ученые записки МГПИ, 423. М., 1971.

Долгова О. В. Семиотика неплавной речи. М., 1974.

Драздаускене М.-Л. А. Контактостанавливающая функция речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 114.

Есенов Х. М. Қазіргі қазақ тілінің синтаксистік қатынастары. Алматы, 1985.

Есенов Х. М. Синтаксис осложненного предложения в казахском языке. Алма-Ата, 1992.

Есиркепов Е. Структурно-семантические особенности встречного вопроса в казахском языке. Автореф. дис. ... к. филол. н. Алма-Ата, 1972.

Жанпейсов Е. Н. Модальные слова в современном казахском языке // Изв. АН КазССР. Сер. филолог. и искусствовед. Алма-Ата, 1957. Вып. 1(16).

Жиенбаев С. Сөйлемнің тыныс белгілері. Алматы, 1941.

Жиенбаев С. Сөйлемнің үйірлі мүшелері. Алматы, 1935.

Жұбанов Қ. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. Алматы, 1966, 1999.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1979.

Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Ленинград, 1987.

Иванова-Лукиянова Г. Н. Интонация и синтаксис // Филологические науки. 1987. № 4.

Интерференция в русской речи казахов // Проблемы казахско-русского двуязычия. Алма-Ата, 1988.

Кантер Л. А. Системный анализ речевой интонации. М., 1988.

Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.

Кацнельсон С. Д. Фонемы, синдемы и «промежуточные» образования // Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971.

Кенесбаев С., Мусабаев Ф. Қазіргі қазақ тілі. Лексика, фонетика. Алматы, 1962.

Кенесбаев С. Современный казахский язык. Фонетика. Алма-Ата, 1962.

Кенишибаев Т. И. Фонетические характеристики и пунктуационное оформление стыка фонетико-синтаксических единиц. Автореф. дис. ... к. филол. н. Алматы, 2002.

Клюев Е. В. Речевая коммуникация. М., 1998.

Ковтунова И. И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

Кривнова О. В. Автоматический синтез русской речи по произвольному тексту // Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Таруса, 1998.

Кривнова О. Ф. Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связном тексте // Проблемы фонетики / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995.

Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание. 2-е изд. Юрьев, 1913.

Кузнецов П. С. Проблемы дифференциальных признаков в фонологии и разграничение различных типов их исследования по фонологии. М., 1966.

Қазіргі қазақ тілі. Қаз. ССР Ғылым Академиясының баспасы. Алматы, 1954.

Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия. 1743 // Полное собрание сочинений. Т. VII. М.-Л., 1952.

Ломоносов М. В. Российская грамматика. 1765 // Полное собрание сочинений. Т. VII. М.-Л., 1952.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения / Пер. с чеш. // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Мусаев К. М. О глагольно-именных конструкциях в современном казахском языке. Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 1956.

Мұсабекова Ф. Қазіргі қазақ тілінің пунктуациясы. Алматы, 1973.

Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.

Николаева Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978.

Николаева Т. М. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях) // Вопросы языкознания. 1970.

Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.

Николаева Т. М. Типология систем интонации предложения // Материалы XI Международного конгресса фонетических наук: вопросы интонации. Франция, 1992.

Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

Никонов В. А. Стих и язык // Проблемы восточного стихосложения. М.: Наука, 1973.

Норк О. А. Основные интонационные модели немецкого языка // Иностранные языки в школе. М., 1964. № 3.

Норк О. А., Крушельницкая К. Г. К вопросу о фонологической функции интонации // Тезисы докладов межвузовской конференции «Синтаксис и интонация». М., 1962.

Нурмаханова А. Н. Типы простого предложения в тюркских языках (грамматические и интонационные особенности на материале узбекского, каракалпакского и казахского языков). Ташкент, ФАН, 1965.

Нурмаханова Ә. Н. Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1982.

Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. М., 1960.

Пешковский А. М. Интонация и грамматика // Известия по русскому языку и словесности. Рязань, 1928.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Пименов. А. М. Психолингвистические и социолингвистические детерминанты речи. М., 1978.

Потапова Р. К. Аннотация работы М. Рюда. Метод мелодематического анализа современного русского языка // Известия АН СССР. Т. XXVI. Вып. 6. 1967.

Радлов В. В. Образцы народной литературы. Т. 3. СПб., 1870.

Распопов И. П. Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательного предложения в русском языке. Автореф. дис. ... д. филол. н. М., 1964.

Румянцев М. К. Тон и интонация китайского языка. М., 1968.

Русская грамматика. Т. 1, 2. М., 1980.

Сарыбаев Ш. Х. Қазақ сөйлемінде үтірдің жазылатын орындары // Тіл мәселелері. Алматы, 1936.

Сарыбаев Ш. Ш. Междометие в казахском языке. Алма-Ата, 1959.

Сауранбаев Н. Т. Қазақ тіл білімінің проблемалары (таңдамалы еңбектерінің жинағы). Алматы, 1982.

Сауранбаев Н. Т. Қазақ тіліндегі құрмалас сөйлемдер жүйесі. Алматы, 1948.

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.

- Светозарова Н. Д. Пауза // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1993.
- Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973.
- Сыздыкова Р. Г. Қазақ тілінің анықтағышы. Астана: Елорда, 2000.
- Сыздыкова Р. Г. Сөз сазы. Алматы, 1995.
- Томашевский Б. В. Стих «Горе от ума» // Стих и язык. М.-Л., ГИХЛ, 1959.
- Торсуева И. Г. Дискретный характер интонации и возможность их типологического изучения // Ученые записки МГПИИЯ. М., 1968.
- Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М., 1979.
- Торсуева И. Г. Определение языковых функций компонентов интонации // Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, 37, 1967.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. М., 1960. С. 248–249.
- Туркбенбаев Н. У. Сравнительная фонетика казахского и русского языков. Алма-Ата, 1981.
- Утесбаева Ж. М. Интонационные конструкции казахского текста (на материале романа А. Нурпеисова «Қан мен тер») Автореф. дис. ... к. филол. н. Алма-Ата, 1990.
- Фортунатов Ф. Ф. Лекции по сравнительному языковедению. СПб., 1899. Избранные труды. Т. 2. М., 1957.
- Цахер О. Х. Фонология и синтаксис // Вопросы германо-романского языкознания и методика преподавания иностранных языков. Т. 1. Иркутск, 1968.
- Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974.
- Черемисина Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1982.
- Черемисина-Ениколопова Н. В. Законы и правила русской интонации. Учебное пособие. М.: Флинта, 1999.
- Шахматов А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Шигаревская Н. А. Основы французской пунктуации. М.: Просвещение, 1975.
- Щерба Л. В. Интонация. БСЭ. Т. 23. М., 1935.
- Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1954.
- Щерба Л. В. Пунктуация // Литературная энциклопедия. Т. IX. М., 1935.
- Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1948.
- Щерба Л. В. Субъективный и объективный метод в фонетике. СПб., 1910.
- Ысқақов А., Хасенов Ә. Тыныс белгілері. Алматы, 1951.
- Якобсон Р. О. Детский язык, афазия и общие звуковые законы. Баку, 1993.

- Alkon P. K. J. Steele and the melody of speech // Language and Speech. V. 2. 1959.*
- Baichura V. Phonetica pragensia № 3. Praha, 1972.*
- Benedix R. Katechismus der Redekunst. 6. Aufl. Leipzig, 1903.*
- Beyer F. Französische Phonetik für Lehrer und Studierende. 2. Aufl. Cöthen, 1897.*
- Blair H. Lectures on rhetoric and belles lettres. London, 1785. V. 2.*
- Bolinger D. Relative height Prosodic Feature Analysis // Analyse des faits prosodiques. Studia Phonetica. 1970/3.*
- Damourette J. Traité moderne de prononciation. P., 1939.*
- Danesh F. Sentence intonation from a functional point of view // Word. 1960. № 16.*
- Delattre P. Les dix intonations de base du français // The French Review. Paris, 1966.*
- Dubois J. Recherches sur l'intonation française // Etudes des linguistiques appliquées. 1963. V. 2.*
- Faure G. Aspects et fonctions linguistiques des variations mélodiques dans la chaîne parlée // Proceedings of the International congress of linguists. 9, 1964.*
- Firth J. R. Papers in Linguistics. London, 1957.*
- Fries C. On the intonation of «Yes-No» question in English // In honor of Daniel Jones. London, 1964.*
- Gabelentz G. Die sprachwissenschaft, ihre Aufgabe, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1891.*
- Girault-Duvivier Ch. Grammaire des grammaires ou Analyse raisonnée des meilleurs traités sur la langue française. Bruxelles, 1833.*
- Halliday M. Intonation and grammar in British English. Paris, The Hague, 1967.*
- Jones D. Intonation curves. Leipzig-Berlin, 1909.*
- Karcevskij S. Sur la phonologie de la phrase // Travaux du cercle linguistique de Prague, 1931.*
- Le Bidois J. Syntaxe du français moderne. V.2. Paris, 1935.*
- Lewis M. M. Infant Speech. New York, 1951.*
- Malmberg B. Les domaines de la phonétique. Paris, 1971.*
- Monaghan A. I. Rhythm and stress shift // Computer Speech and Language, 4, 1990.*
- Pinaéva V. Aperçu de l'intonation française. Moscou, 1965.*
- Radloff W. Phonetik der nördlichen Turksprachen. Leipzig, 1883.*
- Rigault A. Réflexions sur le statut phonologique de l'intonation // Proceedings of the International congress of linguists. 9, 1964.*
- Romportle M. Zum Wesen der Intonation // Proceedings of the International congress of phonetic sciences. 4. 1961.*

Schubiger M. English intonation, its form and function. Tubingen, 1958.

Searle J. Speech acts. Cambridge, 1959.

Sensine H. La ponctuation en français. Payot, 1930.

Weir R. H. Some Questions on the child's Learning of Phonology // The Genesis of Langage. A Psycholinguistic Approach. Cambridge (Massachusetts), 1966.

Zacher O. Zur intonation syntaktischer grundmodelle. ZPh, 1963. Bd. 16.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

История изучения интонации и ее место в системе языка	5
---	---

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИНТОНОЛОГИИ

О происхождении просодической системы языка	19
Единицы интонации	26
Компоненты интонации	36
Функции интонации	53
О связи интонации с синтаксисом	63
Пунктуация – одно из средств передачи интонационных возможностей на письме	75

ИНТОНАЦИЯ ПРОСТЫХ СТРУКТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Об изучении интонации простых предложений в тюркской фонетике и структурные схемы предложений	90
Методика экспериментально-фонетического анализа интонации	97
Интонационные характеристики повествовательных предложений	105
Интонационные характеристики вопросительных предложений	
Интонационные характеристики побудительных предложений	121
Интонационные характеристики восклицательных предложений	125
Интонационные характеристики перечисления при однородных членах	128
Интонационные характеристики обращения	133
Интонационные характеристики вводных единиц	137
Членение речевого потока	163
Интонымы казахского языка	172

ИНТОНАЦИЯ ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО

Общие сведения	179
Интонационные характеристики осложненных предложений	184
Интонационные характеристики сложных предложений	198
Интонационные характеристики сложного синтаксического целого	221

ИНТОНАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Общие сведения	233
Интонационные характеристики малых поэтических форм	237
Интонационные характеристики больших поэтических форм	248

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	270
-------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРА	274
------------------	-----

Зейнеп Муслимовна Базарбаева

Казахская интонация

Редактор Л. А. Туманова

Дизайнер К. К. Карпун

Корректор З. Рахимбаева

Компьютерная верстка Е. А. Немировской

Подписано в печать 07.03.08.

Формат 60х90¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 18.35. Усл. печ. л. 17.75.

Тираж 1000 экз.

Заказ №1554.

Издательство “Дайк-Пресс”,

050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29.

Тел.: 261-28-35, 261-32-75

e-mail: daikpress@mail.ru, daiksof@mail.ru

Директор Б. А. Казгулов

Отпечатано с файлов заказчика на Полиграфкомбинате

ТОО «Корпорация «Атамұра» Республики Казахстан.

050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.

Базарбаева Зейнеп Муслимовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом фонетики Института языкознания им. А. Байтурсынова, специалист по типологическому и тюркскому языкознанию.

В 1975 году окончила Московский государственный институт иностранных языков им. Мориса Тореза (ныне Московский лингвистический университет). С 1981 года работает в Институте языкознания НАН РК. В 1983 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Интонация вводных единиц в языках различного типа (на материале французского, казахского и русского языков)»; в 1997 году – докторскую диссертацию на тему «Интонационная система казахского языка».

З. М. Базарбаева является руководителем научно-исследовательских тем по интонологии, исторической фонологии и прикладной лингвистике. Подготовила семь кандидатов наук. Является ответственным редактором периодического республиканского научного журнала «Тілтаным» («Языкознание»). Владеет французским и английским языками.

Является автором книг: «Типологическое исследование интонации вводных единиц (на материале французского, казахского и русского языков)», «Строй казахского языка» (коллектив авторов), «Қазақ тілінің интонациялық жүйесі», «Қазіргі қазақ тілінің интонация негіздері», «Қазақ грамматикасы» (коллектив авторов), а также около 100 научных статей.

Қазақская
интонация